

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2016 / № 4

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

ISSN 2072-8514 (print)

2016 / № 4

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

**Редакционно-издательский совет
«Вестника Московского государственного
областного университета»**

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клубуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2016. – № 4. – 144 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26137.

Индекс серии «Психологические науки»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40717

© МГОУ, 2016.

© ИИУ МГОУ, 2016.

**Редакционная коллегия серии
«Психологические науки»**

Ответственный редактор серии:

Шульга Т.И. – д.псх.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Климова Е.М. – к.псх.н., МГОУ

Ответственный секретарь:

Филинкова Е.Б. – к.псх.н., доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Иванников В.А. – д.псх.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Карри К. – д.псх.н., Православный институт Святого Иоанна Богослова

Марцинковская Т.Д. – д.псх.н., проф., Психологический институт РАО (г. Москва)

Овсяник О.А. – д.псх.н., доц., МГОУ

Резванцева М.О. – к.псх.н., проф., МГОУ

Утлик Э.П. – д.псх.н., проф., МГОУ

Фирсов М.В. – д.и.н., проф., МГОУ

Шнейдер Л.Б. – д.псх.н., проф., Московский психолого-социальный институт

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31;

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Psychology»

Editor-in-chief:

T.I. Shul'ga – Doctor of Psychology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

Y.M. Klimova – Ph.D. in Psychology, MRSU

Executive secretary:

Y.B. Filinkova – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.A. Ivannikov – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – Ph. D in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine

T.D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor Psychological Institute, RAE (Moscow)

O.A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, MRSU

M.O. Rezvantseva – Ph.D. in Psychology, Professor, MRSU

E.P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, MRSU

M.V. Firsov – Doctor of History, Professor, MRSU

L.B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Psychology-Social Institute

Publishing council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101); (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychology. – 2016. – № 4. – 144 p.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26137.

Index series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

© MRSU, 2016.

© Information & Publishing department of MRSU, 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Зиренко М.С., Исмаилова А.М.</i> КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР ПРИ РЕШЕНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ.....	6
<i>Локалова Н.П., Дрегина А.М.</i> СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНИКОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ	15

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Айсина Р.М.</i> КАРЬЕРНЫЙ ДАУНШИФТИНГ КАК СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА, СВЯЗАННОГО С ПОТЕРЕЙ РАБОТЫ	31
<i>Булгаков А.В., Чистоходова Л.И., Павлютенкова О.А.</i> МОТИВАЦИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ЧЛЕНСТВА КАК КОМПОНЕНТ МЕЖГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ЕДИНОМ ПРОФСОЮЗЕ ВУЗА (ЧАСТЬ 2. ПРЕПОДАВАТЕЛИ: ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПРОФСОЮЗНОГО ЧЛЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ В ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ).....	41
<i>Воробьева А.Е.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К РЕКЛАМНЫМ ВОЙНАМ БРЕНДОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ АГРЕССИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ	55
<i>Максименко Ж.А.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРАХ, СНИЖАЮЩИХ КАЧЕСТВО ИХ ЖИЗНИ.....	71
<i>Свирина О.Н.</i> ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ МИГРАНТОВ И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	80
<i>Суслова Т.Ф.</i> СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИИ.....	89
<i>Хрупова А.Н., Шульга Т.И.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О САМОПОВРЕЖДАЮЩЕМ ПОВЕДЕНИИ	101

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Баурина А.Б.</i> РАЗЛИЧИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....	114
<i>Бобылева И.А., Заводилкина О.В.</i> ПРОЯВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ У ВЫПУСКНИКА ДЕТСКОГО ДОМА: ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТА.....	123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРИГЛАШЕНИЯ НА XII ЛЕВИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.....	138
--	-----

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

- M. Zirenko, A. Ismailova.* CROSS-CULTURAL COMPARISON OF PERSONALITY AND COGNITIVE STRUCTURES IN CREATIVE PROBLAM SOLVING 6
- N. Lokalova, A. Dregnina.* STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHANGES IN INTELLECTUAL AND PERSONAL SYSTEM OF SCHOOL STUDENTS UNDER THE IMPACT OF GOAL-DIRECTED COGNITIVE DEVELOPMENT..... 15

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

- R. Aysina.* CAREER DOWNSHIFTING AS A STRATEGY FOR COPING WITH JOB LOSS 31
- A. Bulgakov, L. Chistokhodova, O. Pavlyutenkova.* MOTIVATION OF UNION MEMBERSHIP AS A COMPONENT OF INTERGROUP ADAPTATION OF STUDENTS AND TEACHERS IN A SINGLE TRADE UNION ORGANIZATION OF THE UNIVERSITY (PART 2. TEACHERS: FEATURES OF MOTIVATION OF TRADE-UNION MEMBERSHIP IN THE CONTEXT OF INTERGROUP ADAPTATION TO THE TRADE UNION ORGANIZATION)..... 41
- A. Vorobieva.* PSYCHOLOGICAL ATTITUDE TO BRAND WARS DEPENDING ON DIFFERENT LEVELS OF PERSONAL AGGRESSIVENESS 55
- Zh. Maksimenko.* DISABLED PEOPLE'S REPRESENTATIONS ABOUT SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL BARRIERS WHICH LOWER THEIR QUALITY OF LIFE..... 71
- O. Svirina.* ETHNIC STEREOTYPES AS ONE OF THE REASONS OF PSYCHOSOCIAL RISKS IN INTERETHNICAL RELATIONS BETWEEN MIGRANTS AND NATIVE POPULATIONN 80
- T. Suslova.* SOCIAL WELL-BEING OF AN INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF MIGRATION 89
- A. Khrupova, T. Shulga.* STUDENTS' CONSIDERATIONS OF SELF-INJURIOUS BEHAVIOR 101

SECTION III. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

- A. Baurina.* DIFFERENCES IN PSYCHOLOGICAL MAKE-UP OF STUDENTS OF TECHNICAL AND ARTISTIC SPECIALTIES..... 114
- I. Bobyleva, O. Zavodilkina.* MANIFESTATIONS OF ORPHANAGE GRADUATES' SELF-DEPENDENCE: A VIEW OF A SPECIALIST 123

SCIENTIFIC LIFE

- INVITATION TO XXII LEVITOV READINGS 138

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-6-14

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР ПРИ РЕШЕНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ

Зиренко М.С.¹, Исмаилова А.М.²

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

² *Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Баку
AZ1143, г. Баку, ул. Фирудина Агаева, д. 14, Азербайджанская Республика*

Аннотация. В статье представлены результаты кросс-культурного исследования когнитивной и личностной регуляции решения творческой задачи студентами из Азербайджана и России. Студенты решали творческую задачу и заполняли два опросника – «Толерантность к неопределенности» С. Баднера и «Опросник имплицитных теорий и целей обучения» К. Двек. Настойчивость в решении задачи в азербайджанской выборке связана с константными имплицитными теориями интеллекта и личности; в российской выборке настойчивость связана с высокими самооценками успешности в обучении. При разрешении творческой задачи азербайджанские студенты ориентируются на шкалы «честности – нечестности», а российские – на поиск решения за пределами ситуации, что демонстрирует различия в диапазоне представлений о возможных направлениях разрешения ситуации неопределенности в двух культурных группах.

Ключевые слова: имплицитные теории интеллекта, имплицитные теории личности, толерантность к неопределенности, решение творческой задачи, кросс-культурные различия, Россия, Азербайджан.

CROSS-CULTURAL COMPARISON OF PERSONALITY AND COGNITIVE STRUCTURES IN CREATIVE PROBLAM SOLVING

M. Zirenko¹, A. Ismailova²

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, the Russian Federation*

² *Baku Branch of Lomonosov Moscow State University
14, Firudin Agayev str., Baku, AZ 1143, Azerbaijan*

© Зиренко М.С., Исмаилова А.М., 2016.

Abstract. The article presents cross-cultural study of cognitive and personality regulation of creative problem solving. Fifty-four students from Azerbaijan and Russia worked on a creative problem and completed Budner's Tolerance for Ambiguity Scale (adapted by Kornilova-Chumakova) and Implicit Theories and Leaning Goals Questionnaire (adapted by Kornilova-Smirnov). Persistence in creative problem solving in Azerbaijan sample is related to fixed implicit theories of intelligence and personality; in Russian sample persistence is related to high self-assessed level of academic achievement. In creative problem solving the Azerbaijan students are more oriented on "honesty-dishonesty" criterion, while the Russian students are oriented on searching "beyond the limits" of the formulated problem. This demonstrates the differences in a range of possible directions in dealing with situation of uncertainty in two cultural groups.

Key words: implicit theories of intelligence, implicit theories of personality, tolerance for uncertainty, creative problem solving, cross-cultural differences, Russia, Azerbaijan.

Регуляция творческого мышления

Решение творческой задачи, заключающееся в формулировании условий и требований, прогнозировании неизвестного искомого результата, выборе средств его достижения, осуществляется на разных уровнях саморегуляции через взаимодействие компонентов когнитивной сферы, интеллекта и личностных свойств, как стабильных, так и динамических, выражающих включенность человека в ситуацию решения задачи [3]. Функционирование интеллектуальных и личностных компонентов в единых «динамических регулятивных системах» развивает идею Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, а также идеи отечественной школы психологии мышления О.К. Тихомирова о смысловой регуляции мышления [3]. Анализ регуляции мышления осуществляется путем выделения единиц, представляющих интеллектуальные и личностные процессы в единстве. Кросс-культурное исследование включает контекстную переменную культуры в качестве еще одного из аспектов регуляции мыслительной деятельности, как части сознания и самосознания людей, в отношении собственной творческой активности [7].

Поскольку творческая задача формулируется как ситуация неопределенности, незаданности критериев решения, особенно значимыми становятся личностные характеристики, связанные со взаимодействием человека с неопределенностью и новизной, а именно: толерантность к неопределенности (ТН) и имплицитные теории (ИТ). ИТ и ТН следует понимать как диспозиционные факторы личностной регуляции, действующие через звено целеобразования. ТН включает в себя субъективную неуверенность и принятие неизвестного, выступает условием регуляции когнитивных стратегий решения, а интолерантность к неопределенности (ИТН) в большей степени связана с личностной регуляцией [5]. ИТ базируются на таситном знании [9], понимаются как стихийно складывающиеся житейские теории [11] и в большей степени актуализируются в ситуациях субъективной неопределенности, компенсируя отсутствие соответствующих ситуации знаний, выполняют связующую роль между самосознанием и бытийными слоями сознания [4]. Роль ИТ в регуляции процесса решения задач показала К. Двек [1]. При неудаче, препятствии

люди с константной ИТ склонны рассматривать себя как некомпетентных, избегать сложных заданий и неохотно прикладывать усилия. Люди с ИТ приращения, напротив, считают, что способности могут быть изменены под влиянием усилий, ориентированы на цели повышения мастерства в выполнении сложных задач. Однако связь ИТ с целевыми ориентациями непрямая, опосредованная медиаторами (см. мета-анализ) [10].

ИТ приращения в большей степени распространены в культурах Восточной Азии, чем в Западных культурах, поскольку в восточно-азиатских обществах делается больший акцент на роли усилий для большего числа ситуаций, чем в культурах Запада [16]. Японские студенты прилагают больше усилий после неудач, американские – после успехов [13], а для чилийских студентов настойчивость в решении не зависит от характера обратной связи [12]. 74 % индийских студентов верят, что любой может стать высоко интеллектуальным, а 66 % американских студентов – что лишь некоторые обладают таким потенциалом [17]. У российских студентов ИТ приращаемого интеллекта положительно связана с осознанной саморегуляцией, принятие целей обучения связано с гибкостью контроля [4].

ИТ интеллекта и личности взаимодействуют с отношением человека к неопределенности [15] и его творческими возможностями [3]. Креативность и самооценку креативности связывают с проявлениями личностной ТН у студентов, преподавателей и профессионально состоявшихся творцов [6; 8].

Кросс-культурный контекст сравниваемых выборок

Студенты МГУ им. М.В. Ломоносова в Москве и в Баку обучаются по одним и тем же образовательным программам на русском языке, процесс обучения студентов в обеих группах можно считать сходным. Однако формирование личностных особенностей задается культурными образцами и ценностями, социальными представлениями, которые различаются у представителей Азербайджана и России.

Существуют различия в выраженности ТН и ИТ у студентов рассматриваемых культурных групп [15]. Ориентация на результат выражена в большей степени у азербайджанских студентов; российские студенты считают себя более успешными в обучении. ТН выше среди российских студентов, а ИТН – у азербайджанских студентов мужского пола (среди подгрупп женщин различий по ИТН нет).

Целью исследования стало выявление кросс-культурных различий в связях между толерантностью и интолерантностью к неопределенности, ИТ интеллекта и личности, когнитивными стратегиями и настойчивостью в решении творческой задачи у азербайджанских и российских студентов.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия в стратегиях решения творческой задачи у азербайджанских и российских студентов;

2. Проявление настойчивости при решении творческой задачи по-разному связано с показателями по шкалам опросников ИТ и ТН в азербайджанской и российской выборках.

Методы

Выборка

В исследовании на добровольной основе приняли участие студенты (N=54) разных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова в Баку (n=28; 50% девушки; M=19 лет, SD=0,9) и Москве (n=26; 69% девушки; M= 22 г., SD= 2,6).

Методика

Испытуемые решали задачу из класса малых творческих задач о «ростовщике и камушках» методом «мышления вслух» [2]. Фиксировались время решения и количество предложенных способов решения, которые операционализируют настойчивость в решении задачи. Для выявления когнитивных стратегий решения проводился анализ вербальных протоколов.

Для диагностики личностных характеристик применялись методики:

1. Опросник имплицитных теорий Двек – Смирнова [4];

2. Опросник толерантности к неопределенности С. Баднера [5].

Оба опросника апробированы на азербайджанской студенческой выборке [15], что позволяет делать вывод о кросс-культурной эквивалентности методик.

Результаты

1. Среди азербайджанских студентов больше тех, кто правильно решил задачу (U=183, $p < 0,001$).
2. Группы, выделенные по медианам шкал опросников, различаются только по шкале ИТН (M=29 у азербайджанских студентов и M=23,5 и российских).

Таблица 1

Матрица интеркорреляций по шкалам опросников
(ρ -коэффициент Спирмена)

	ИТИ	ИТЛ	ПЦ	СО	ТН	ИТН
ИТИ	-	0,433*/ 0,569**	-0,087/ 0,183	0,084/ 0,104	0,121/ -0,113	-0,432*/ 0,058
ИТЛ		-	-0,378*/ ,099	-0,187/ 0,277	-0,096/ -0,130	-0,020/ -0,005
ПЦ			-	0,437*/ 0,610**	0,238/ 0,177	-0,276/ -0,215
СО				-	0,365 (p=0,062)/ -0,091	-0,257/ 0,075
ТН					-	-0,232/-0,715**

Примечания. В таблице представлены значения для азербайджанских студентов (слева от знака «/») и российских студентов (справа от знака «/»). Уровень значимости различий: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. ИТИ – ИТ интеллекта, ИТЛ – ИТ личности, ПЦ – принятие целей обучения, СО – самооценка обучения.

Представления о приращаемом интеллекте и развиваемой личности в обеих выборках имеют значимую прямую связь (см. Табл. 1). В азербайджанской выборке студенты с ИТ приращаемого интеллекта, характеризуются снижением интолерантности

к неопределенности, а студенты с ИТ развиваемой личности ориентированы на цели достижения результата.

Для обеих групп выявлена положительная связь между ориентацией на повышение мастерства и самооценкой обучения (СО).

Анализ протоколов решения задач

Выделены стратегии решения задачи, отличавшиеся по направленности конечной цели: а) честные (указание ростовщику на подлог, переигрывание ситуации, отстаивание справедливости договора и др.); б) нечестные (обман, подлог / покраска камня и др.); в) агрессивные (убийство ростовщика / нанесение увечий); г) смирение (выйти замуж, ожидать смерти ростовщика); д) побег (физический выход из ситуации); е) поиск решений за пределами условий задачи (занять денег, найти другого человека, который женится на девушке и выплатит долг, пригласить эксперта для оценки цвета камней и др.).

Азербайджанские студенты чаще, чем российские, используют честные ($U=243$, $p < 0,05$) и нечестные ($U=179,5$, $p < 0,01$) стратегии разрешения ситуации, а российские – чаще применяют стратегию поиска решения за пределами условий задачи ($U=230$, $p < 0,01$). Результат позволяет принять гипотезу 1. У азербайджанских студентов большее количество вариантов решения ($U=255$, $p < 0,05$), но время решения значимо не отличается от группы российских студентов.

3. Далее по каждой из шкал опросников проведено медианное расщепление групп на подгруппы с большей и меньшей выраженностью личностного свойства.

Шкала ИТ интеллекта. Азербайджанские студенты с выраженной константной ИТ интеллекта проявляют большую настойчивость в решении задачи (для времени $p < 0,05$, для количества вариантов решения $p < 0,001$), по сравнению с теми, у кого выражена ИТ приращения, а также демонстрируют большее количество «нечестных» и

«честных» стратегий ($p < 0,01$ для обоих показателей). Среди российских студентов по подгруппам с разными ИТ интеллекта различий не обнаружено. Результат свидетельствует в пользу гипотезы 2.

Шкала ИТ личности. У азербайджанских студентов с ИТ обогащаемой личности выражена ориентация на результат ($p < 0,05$) и они предлагают меньшее число решений ($p < 0,01$), меньшее количество стратегий «честного» разрешения ситуации ($p < 0,01$), в отличие от студентов своей культурной группы с константной ИТ. У российских студентов различий по подгруппам нет.

Принятие целей обучения и СО. Различия по этим шкалам обнаружены только для российских студентов: в подгруппе с высокими СО выражена целевая ориентация на повышение мастерства ($p < 0,05$), больше среднее время решения задачи ($p < 0,01$).

Шкалы отношения к неопределенности. По ТН различий по подгруппам не обнаружено. У азербайджанских студентов с низкой ИТН выражена ИТ обогащаемой личности ($p < 0,01$), у российских студентов с высокой ИТН – большее количество решений задачи ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Азербайджанские студенты оказались более успешными в решении творческой задачи, чем российские. Возможно, этот результат связан с эффектом экспериментатора – в Баку и в Москве исследование проводили разные экспериментаторы. Другим возможным объяснением могут быть сравнительно большие творческие способности азербайджанских студентов в силу билингвистичности культуры Азербайджана. Ряд исследований

демонстрирует большую успешность в решении творческих задачи среди тех, кто принадлежит к билингвистичным (vs монолингвистичным) культурам [14; 18].

Получены данные в пользу гипотезы 1. Критерием разрешения ситуации неопределенности в азербайджанской выборке выступила «честность – нечестность» исхода, что согласуется с данными о коллективистическом характере азербайджанской культуры, где социальные отношения являются значимой детерминантой выбора. В российской выборке чаще применялась стратегия «поиска за пределами ситуации». Это может указывать на задействование более широкого диапазона представлений о возможных направлениях разрешения ситуации неопределенности. Кроме того, частота этой стратегии может рассматриваться как проявление ИТН – количество предложенных вариантов выше, в том числе в подгруппе с высокой ИТН. Стратегия «поиска за пределами ситуации», вероятно, позволяет снизить неопределенность, заданную условиями задачи, ведь если находится какое-то внешнее средство, регулирующее ситуацию и «снимающее» некоторые ограничения, введенные условиями задачи, вроде бы и само разрешение ситуации тоже находится.

Гипотеза 2 о межгрупповых различиях в связях личностных свойств и настойчивости в решении задачи также может быть принята. Время решения задачи значимо не отличалось в двух группах, а количество предлагаемых вариантов решения больше в азербайджанской выборке. Этот результат косвенно может свидетельствовать о большей креативности этой группы, поскольку беглость (количе-

ство решений в единицу времени) является одним из показателей креативного мышления.

Настойчивость в решении задачи в азербайджанской выборке оказалась выше среди студентов с ИТ «константного интеллекта» и ниже среди студентов с ИТ «неизменяемой личности». Можно предположить, что студенты с константой ИТ через настойчивость в решении проявляют тенденцию к демонстрации высокого уровня этой способности. Среди российских студентов настойчивость в решении проявили студенты с высокими самооценками обучения, а также те, у кого выше ИТН. Возможно, студенты с высокими самооценками обучения тщательно и с интересом подходят к подобным ситуациям неопределенных задач, требующих их участия в разрешении (у них также выражена ориентация на повышение мастерства).

Выводы

1. Азербайджанские студенты оказались более успешными в решении творческой задачи, чем российские студенты.
2. Настойчивость в решении творческой задачи у азербайджанских студентов связана с константными имплицитными теориями интеллекта и личности, у российских студентов – с высокими самооценками успешности в обучении.
3. Азербайджанские студенты осуществляют целевую направленность поиска разрешения ситуации через шкалы «честности – нечестности», российские студенты чаще применяют стратегию «поиска за пределами ситуации».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Двек К. Гибкое сознание: новый взгляд на психологию развития взрослых и детей; пер. с англ. С. Кировой. М., 2013. 400 с.
2. «Искусственный интеллект» и психология / под ред. О.К. Тихомирова. М., 1976. 332 с.
3. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. № 34(3). С. 89–100.
4. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) / Т.В. Корнилова и др. // Психологический журнал. 2008. № 29(3). С. 106–120.
5. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 24–36.
6. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Толерантность к неопределенности и креативность у преподавателей и студентов // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 1–10.
7. Марцинковская Т.Д. Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования: [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37.html> (дата обращения: 30.03.2016).
8. Павлова Е.М. Имплицитные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 75–95.
9. Стернберг Р. Практический интеллект. СПб., 2002. 272 с.
10. Mind-sets matter: A meta-analytic review of implicit theories and self-regulation / J.L. Burdette and oth. // Psychological Bulletin, 2013. № 139(3). P. 655–701.
11. Furnham A. Lay theories: Everyday understanding of problems in the social sciences. N.Y., 1988.
12. Heine, S. J., Raineri, A. Self-improving motivations and culture: The case of Chileans // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2009. № 40. P. 158–163.
13. Divergent motivational consequences of success and failure in Japan and North America / S.J. Heine and oth. // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81. P. 599–615.
14. Kharkhurin A.V. Multilingual matters. Bristol, Buffalo, Toronto, 2012. 240 p.
15. Implicit Theories of Intelligence and Personality, Attitudes towards Uncertainty, and Academic Achievement in College Students: cross-cultural study / T.V. Kornilova and oth. // In: The 3-rd International Academic Conference on Social Sciences. IACSS 2015 (Стамбул, 24–25 апреля 2015 г.). Conference Proceedings. Batumi, 2015. С. 189–202.
16. Eastern and Western perceptions of causality for social behavior: Lay theories about personalities and situations / A. Norenzayan and oth., ed. by D.A. Prentice, D.T. Miller // Cultural divides: Understanding and overcoming group conflict, New York: Sage, 1999. P. 239–272.
17. Can everyone become highly intelligent? Cultural differences in and societal consequences of beliefs about the universal potential for intelligence / A. Rattan and oth. // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. № 103. P. 787–803.
18. The Handbook of Bilingual and Multilingual Education / W.E. Wright and oth. Wiley-Blackwell, 2015. 688 p.

REFERENCES

1. Dweck K. Gibkoe soznanie: novyi vzglyad na psikhologiyu razvitiya vzroslykh i detei; per. s angl. S. Kirovoi [Flexible Mind: a New Look at the Development of Adults and Children. Translated from English. S. Kirova]. M., 2013. 400 p.

2. «Iskusstvennyi intellekt» i psikhologiya [“Artificial Intelligence” and Psychology]. M., 1976. 332 с.
3. Kornilova T.V. Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi regulyatsii reshenii i vyborov [Psychology of Uncertainty: the Unity of Intellectual-Personality Regulation in Decisions and Choices] // Psikhologicheskii zhurnal. 2013, no. 34(3), pp. 89–100.
4. Modifikatsiya oprosnika implitsitnykh teorii K. Dvek (v kontekste izucheniya akademicheskikh dostizhenii studentov) [Modification of the Questionnaire Of implicit Theories, Dweck K. (in the Context of A study of Academic Achievements of Students)] / Kornilova T.V. i dr. // Psikhologicheskii zhurnal. 2008, no. 29(3), pp. 106–120.
5. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika S. Badnera [The Scale of Tolerance Intolerance of Ambiguity in the Modification of the Questionnaire by S. Badnera] // Eksperimental'naya psikhologiya. 2014, no. 1, pp. 24–36.
6. Kornilova T.V., Smirnov S.D. Tolerantnost' k neopredelennosti i kreativnost' u prepodavatelei i studentov [Tolerance for the Ambiguity and Creativity among Teachers and Students] // Voprosy psikhologii. 2012, no. 2, pp. 1–10.
7. Martsinkovskaya T.D. Sotsial'naya i esteticheskaya paradigmy v metodologii sovremennoi psikhologii [Elektronnyi resurs] [Social and Aesthetic Paradigms in the Methodology of Modern Psychology [Electronic Source]] Psikhologicheskie issledovaniya: [Psychological research] [site]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37.html> (request date 30.03.2016)
8. Pavlova E.M. Implitsitnye teorii i samootsenka kreativnosti v strukture samosoznaniya lichnosti [Implicit Theories and Self-Assessment of Creativity in the Structure of Self-Consciousness] // Psikhologiya. Zhurnal Vyssei Shkoly ekonomii. 2014, no. Vol. 11, № 4, pp. 75–95.
9. Sternberg R. Prakticheskii intellekt [Practical Intelligence]. SPb., 2002. 272 p.
10. Mind-sets matter: A meta-analytic review of implicit theories and self-regulation / J.L. Burnette and oth. // Psychological Bulletin, 2013. № 139(3). P. 655–701.
11. Furnham A. Lay theories: Everyday understanding of problems in the social sciences. N.Y., 1988.
12. Heine, S. J., Raineri, A. Self-improving motivations and culture: The case of Chileans // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2009. № 40. P. 158–163.
13. Divergent motivational consequences of success and failure in Japan and North America / S.J. Heine and oth. // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81. P. 599–615.
14. Kharkhurin A.V. Multilingual matters. Bristol, Buffalo, Toronto, 2012. 240 p.
15. Implicit Theories of Intelligence and Personality, Attitudes towards Uncertainty, and Academic Achievement in College Students: cross-cultural study / T.V. Kornilova and oth. // In: The 3-rd International Academic Conference on Social Sciences. IACSS 2015 (Стамбул, 24–25 апреля 2015 г.). Conference Proceedings. Batumi, 2015. С. 189–202.
16. Eastern and Western perceptions of causality for social behavior: Lay theories about personalities and situations / A. Norenzayan and oth., ed. by D.A. Prentice, D.T. Miller // Cultural divides: Understanding and overcoming group conflict, New York: Sage, 1999. P. 239–272.
17. Can everyone become highly intelligent? Cultural differences in and societal consequences of beliefs about the universal potential for intelligence / A. Rattan and oth. // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. № 103. P. 787–803.
18. The Handbook of Bilingual and Multilingual Education / W.E. Wright and oth. Wiley-Blackwell, 2015. 688 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зиренко Мария Сергеевна – аспирант кафедры общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: mzirenko@inbox.ru

Исмаилова Аян Мобиль – магистрант кафедры развития Бакинского филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: ian-i09@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zirenko Maria S. – Post-Graduate Student of the Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: mzirenko@inbox.ru

Ismailova Ayan M. – Post-Graduate Student of the Department of Development, Baku Branch of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ian-i09@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Зиренко М.С., Исмаилова А.М. Кросс-культурное сопоставление личностных и когнитивных структур при решении творческой задачи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-6-14

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Zirenko, A. Ismailova. Cross-cultural Comparison of Personality and Cognitive Structures in Creative Problem Solving // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-6-14

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-15-30

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНИКОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Локалова Н.П.¹, Дрегнина А.М.²

¹ Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)
125009, Москва, ул. Моховая, 9, стр. 4, Российская Федерация

² Муниципальное образовательное учреждение «Гимназия»
140170, Бронницы, Комсомольский пер., д. 60, Российская Федерация

Аннотация. На подростках (7 класс) и старших школьниках (10 класс) изучались изменения взаимосвязей интеллектуальной и личностной сфер в результате осуществления целенаправленного и систематического когнитивного развития. Показано, что главным фактором, имплицитно содержащимся в полученных матрицах интеркорреляций, в конце исследовательского периода выступает в группе школьников экспериментальных классов интеллектуально-личностное благополучие, а у их сверстников из контрольных классов – аффективно-эмоциональный фактор.

Ключевые слова: когнитивная сфера, аффективно-эмоциональная сфера, мотивационная сфера, целенаправленное когнитивное развитие, межфункциональная корреляционная структура, факторный анализ.

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHANGES IN INTELLECTUAL AND PERSONAL SYSTEM OF SCHOOL STUDENTS UNDER THE IMPACT OF GOAL-DIRECTED COGNITIVE DEVELOPMENT

N. Lokalova¹, A. Dregnina²

¹ Psychological Institute of RAE (Moscow)
9, b. 4, Mokhovaya str., Moscow, 125009, the Russian Federation

² "Gimnaziya" Municipal Educational Institution
60, Komsomol lane, Bronnitsy, 140170, the Russian Federation

Abstract. The paper presents data of an empirical study of influence of the goal-directed and systematic cognitive development on the interrelations of intellectual and personal spheres of school students of VII and X grades. The findings are interpreted as indicating the main factor which is implicitly contained in the resulting correlate matrices. In the end of the research period it is intellectual and personal well-being in both groups of school students of the experimental classes that becomes significant. At the same time the leading role plays the affective-emotional factor in both groups of school students of the control classes.

Key words: cognitive sphere, affective-emotional sphere, motivational sphere, purposeful cognitive development, interfunctional correlative structure, factor analysis.

Сопряжённость уровня интеллектуального развития с особенностями личностных характеристик субъекта теоретически обоснована в работах видных отечественных и зарубежных психологов [1; 3; 5; 6; 9; 11; 16; 25; 28] и эмпирически установлена в целом ряде психологических исследований [4; 7; 8; 10; 17; 18; 19; 29; 31; 32]. Однако теперь уже недостаточно только констатировать наличие глубокого единства интеллектуальных и личностных характеристик. Необходимо вскрыть его психологические механизмы, описать «внутреннюю картину» складывающихся структурно-функциональных взаимоотношений между когнитивной и личностной сферами на разных возрастных этапах, выявить факторы, влияющие на становление этого единства и обуславливающие его качественные особенности.

В этой статье обосновывается доминирующая роль когнитивной сферы в формировании интеллектуально-личностного единства и обуславливании позитивных изменений личностных характеристик. Представлены результаты изучения структурно-функциональных сдвигов во взаимосвязях интеллектуальной и личностной (аффективно-эмоциональной и мотивационной) сфер у подростков 7-х и 10-х классов, происходящих вследствие повышения их когнитивного уровня, обусловленного целенаправленными и систематическими воздействиями на познавательную сферу школьников.

Испытуемые, процедура и методики исследования

Эмпирический материал получен на двух разновозрастных выборках школьников – учащихся 7-х и 10-х

классов, обучающихся по традиционным учебным программам. Каждая возрастная выборка была представлена двумя естественно сложившимися классными группами, одна из которых являлась экспериментальной (ЭГ) (для 7 класса $N=25$; для 10 класса $N=21$), а другая – контрольной (КГ) (для 7 класса $N=28$; для 10 класса $N=25$).

Исследование осуществлялось в три этапа.

На первом этапе проводилось психодиагностическое обследование всех учащихся обеих возрастных групп: 7-классников по 12 показателям, 10-классников по 13 показателям, характеризующим исходное состояние их когнитивной, аффективно-эмоциональной и мотивационной сфер.

На втором этапе со школьниками обеих ЭГ в течение учебного года на специальных уроках проводилась развивающая работа (2–3 раза в неделю по 45 минут) по программе Н.П. Локаловой «Уроки психологического развития в средней школе» [12; 13]. Целью этих уроков являлось совершенствование познавательной деятельности подростков. Специально подобранные задания направлены на развитие абстрактно-логических форм мышления, внимания, воображения, внутреннего плана действия, пространственных представлений, эмоционально-личностной сферы школьников. Последовательность введения познавательных заданий осуществлялась на основе дифференционно-интеграционного закона психического развития [30]. Во время второго этапа исследования, когда с учениками ЭГ наряду с занятиями по общеобразовательным учебным предметам проводилась экспериментальная развивающая работа, их

сверстники из параллельных классов (КГ) обучались только по традиционным учебным программам.

На третьем этапе осуществлялось повторное диагностическое обследование учащихся ЭГ и КГ по тем же методикам, что и на первом этапе, с целью выявления состояния их интеллектуально-личностной системы в конце исследовательского периода.

В работе для выявления динамики интеллектуального и личностного развития школьников использовались методики, выбор которых и основание для анализа полученных результатов определялись их теоретическим обоснованием, наличием статистических данных о надёжности и валидности приводимых авторами методик.

1. Для изучения интеллектуальной сферы – Групповой интеллектуальный тест (ГИТ) (для 7-го класса) [26]; Школьный тест умственного развития (ШТУР) (для 10-го класса) [23]; задания «Измени фразу», «Найди отличия», «Выдели главную мысль», «Реши логические задачи», «Составь план к тексту» (для 10-го класса).

2. Для изучения аффективно-эмоциональной сферы – детский вариант шкалы явной тревожности СМАС [22] (для 7-го класса); тест школьной тревожности Б. Филлипса [21] (для 10-го класса); методика на выявление агрессивности и враждебности А. Басса – А. Дарки [21]; шкала личностной тревожности [22]; анкетная методика «Эмоциональная напряженность» [24]; задание «Мои положительные и отрицательные чувства» [14] (в публикуемой таблице 2 приводятся данные о количестве положительных чувств), экспрессивная проективная методика

«Крокодил» (выявляет наличие и выраженность агрессивных проявлений) [2].

3. Для изучения мотивационной сферы – методика Н.Г. Лускановой [15] (для 7-го класса), методика К.Т. Патриной [20] (для 10-го класса).

Обработка полученных данных состояла в вычислении среднегрупповых показателей по каждой использованной методике в обеих возрастных группах школьников в ЭГ и КГ. Сравнение показателей проводилось с использованием U-критерия Манна-Уитни и t-критерия Стьюдента соответственно для несвязанных и связанных выборок [27].

Для изучения динамики межфункциональных взаимосвязей между изучаемыми сферами под влиянием когнитивных воздействий индивидуальные данные, полученные по каждой методике в результате первичной и повторной диагностик (в группах 7-классников по 12 показателям и 10-классников по 13 показателям) в ЭГ и КГ, подверглись корреляционному анализу по Пирсону. Были выделены статистически значимые корреляционные связи, и подсчитано их количество в каждой из восьми полученных корреляционных матриц (для каждого из четырёх классов по две корреляционные матрицы – «начало» и «конец»). Затем для выявления главных факторов, имплицитно содержащихся в полученных интеркорреляциях, был применен факторный анализ.

Результаты и их обсуждение

Результаты изучения уровня когнитивного развития 7- и 10-классников в начале и в конце исследовательского периода представлены в табл. 1.

Таблица 1

Среднегрупповые показатели (в баллах) когнитивного развития школьников 7-х и 10-х экспериментальных и контрольных классов в начале и в конце исследовательского периода

Задания и методики	Этапы исследования	7 класс			10 класс		
		ЭГ	КГ	U	ЭГ	КГ	U-
Измени фразу	Начало	1,74	1,04		3,38	2,56	
	Конец	4,28	1,71	p<0.01	5,33	2,68	p<0.01
	Прирост	+2,54	+0,67		+1,95	+0,12	
	t	p<0.01	p<0.01		p<0.01		
Реши логические задачи	Начало	2,28	2,43		2,57	2,80	
	Конец	2,80	2,46		2,95	2,68	
	Прирост	+0,52	+0,03		+0,38	-0,12	
	t	p<0.01					
Выдели главную мысль	Начало	0,12	0,07		0,62	0,44	
	Конец	1,48	0,29	p<0.01	1,52	0,60	p<0.01
	Прирост	+1,36	+0,22		+0,90	+0,16	
	t	p<0.01			p<0.01		
Найди отличия	Начало	36,08	37,86		48,95	38,96	p<0.01
	Конец	48,40	38,21	p<0.01	64,24	39,88	p<0.01
	Прирост	+12,32	+0,35		+15,29	+0,92	
	t	p<0.001			p<0.01		
Составь план к тексту	Начало				4,24	4,04	
	Конец				7,90	4,20	p<0.01
	Прирост				+3,66	+0,16	
	t				p<0.01		
ГИТ	Начало	74,36	65,85				
	Конец	96,75	64,65	p<0.01			
	Прирост	+22,39	-1,20				
	t	p<0.05					
ШТУР	Начало				73,65	70,00	
	Конец				104,43	68,04	p<0.001
	прирост				+30,79	-1,96	
	t				p<0.01		

Условные обозначения: t – критерий Стьюдента; U – критерий Манна-Уитни.

Полученные данные показывают, что прирост в соответствующих показателях когнитивного развития существенно больше у школьников обеих ЭГ по сравнению с их сверстниками из КГ. Обращает на себя внимание факт некоторого ухудшения в конце иссле-

довательского периода показателей когнитивного развития, выявленного с помощью задания «Реши логические задачи» у школьников 10 класса КГ, а по методикам ГИТ и ШТУР – у учащихся как 7 класса КГ, так и 10 класса КГ.

Динамика показателей личностной (аффективно-эмоциональной сферы) школьников в ЭГ и КГ в течение исследовательского периода отражена в данных табл. 2. Установлено, что изменения показателей аффективно-эмо-

Таблица 2

Среднегрупповые показатели (в баллах) состояния аффективно-эмоциональной сферы у школьников 7-х и 10-х экспериментальных и контрольных классов в начале и в конце исследовательского периода

Личностные характеристики	Этапы исследования	7 класс			10 класс		
		ЭГ	КГ	U	ЭГ	КГ	U
Личностная тревожность	Начало	7,80	6,54		3,95	4,95	
	Конец	4,12	7,61	p<0.01	2,33	6,40	p<0.01
	Прирост	-3,68	+1,07		-1,62	+1,45	
	t	p<0.01					
Явная тревожность	Начало	6,08	5,25				
	Конец	4,16	6,93	p<0.01			
	Прирост	-1,92	+1,68				
	t	p<0.01	p<0.01				
Школьная тревожность	Начало				31,67	36,0	
	Конец				16,62	41,60	p<0.01
	Прирост				-15,05	+5,60	
	t				p<0.01	p<0.05	
Агрессивность	Начало	21,52	21,43		17,19	20,10	
	Конец	18,16	22,82	p<0.01	13,19	22,68	p<0.01
	Прирост	-3,36	+1,39		-4,0	+2,58	
	t	p<0.01			p<0.05		
Враждебность	Начало	11,44	11,44		10,43	10,92	
	Конец	10,48	12,68	p<0.01	7,52	12,60	p<0.01
	Прирост	-0,96	+1,24		-2,91	+1,68	
	t		p<0.05		p<0.01		
Эмоциональная напряженность	Начало	15,52	12,29	p<0.05	14,19	13,80	
	Конец	11,24	14,50	p<0.05	7,00	17,92	p<0.01
	Прирост	-4,28	+2,21		-7,19	+4,12	
	t	p<0.01			p<0.01	p<0.01	
Количество положительных чувств	Начало	2,08	2,36		2,43	4,72	p<0.01
	Конец	4,24	2,61	p<0.01	5,48	4,64	p<0.05
	Прирост	+2,16	+0,25		+3,05	-0,08	
	t	p<0.01			p<0.01		
Рисунок «Крокодил» (количество признаков агрессивного состояния)	начало	5,40	5,25		4,48	4,12	
	конец	2,40	5,71	p<0.01	2,14	4,92	p<0.01
	прирост	-3,00	+0,46		-2,34	+0,80	
	t	p<0.01			p<0.01		

Условные обозначения: t – критерий Стьюдента; U – критерий Манна-Уитни.

циональной сферы в конце исследовательского периода у учащихся в ЭГ и КГ носят разнонаправленный характер: позитивные изменения у школьников в ЭГ и негативные изменения у школьников в КГ. Так, у 7-классников в ЭГ значительно снизились показатели личностной и явной тревожности, агрессивности, враждебности и эмоциональной напряженности, увеличилось количество испытываемых ими положительных чувств ($p < 0.01$). У их сверстников из параллельной КГ все эти показатели в конце исследовательского периода возросли, а по ряду показателей (явная тревожность, агрессивность и враждебность) – на статистически значимом уровне ($p < 0.05-0.01$).

Аналогичную картину выявил анализ этих показателей у учащихся 10-х классов: существенное улучшение состояния аффективно-эмоциональной

сферы в группе учащихся в ЭГ ($p < 0.01$) и заметное ухудшение показателей школьной тревожности, агрессивности и враждебности, эмоциональной напряженности ($p < 0.05-0.01$) у их сверстников из КГ.

Анализ полученных данных с точки зрения динамики произошедших изменений в другой личностной сфере школьников – мотивационной – позволил выявить, что в конце исследовательского периода позитивные изменения, состоящие в усилении субъективной значимости внутреннего учебно-познавательного мотива, имели место у значительно большего (в 5–6 раз) числа школьников в ЭГ по сравнению с их сверстниками из КГ (табл. 3). При этом ослабление значимости этого мотива в конце исследовательского периода совсем отсутствует у учащихся обеих ЭГ и появляется у почти половины школьников в КГ.

Таблица 3

Количество школьников 7-х и 10-х экспериментальных и контрольных классов с разной динамикой субъективной значимости учебно-познавательного мотива в конце исследовательского периода

Направление изменения значимости учебного мотива	7 класс		10 класс	
	ЭК	КК	ЭК	КК
Усиление	76,0% (19 чел.)	14,29% (4 чел.)	80,95% (17 чел.)	12,0% (3 чел.)
Ослабление	0	46,43% (13 чел.)	0	48,0% (12 чел.)
Без изменений	24,0% (6 чел.)	39,28% (11 чел.)	19,05% (4 чел.)	40,0% (10 чел.)

Следует отметить, что в обеих ЭГ в число учащихся, у которых субъективная значимость учебно-познавательного мотива в конце исследовательского периода не изменилась, вошли школьники, уже изначально имевшие достаточно высокие показатели и сохранившие их в течение развивающего периода. В то

же время в КГ наряду с такими школьниками присутствовали и другие (30%), у которых низкая действенность учебно-познавательного мотива сохранилась без изменения на всем протяжении исследовательского периода.

Таким образом, среднегрупповые данные показали, что осуществление

целенаправленного и систематического когнитивного развития подростков и старших школьников, повысившего их интеллектуальный уровень в целом, вызвало позитивные изменения в личностной сфере 7- и 10-классников: улучшило состояние их аффективно-эмоциональной сферы и обеспечило доминирование у подавляющего большинства школьников внутреннего мотива учебной деятельности.

Обратимся далее к результатам корреляционного анализа и проследим, как в соответствии с изменением среднегрупповых данных в конце исследовательского периода изменяются характер и направление межфункциональных взаимосвязей когнитивной, аффективно-эмоциональной и мотивационной сфер у учеников обеих ЭГ, с которыми проводилась работа по когнитивному развитию, и у их сверстников из КГ, с которыми такая работа не велась.

Сравнение структурно-функциональных связей у 7-классников ЭГ до и после развивающей работы позволяет выявить увеличение количества корреляционных связей и усиление тесноты между ними. Так, количество значимых корреляционных связей увеличилось с 24 до 35, т. е. прирост составил 45 %. При этом усилилась и их теснота: число корреляций на уровнях значимости $p < 0.01$ и $p < 0.001$ увеличилось с 8,33 % от общего количества в начале эксперимента до 14,28 % по его окончании. Следует отметить, в частности, важный факт появления после развивающей работы у школьников 7-ых классов ЭГ отрицательной корреляционной связи уровня личностной тревожности с реальной действенностью учебно-познавательного мотива ($r = -0.689$, $p < 0.01$),

а также положительной связи с когнитивной сферой ($r = 0.351$, $p < 0.1$).

За этот же период у школьников 7 класса КГ число интеркорреляций увеличилось всего на 13 % – с 15 в начале исследовательского периода до 17 корреляций в конце. При этом теснота связей ослабляется: число корреляций на уровнях значимости $p < 0.01$ и $p < 0.001$ уменьшилось с 20% от общего количества корреляций в начале периода наблюдения до 17,64 % в его конце.

Обращает на себя внимание усиление внутрифункциональных взаимосвязей между показателями аффективно-эмоциональной сферы у подростков 7 класса КГ на уровне значимости $p < 0.001$ с 1 корреляции до 3 в конце исследовательского периода, что среднегрупповыми показателями зафиксировано как повышение агрессивности и враждебности (табл. 2). Последнее обнаружило отрицательную корреляционную связь с субъективной значимостью учебно-познавательного мотива, сохранившуюся на всем протяжении периода наблюдения ($r = -0.501$, $p < 0.05$).

Итак, анализ корреляционных связей показал, что основным направлением структурно-функциональных преобразований интеллектуально-личностной системы под влиянием фактора целенаправленного когнитивного развития у 7-классников выступает интеграция её составляющих, сопровождающаяся позитивными изменениями в личностной сфере. Вне таких воздействий, как показали результаты школьников 7-го класса КГ, межсистемная интеграция осуществляется достаточно слабо и позитивные изменения в личностной сфере практически не происходят.

В старшей возрастной группе (10 класс) основные изменения интеллектуально-личностной системы в результате повышения уровня когнитивного развития происходят в направлении перестройки сложившихся к этому возрасту внутренних структурно-функциональных связей. Так, выявлено незначительное увеличение количества корреляционных связей в обоих 10-х классах в начале и конце исследовательского периода: в 10 классе ЭГ всего на 1 корреляцию (с 37 до 38), а в 10 классе КГ – на 3 корреляционные связи (с 18 до 21). Существенным, на наш взгляд, является внутреннее перераспределение связей в корреляционной структуре показателей в 10 классе ЭГ и 10 классе КГ в конце исследовательского периода. У учащихся 10 класса ЭГ в рамках одного и того же общего числа корреляций увеличилось количество взаимосвязей между показателями внутри когнитивной сферы с 3 до 6, между показателями мотивационной и когнитивной сфер – с 2 до 4. В то же время произошло ослабление внутренних связей в аффективно-эмоциональной сфере (с 8 до 6), «разрыхление» её корреляционной структуры, и одновременно увеличилось число её связей с когнитивной сферой с 12 до 14. Что касается частных корреляционных связей, следует отметить, что в 10 классе ЭГ до развивающей работы была выявлена связь значимости учебно-познавательного мотива и показателя враждебности и агрессивности ($r=0.493$, $p<0.05$), которая после периода когнитивного развития исчезла, а появилась отрицательная связь с уровнем школьной тревожности ($r=-0.420$, $p<0.1$). Важным фактом является и усиление связей мотивационной

сферы с когнитивными показателями: в начале развивающего периода в 10 классе ЭГ получены 2 отрицательные взаимосвязи, в конце – 4 положительные корреляционные связи, в том числе с показателем методики ШТУР ($r=0.658$, $p<0.01$). Такую динамику корреляционных связей мы рассматриваем как усиление позитивного влияния когнитивной сферы в целостной интеллектуально-личностной системе.

За тот же период в 10 классе КГ выявлены уменьшение количества корреляций внутри когнитивной сферы с 4 до 2 и увеличение числа взаимосвязей между показателями аффективно-эмоциональной сферы с 6 до 8. Кроме того, в конце периода наблюдения появилась корреляционная связь значимости учебно-познавательного мотива с показателем личностной тревожности ($r=0.441$, $p<0.05$). Эти данные, с нашей точки зрения, свидетельствуют, во-первых, о некоторой дезинтеграции когнитивной сферы и, во-вторых, о повышении жесткости корреляционной структуры аффективно-эмоциональных показателей. В этих условиях аффективно-эмоциональная сфера начинает доминировать над когнитивной сферой, способствуя появлению у школьников негативных личностных особенностей. Это и нашло отражение в среднегрупповых показателях, представленных в табл. 2.

Для того чтобы описать полученные результаты обобщающими факторами, характеризующими их, но непосредственно не наблюдающимися, мы применили метод факторного анализа, проведенный способом наименьших квадратов с вращением Varimax ортогональное. Матрица факторных нагрузок для школьников 7-х классов,

представленная в таблице 4, содержит по два выделившихся фактора, относящихся к началу и концу исследовательского периода для каждого класса.

Таблица 4

Матрица факторных нагрузок (7 класс)

Показатели	ЭГ начало		ЭГ конец		КГ начало		КГ конец	
	F1= 19,05%	F2= 12,45%	F1= 23,85%	F2= 16,09%	F1= 13,97%	F2= 13,03%	F1= 14,49%	F2= 14,40%
Измени фразу	502	300	581	-319	-255	060	593	165
Реши логические задачи	408	-029	339	566	-421	125	390	-257
Выдели главную мысль	124	225	459	051	225	590	279	-002
Найди отличия	-049	765	419	800	-069	461	137	-242
ГИТ	793	-360	454	-589	-484	582	600	-211
Враждебность	-348	514	-127	359	632	177	-498	285
Агрессивность	074	637	066	645	135	-364	-586	135
Явная тревожность	-504	-219	-363	-090	652	363	173	945
Личностная тревожность	-425	-218	-667	054	561	-142	080	938
Кол-во положительных чувств	245	343	428	097	060	753	222	146
Эмоциональная напряжённость	-763	024	-619	337	793	189	-209	644
Значимость мотивов учения	-220	140	107	271	-020	008	092	-020
Академическая успеваемость	809	007	804	-358	-210	529	329	110

Примечание. Значения факторных нагрузок увеличены в 10^3 . Выделены показатели с наибольшими факторными весами.

В 7 классе ЭГ до развивающей работы первый выделившийся фактор с информативностью 19,05 % включает с наибольшими весами показатели когнитивной сферы (0,793), эмоциональной напряженности (-0,763) и академической успеваемости (0,809), поэтому может рассматриваться как интеллектуально-аффективный фактор. Во второй фактор (информативность 12,45 %) вошли показатель когнитивной сферы (0,765) и 2 показателя аффективно-эмоциональной сферы – показатели враждебности (0,514) и агрессивности (0,637). Этот фактор мы интерпретируем как фактор школьного неблагополучия.

После периода когнитивного развития в первый фактор (23,85 %) вошли показатели когнитивной сферы (0,581), личностной тревожности

(-0,667) и эмоциональной напряженности (-0,619). Во второй фактор (16,09 %) с наибольшим весом включены три показателя когнитивной сферы (0,566; 0,800; -0,589) и показатель аффективно-эмоциональной сферы – показатель агрессивности (0,645). Мы рассматриваем эти факторы, выделившиеся после когнитивного развития, как фактор личностного благополучия (первый фактор) и как фактор общего интеллекта или как фактор доминирования интеллектуальных процессов над аффективно-эмоциональной сферой (второй фактор).

Рассмотрим результаты факторного анализа в группе школьников 7 класса КГ. В начале исследовательского периода выделились 2 фактора: первый фактор с информативностью 13,97 % включил четыре показателя аффек-

тивно-эмоциональной сферы (0,632; 0,652; 0,561; 0,793). Он интерпретируется нами как фактор школьной тревожности. Во второй фактор (13,03 %) со значимым весом вошли показатели когнитивной сферы (0,590; 0,582) и академической успеваемости (0,529). Этот фактор можно интерпретировать как фактор общего интеллекта.

В конце исследовательского периода получен первый фактор (14,49 %) с вошедшими в него двумя показателями когнитивной сферы (0,593; 0,600)

и показателем агрессивности (-0,586). Этот фактор мы рассматриваем как интеллектуально-аффективный фактор. Второй фактор (14,40 %) включил в себя три показателя аффективно-эмоциональной сферы (0,945; 0,938; 0,644), и назван нами фактором школьной тревожности.

Обратимся к результатам факторного анализа, полученным на старших школьниках (табл. 5), в группах которых выделилось также по два фактора.

Таблица 5

Матрица факторных нагрузок (10 класс)

Показатели	ЭГ начало		ЭГ конец		КГ начало		КГ конец	
	F1= 23,31%	F2= 18,52%	F1= 28,18%	F2= 11,90%	F1= 17,30%	F2= 12,71%	F1= 18,11%	F2= 16,23%
Измени фразу	545	020	669	260	315	387	510	358
Реши логические задачи	624	096	081	482	-085	-173	163	-005
Выдели главную мысль	210	557	619	-155	-069	-004	-001	-212-
Найди отличия	482	172	491	146	386	348	442	469
ШТУР	343	677	812	077	-140	597	123	-525
Составь план к рассказу	182	858	858	-134	-058	544	079	-481
Враждебность	-819	-018	-653	346	275	-567	200	682
Агрессивность	-014	-437	-045	-236	173	-468	289	622
Личностная тревожность	-561	-254	-214	618	664	082	822	090
Школьная тревожность	-796	-410	-768	-035	881	-226	749	216
Кол-во положительных чувств	644	462	436	277	322	233	355	-109
Эмоциональная напряжённость	-615	-457	-545	445	808	-079	703	118
Значимость мотивов учения	-044	542	566	-108	689	-173	404	-140
Академическая успеваемость	361	515	619	-228	136	542	496	-543

Примечание. Значения факторных нагрузок увеличены в 10^3 . Выделены показатели с наибольшими факторными весами.

До начала развивающей работы в 10 классе ЭГ первый выделившийся фактор с информативностью 23,31 % включил один когнитивной показатель (0,624) и пять показателей аффективно-эмоциональной сферы (-0,819; -0,561; -0,796; 0,644; -0,615). В связи с этим этот фактор рассматривается нами как фактор эмоционального

неблагополучия. Во второй фактор (18,52 %) вошли три показателя когнитивной сферы (0,557; 0,677; 0,858), и интерпретируется как фактор общего интеллекта.

После периода когнитивного развития в межфункциональной структуре выделился фактор с информативностью 28,18 %, включивший четыре

показателя когнитивной сферы (0,669; 0,619; 0,812; 0,858), показатель мотивационной сферы (0,566), два показателя аффективно-эмоционального состояния с отрицательными знаками (-0,653; -0,768) и показатель академической успеваемости (0,619). Этот фактор рассматривается нами как фактор интеллектуально-личностного благополучия. Во второй фактор вошел отсоединившийся от остальных показателей и имеющий наибольший вес показатель личностной тревожности (0,618).

У старших школьников в 10 классе КГ в начале исследовательского периода в первый фактор (информативность 17,30 %) вошли три показателя аффективно-эмоциональной сферы (0,664; 0,881; 0,808) и показатель мотивационной сферы (0,689), поэтому он может рассматриваться как аффективно-мотивационный фактор. Второй фактор (12,71 %) включил два показателя когнитивной сферы (0,597; 0,544), показатель враждебности (-0,567) и показатель академической успеваемости (0,542). Этот фактор интерпретируется как интеллектуально-аффективный фактор.

В конце исследовательского периода выделился фактор (18,11 %), в который с наибольшими весами вошли показатели аффективно-эмоциональной сферы (0,822; 0,749; 0,703). Он рассматривается нами как фактор школьной тревожности. Вторым фактор (16,23 %), который мы определили как аффективно-интеллектуальный фактор, включил показатели когни-

тивной сферы (-0,525), академической успеваемости (-0,543) и два показателя аффективно-эмоциональной сферы (0,682; 0,622).

Итак, использование аналитического метода исследования корреляционных структур подростков и старших школьников в ЭГ и КГ с целью выделения их ведущих факторов позволило выявить «внутреннюю картину» интеллектуально-личностных изменений, происходящих под влиянием целенаправленного когнитивного развития. В обеих возрастных группах школьников ЭГ получен результат, что осуществление когнитивного развития обеспечивает независимость интеллектуальных функций от влияния аффективно-эмоциональной сферы. Ведущим фактором межфункциональной структуры учащихся становится их интеллектуально-личностное благополучие. В то же время у их сверстников из КГ в межфункциональной структуре ведущим выступает аффективно-эмоциональный фактор, который, «срастаясь» с интеллектуальным, начинает доминировать над ним, в связи с чем у учащихся усиливается проявление таких негативных личностных особенностей, как школьная тревожность, враждебность и агрессивность.

Итак, эмпирические данные, представленные в статье, свидетельствуют о том, что целенаправленные системно организованные когнитивные воздействия являются действенным фактором позитивных преобразований во внутренней структуре целостной личности школьника.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абульханова-Славская К.А. Личностные типы мышления // Когнитивная психология: материалы советско-финского симпозиума. М., 1986. С. 98–130.

2. Акимова Н., Лебедева Л. Водятся ли черты в тихом омуте, или Как узнать, насколько агрессивен ребёнок? // Школьный психолог. 2000. № 31. С. 8–9.
3. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб., 2001. 260 с.
4. Артемова Т.А. Индивидуальные различия в умственном развитии детей младшего школьного возраста // Психологическая наука и образование. 2003. № 2. С. 101–111.
5. Выготский Л.С. Лекция 4. Эмоции и их развитие в детском возрасте // Выготский Л.С. Психология. М., 2002. С. 792–806.
6. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. 3-е изд. СПб., 2008. 368 с.
7. Зимелева З.А. Психологические условия возникновения и коррекции агрессивного поведения подростков: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 21 с.
8. Зиновьева Э.В. Школьная тревожность и ее связь с когнитивными и личностными особенностями младших школьников: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005. 23 с.
9. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 2007. 464 с.
10. Психологические характеристики старшеклассников в массовых школах и школах-гимназиях / В.Г. Каменская и др. // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 38–51.
11. Леонтьев А.Н. Лекция 48. Эмоциональные явления. Аффекты // Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М., 2007. С. 461–469.
12. Локалова Н.П. Уроки психологического развития в средней школе. М., 2001. 128 с.
13. Локалова Н.П. Уроки психологического развития для младших подростков // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 40–52.
14. Лубовский Д.В. Программа развития мотивов межличностных отношений у подростков 12–15 лет // Психологические программы развития личности в подростковом и старшем школьном возрасте / под ред. И.В. Дубровиной. Екатеринбург, 1998. С. 57–58.
15. Лусканова Н.Г. Методы исследования детей с трудностями в обучении: учеб.-методич. пособие. М., 1999. 28 с.
16. Макклеланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007. 672 с.
17. Молчанова Г.В. Динамика возрастных и индивидуальных особенностей умственного развития тревожных и импульсивных детей 6–8 лет: автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 2000. 21 с.
18. Некрасова Е.В. Особенности взаимосвязей субъективной оценки межличностных отношений и уровня когнитивного развития // Психология образования: Психологическое обеспечение новой школы: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, М., 27–29 января 2010 г. М., 2010. С. 344–345.
19. Пасынкова Н.Б. Связь уровня тревожности подростков с эффективностью их интеллектуальной деятельности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 1. С. 169–174.
20. Патрина К.Т. Мотивы учения старшеклассников // Вопросы психологии. 1978. № 2. С. 111–117.
21. Практикум по возрастной психологии: учеб. пособие / под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб., 2002. 694 с.
22. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: Психологическая природа и возрастная динамика. М.; Воронеж, 2000. 304 с.
23. Психологическая коррекция умственного развития учащихся: пособие для школьных психологов / отв. ред. К.М. Гуревич, И.В. Дубровина. М., 1990. 210 с.
24. Психологическая диагностика развития школьников в норме и патологии / Е.С. Романова и др. М., 1990. 150 с.
25. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. 720 с.

26. Руководство к применению группового интеллектуального теста (ГИТ) для младших подростков. Обнинск, 1993. 25 с.
27. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2000. 350 с.
28. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. СПб., 2002. 272 с.
29. Чаркова М.Н. Мотивационный фактор когнитивного развития личности: автореф. дисс. ...докт. психол. наук. Пермь, 2002. 36 с.
30. Чуприкова Н.И. Умственное развитие: Принцип дифференциации. СПб., 2007. 448 с.
31. Шишкина И.А. Особенности самоотношения и восприятия других людей подростками с разным уровнем интеллекта // Психологические исследования интеллекта и творчества: материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина, ИП РАН, 7-8 октября 2010 г. М., 2010. С. 269–271.
32. Шмидт В.Р. Взаимосвязь самоотношения и умственного развития учащихся 1-2 класса: автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 1998. 24 с.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Lichnostnye tipy myshleniya [Personal thinking styles] Kognitivnaya psikhologiya: materialy sovetsko-finskogo simpoziuma [Cognitive Psychology: Proceedings of the Soviet-Finnish Symposium]. M., 1986. pp. 98–130.
2. Akimova N., Lebedeva L. Vodyatsya li cherti v tikhom omute, ili Kak uznat', naskol'ko agresiven rebenok? [Are There Any Devils in Still Waters, or How to Find Out if the Child is Aggressive?] // Shkol'nyi psikholog. 2000, no. 31, pp. 8–9.
3. Anan'ev B.G. O problemakh sovremenno go chelovekoznaniya [On problems of modern anthropology]. SPb., 2001. 260 p.
4. Artemova T.A. Individual'nye razlichiya v umstvennom razvitii detei mladshego shkol'nogo vozrasta [Individual Differences in Mental Development of Children of Younger School Age] // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2003, no. 2, pp. 101–111.
5. Vygotskii L.S. Lektsiya 4. Emotsii i ikh razvitie v detskom vozraste [Lecture 4. Emotions and their Development in Children] // Vygotskii L.S. Psikhologiya [Vygotsky L. S. Psychology]. M., 2002. pp. 792–806.
6. Druzhinin V.N. Psikhologiya obshchikh sposobnostei. 3-e izd [Psychology of General Abilities. 3rd ed]. SPb., 2008. 368 p.
7. Zimeleva Z.A. Psikhologicheskie usloviya vozniknoveniya i korrleksii agressivnogo povedeniya podrostkov: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Psychological Conditions of Occurrence and Correction of Teenagers' Aggressive Behavior: Abstract Thesis... PhD in Psychology]. M., 2002. 21 p.
8. Zinov'eva E.V. Shkol'naya trevozhnost' i ee svyaz' s kognitivnymi i lichnostnymi osobenostyami mladshikh shkol'nikov: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [School Anxiety and its Relationship to Cognitive and Personal Characteristics of Younger Schoolchildren: Thesis ... PhD in Psychology]. M., 2005. 23 p.
9. Izard K.E. Psikhologiya emotsii [Psychology of emotions]. SPb., 2007. 464 p.
10. Psikhologicheskie kharakteristiki starsheklassnikov v massovykh shkolakh i shkolakh-gimnazyakh [Psychological Characteristics of Pupils in Mainstream Schools and Schools-Gymnasiums] V.G. Kamenskaya and oth. // Voprosy psikhologii. 2005. no. 3. pp. 38–51.
11. Leont'ev A.N. Lektsiya 48. Emotsional'nye yavleniya. Affekty [Lecture 48. Emotional Phenomena. Affects] Leont'ev A.N. Lektsii po obshchei psikhologii: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. 4-e izd., ster [Leont]. M., 2007. pp. 461–469.
12. Lokalova N.P. Uroki psikhologicheskogo razvitiya v srednei shkole [The Lessons of Psychological Development at a Secondary School]. M., 2001. 128 p.

13. Lokalova N.P. Uroki psikhologicheskogo razvitiya dlya mladshikh podrostkov [Lessons of Psychological Development for Junior Adolescents] // *Voprosy psikhologii*. 2003, no. 6, pp. 40–52.
14. Lubovskii D.V. Programma razvitiya motivov mezhlichnostnykh otnoshenii u podrostkov 12–15 let [The Program of Development of Motives of Interpersonal Relationships of Adolescents aged 12–15] *Psikhologicheskie programmy razvitiya lichnosti v podrostkovom i starshem shkol'nom vozraste* [Psychological Program of Development of a Personality in Adolescence and Senior School Age] / ed. by I. Century Dubrovina. Ekaterinburg, 1998. pp. 57–58.
15. Luskanova N.G. *Metody issledovaniya detei s trudnostyami v obuchenii: ucheb.-metodich. posobie* [Methods of Examining Children with Learning Difficulties: Teaching Manual]. M., 1999. 28 p.
16. Makkleland D. *Motivatsiya cheloveka* [Human Motivation]. SPb., 2007. 672 p.
17. Molchanova G.V. *Dinamika vozrastnykh i individual'nykh osobennostei umstvennogo razvitiya trevozhnykh i impul'sivnykh detei 6-8 let: avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk* [Age Dynamics and Individual Features of Mental Development of Anxious and Impulsive Children 6-8 Years: Abstract of Thesis ... PhD in Psychology]. M., 2000. 21 p.
18. Nekrasova E.V. *Osobennosti vzaimosvyazei sub"ektivnoi otsenki mezhlichnostnykh otnoshenii i urovnya kognitivnogo razvitiya* [The Interactions of the Subjective Assessment of Interpersonal Relations and the Level of Cognitive Development] *Psikhologiya obrazovaniya: Psikhologicheskoe obespechenie novoi shkoly: materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (M., 27-29 yanvarya 2010 g.)* [Psychology of Education: Psychological Support of New School. Materials of V All-Russian Scientific-Practical Conference (Moscow, 27–29 January, 2010)]. M., 2010. pp. 344–345.
19. Pasynkova N.B. *Svyaz' urovnya trevozhnosti podrostkov s effektivnost'yu ikh intellektual'noi deyatel'nosti* [The Interrelationship of Adolescents' Level of Anxiety with the Efficiency of their Intellectual Activity] // *Psikhologicheskii zhurnal*. 1996. Vol. 17. № 1. pp. 169–174.
20. Patrina K.T. *Motivy ucheniya starsheklassnikov* [Motives of Teaching High School Students] // *Voprosy psikhologii*. 1978, no. 2, pp. 111–117.
21. *Praktikum po vozrastnoi psikhologii: uchebnoe posobie* [Workshop on Developmental Psychology. Tutorial]. SPb., 2002. 694 p.
22. Prikhozhan A.M. *Trevozhnost' u detei i podrostkov: Psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika* [Anxiety of Children and Adolescents: Psychological Nature and Age Dynamics]. M.; Voronezh, 2000. 304 p.
23. *Psikhologicheskaya korrektsiya umstvennogo razvitiya uchashchikhsya: posobie dlya shkol'nykh psikhologov*; [Psychological Correction of Mental Development Of children: Manual for School Psychologists; Resp. the Editorship of K. M. Gurevich, I. V. Dubrovina]. M., 1990. 210 p.
24. *Psihologicheskaya diagnostika razvitiya shkol'nikov v norme i patologii* [Psychological Diagnostics of Schollchildren's Development in Norm and in Pathology] / Romanova E.S. and oth. 1990. 150 p.
25. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. SPb., 2002. 720 p.
26. *Rukovodstvo k primeneniyu gruppovogo intellektual'nogo testa (GIT) dlya mladshikh podrostkov* [A Guide to Using Group Intelligent Test (GIT) for Younger Adolescents]. Obninsk, 1993. 25 p.
27. Sidorenko E.V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of Mathematical Processing in Psychology] SPb., 2000. 350 p.

28. Kholodnaya M.A. Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya. 2-e izd [Psychology of Intelligence. Paradoxes of the Study. 2nd Ed]. SPb., 2002. 272 p.
29. Charkova M.N. Motivatsionnyi faktor kognitivnogo razvitiya lichnosti: avtoreferat dissertatsii ... doktora psikhologicheskikh nauk [The Motivational Factor of Cognitive Development of a Person: Thesis ... Doctor of Psychology]. Perm, 2002. 36 p.
30. Chuprikova N.I. Umstvennoe razvitie: Printsip differentsiatsii [Mental Development: the Principle of Differentiation]. SPb., 2007. 448 p.
31. Shishkina I.A. Osobennosti samootnosheniya i vospriyatiya drugikh lyudei podrostkami s raznym urovnem intellekta [The Peculiarities of Self-Attitude and Perception of Other People by Adolescents with different Level of Intellect] Psikhologicheskie issledovaniya intellekta i tvorchestva: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi pamyati Ya.A. Ponomareva i V.N. Druzhinina, IP RAN, 7-8 oktyabrya 2010 g [Psychological Studies of Intelligence and Creativity: Materials of Scientific Conference Dedicated to the Memory of Ya. A. Ponomarev and V.N. Druzhinina, SP Russian Academy of Sciences, October 7-8, 2010]. M., 2010. pp. 269–271.
32. Shmidt V.R. Vzaimosvyaz' samootnosheniya i umstvennogo razvitiya uchashchikhsya 1-2 klassa: avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk [The Interrelationship of Self-Attitude and Mental Development of Pupils of 1–2 Forms: Abstract of Thesis ... PhD in Psychology]. M., 1998. 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Локалова Наталья Петровна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования; e-mail: n.lokalova@yandex.ru

Дрегнина Алла Михайловна – заместитель директора по учебно-воспитательной работе Муниципального образовательного учреждения «Гимназия» (г. Бронницы), аспирант Психологического института Российской академии образования; e-mail: n.lokalova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lokalova Natalya P. – PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Researcher, Psychological Institute of Russian Academy of Education; e-mail: n.lokalova@yandex.ru

Dregnina Alla M. – Deputy Director on Teaching and Educational Work, "Gimnaziya" Municipal Educational Institution, Postgraduate Student of Psychological Institute of Russian Academy of Education; e-mail: n.lokalova@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Локалова Н.П., Дрегнина А.М. Структурно-функциональные изменения интеллектуально-личностной системы школьников под влиянием целенаправленного когнитивного развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 15–30.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-15-30

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Lokalova, A. Dreggina. Structural and Functional Changes in Intellectual and Personal System of School Students Under the Impact of Goal-Directed Cognitive Development // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 15–30.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-15-30

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.61

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-31-40

КАРЬЕРНЫЙ ДАУНШИФТИНГ КАК СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА, СВЯЗАННОГО С ПОТЕРЕЙ РАБОТЫ¹

Айсина Р.М.

Северо-Кавказский Федеральный Университет

355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается феномен карьерного дауншифтинга как один из возможных вариантов социально-профессиональной реадaptации безработных. По результатам онлайн-опроса 293 человек, которые сознательно изменили стиль повседневной жизни, отказавшись от традиционной занятости, была сформирована выборка из 43 респондентов, имеющих значительный опыт дауншифтинга и предшествовавший ему длительный период безработицы. Приведены данные диагностического исследования, которые свидетельствуют о том, что большинство респондентов, принявших решение о дауншифтинге в период безработицы, характеризуются высоким уровнем социально-психологической адаптации и удовлетворены своим новым статусом и стилем жизни. Определены перспективы дальнейших исследований в данной проблемной области, к которым, в первую очередь, относится разработка психологической концепции дауншифтинга.

Ключевые слова: безработица, социально-психологическая адаптация, виртуализация жизненного пространства, альтернативная занятость, дауншифтинг.

CAREER DOWNSHIFTING AS A STRATEGY FOR COPING WITH JOB LOSS

R. Aysina

North Caucasian Federal University

2, Kulakova av., Stavropol, 355029, the Russian Federation

Abstract. The author examines career downshifting as a variant of social and professional readaptation of the unemployed. An online survey of 293 people was conducted. The survey polled respondents who had abandoned the traditional employment and changed their everyday life-

© Айсина Р.М., 2016.

¹ Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности (Задание № 25.1815.2014/К от 11.07.2014 г. «Создание экспериментальных виртуальных моделей социального взаимодействия человека и психоинформационной среды в организации психологической помощи различным категориям населения»).

style. Then a sample of 43 downshifters was formed. All of them had meaningful experience of downshifting and had been jobless for long. The results of the diagnostic study are given. They prove that most of the participants who decided in favor of downshifting during the unemployment period have a rather high level of social-psychological adaptation and are satisfied with their new status and life-style. Further perspectives of research in this sphere are defined. First of all, it is the development of a psychological concept of downshifting.

Key words: unemployment, social and psychological adaptation, vital space virtualization, alternative employment, downshifting.

Несмотря на социально-экономические достижения современности и появление новых возможностей для профессионального обучения, развития и самореализации, связанных с информатизацией рынка труда, безработица по-прежнему остается чрезвычайно острой социальной проблемой. Когда люди теряют работу, они теряют не только заработок, но и психологические выгоды, являющиеся преимуществом работающего человека: уверенность в себе, чувство личной компетентности, самоуважение, ощущение стабильности и структурированности жизни [1; 3; 13]. Люди по-разному справляются с кризисом, связанным с безработицей. В современных исследованиях отмечается, что выбор моделей поведения, направленного на преодоление этого кризиса, зависит от многих факторов, в том числе от личностных характеристик: адаптивности, особенностей социального интеллекта [11], жизнеспособности [8], фрустрационной толерантности, эмоциональной уравновешенности, степени сформированности волевых качеств личности [10].

Традиционной и наиболее распространенной на сегодняшний день стратегией преодоления этой трудной жизненной ситуации остается поиск новой работы, предполагающей стабильную занятость на полный рабочий день

у одного работодателя. Вместе с тем XXI в. принес с собой новые возможности в области организации труда, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий и виртуализацией жизненного пространства. Эти явления современной действительности открыли перспективу эффективной работы «вне офиса», прежде всего, в форме самозанятости (фриланса) и временной агентской (проектной) деятельности [12].

Конечно, появление альтернативных форм трудовой деятельности вызвано не только информатизацией общества. Компьютерные, в частности, виртуальные, технологии являются лишь средством реализации новых социокультурных установок, которые отражают происходящие сегодня трансформации в общественном сознании по отношению к критериям профессионального и личностного успеха. Как отмечает М.Э. Андросенко, основным механизмом адаптации личности в трансформирующемся обществе «выступает динамика ценностей личности, системы ее социальных репрезентаций» [4, с. 72]. В меняющемся мире вертикальная карьера, оставаясь показателем социального успеха, перестает быть единственной мерой личностной успешности, происходит смещение ценностных акцентов с продвижения по ступеням социальной

иерархии в сторону стремления получить полноценный и разнообразный эмоциональный опыт, раскрыть свою индивидуальность. Как следствие, отмечается растущая вариативность в трудовых траекториях определенной части профессионалов [12].

Одной из альтернатив трудоустройству на хорошо оплачиваемую и престижную должность, которая позволит далее строить вертикальную карьеру, прерванную увольнением, становится дауншифтинг – поиск работы, предполагающей фактическое снижение должностного статуса, но приносящей большее удовлетворение и открывающей перспективу реализовать свои знания, способности и профессиональный опыт без хронического стресса и перегрузок, которые были постоянными спутниками прежней должностной позиции [2; 5; 9]. Кроме того, нередко доступные варианты стандартной занятости выглядят «проигрышными» по сравнению с должностной позицией, которую безработный занимал до увольнения. Выбирая между возможностью получить работу с гораздо меньшим финансовым вознаграждением, чем раньше, но со столь же высокой ответственностью, огромными нагрузками и позицией свободного агента (фрилансера), открывающей перспективы творческого труда, некоторые безработные делают выбор в пользу последнего варианта [2].

На протяжении последних 10–15 лет в научных исследованиях, проведенных в России, встречались различные оценки карьерного дауншифтинга. В ряде работ он оценивался скорее как дезадаптивное явление, чем альтернативный вариант социально-

психологической адаптации [6; 7]. Однако реалии современности во многом опровергли такой подход, в связи с чем исследователи и практики существенно расширили свое понимание дауншифтинга, рассматривая его как многогранный культурный феномен, который некорректно анализировать, используя жесткие оценочные категории [2; 5; 9].

Анализ актуальных научных тенденций в области изучения феноменов фриланса и дауншифтинга стал основой для предпринятого нами эмпирического исследования, гипотеза которого состояла в том, что карьерный дауншифтинг, реализуемый на условиях самозанятости (фриланса), может представлять собой эффективную стратегию преодоления человеком кризиса, связанного с потерей работы. Положительный эффект дауншифтинга при этом будет определяться субъективной удовлетворенностью индивида текущей жизненной ситуацией и достаточно высоким уровнем его социально-психологической адаптации.

Методы и процедура исследования

В качестве основного диагностического инструмента использовалась разработанная нами анкета «Оценка опыта дауншифтинга». Анкета включает 24 пункта и позволяет определить как демографические и объективно-личностные характеристики дауншифтеров, так и их ценностные приоритеты, мотивы принятия решения о кардинальной смене карьерной траектории, удовлетворенность новым стилем жизни и связанные с ним трудности.

Оценка уровня и особенностей социально-психологической адаптации

дауншифтеров осуществлялась с помощью методики диагностики социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса, Р. Даймонд (в адаптации Т.В. Снегиревой). В качестве дополнительного диагностического инструмента использовалась методика «Самоактуализационный тест» (САТ) Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, М.В. Заики и М.В. Кроза.

На первом этапе исследования проводилось анкетирование в форме онлайн-опроса, в котором приняли добровольное участие 293 человека, считающие себя дауншифтерами и сознательно избравшие жизненный стиль, предполагающий самозанятость (фриланс) и отказ от традиционных моделей построения карьеры. По результатам анкетирования были отобраны респонденты, у которых опыту дауншифтинга предшествовал период безработицы. Далее мы исключили из выборки тех участников анкетирования, которые не соответствовали критериям дауншифтинга как социального явления, предполагающего отказ от достигнутой ранее высокой должностной позиции в пользу альтернативных форм профессиональной самореализации.

В результате итоговая численность выборки составила 43 человека. В нее вошли высококвалифицированные профессионалы с высшим образованием, из них 26 мужчин и 17 женщин в возрасте от 36 до 53 лет ($M=42,88$, $\sigma=4,73$), которые потеряли работу в период, последовавший за финансовым кризисом 2008 г., а до увольнения достаточное долгое время – не менее 7 лет ($M=15,56$, $\sigma=5,14$) – занимали должности специалистов и руководителей среднего и высшего звена. Период без-

работицы респондентов составил от 6 до 23 месяцев ($M=12,12$, $\sigma=4,78$), стаж дауншифтинга – от 3 до 6 лет ($M=4,67$, $\sigma=0,94$).

Результаты и их интерпретация

Так как комплексный анализ социально-психологических аспектов дауншифтинга выходит за рамки этой статьи, далее мы приводим только те результаты исследования, которые имеют непосредственное отношение к выдвинутой гипотезе и позволяют сделать предварительные выводы относительно возможности оценки дауншифтинга как одной из приемлемых конструктивных стратегий преодоления кризиса, связанного с потерей работы.

Итоги анкетирования говорят о том, что большинство респондентов – 36 человек (83,7 %) – довольны переменами в образе жизни: они выбрали варианты ответов «полностью доволен» или «в основном доволен», остальные – 7 человек (16,3 %) – указали вариант ответа «частично доволен», а варианты «в основном недоволен» и «совсем недоволен, разочарован» не выбрал никто из опрошенных. Отвечая на вопрос о том, хотели бы они изменить что-либо в своей жизни на данном этапе, 16 человек (37,2 %) ответили отрицательно. Ответы остальных опрошенных распределились следующим образом: 11 человек (25,6 %) планируют переход от фриланса к созданию собственного бизнеса, 13 (30,2 %) – хотели бы найти дополнительные источники заработка на условиях фриланса, не возвращаясь к стандартной занятости и прежнему образу жизни, 3 человека (7 %) отметили, что испытывают трудности в отношениях с близкими, свя-

занные со снижением уровня дохода, и хотели бы найти большее взаимопонимание в семье.

На вопрос о том, посещают ли их мысли о возвращении к прежней работе и прежнему образу жизни (т. е. об ошибочности сделанного шага), 7 респондентов (16,3 %) выбрали вариант ответа «да, часто», 13 человек (30,2 %) – вариант ответа «да, иногда». Более половины опрошенных дауншифтеров – 23 человека (53,5 %) – выбрали варианты «никогда» или «почти никогда».

Таким образом, полученные данные в целом свидетельствуют об удовлетворенности значительной части респондентов решением о дауншифтинге и изменениями своих карьерных траекторий, что согласуется с результатами ряда исследований, проведенных в России и за рубежом. Так, в работах К. Хамилтона и Э. Мейл, в которых объединены результаты опросов дауншифтеров, проведенных в Австралии,

Великобритании и США, отмечается, что 89 % респондентов довольны произошедшими переменами, но из них более половины сожалеет о снижении доходов, причем в основном это дауншифтеры, имеющие семью с детьми; при этом 34 % опрошенных полностью удовлетворены своим положением [14; 15]. В России Я.В. Овечкиной было проведено 50 глубинных интервью с представителями сообщества дауншифтеров, на основании анализа которых автор делает вывод о том, что дауншифтинг может представлять собой эффективную форму трудового поведения, но при этом «выходящую за рамки стиля жизни в обществе потребления» [9, с. 83].

Оценка уровня и компонентов социально-психологической адаптации дауншифтеров с помощью методики СПА, а также аспектов самоактуализации на основе методики САТ подтвердила тенденции, выявленные по результатам анкетирования.

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню выраженности интегральных показателей социально-психологической адаптации

Интегральные показатели	Уровень выраженности интегральных показателей (процент от общего числа респондентов)		
	низкий	средний	высокий
Адаптация	0	20,9	79,1
Самопринятие	0	25,6	74,4
Принятие другие	14	55,8	30,2
Эмоциональный комфорт	0	60,5	39,5
Интернальность	0	11,6	88,4
Доминирование	6,9	32,6	60,5

Как видно из табл. 1, по большинству интегральных показателей методики СПА в выборке преобладают

высокие значения. Следовательно, опрошенные нами дауншифтеры имеют высокий адаптационный статус и

обладают сопутствующими чертами адаптированной личности: эмоциональной уравновешенностью, позитивным самоотношением, выраженным внутренним локусом контроля, способностью принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность, а также готовностью к

конструктивному общению и сотрудничеству с окружающими.

Данные, полученные по методике САТ (табл. 2), характеризуют большую часть наших респондентов как компетентных во времени и способных опираться на себя в решении жизненных задач и преодолении трудностей.

Таблица 2

Распределение респондентов по уровню выраженности основных показателей самоактуализации

Показатели самоактуализации	Уровень выраженности основных показателей самоактуализации (процент от общего числа респондентов)			
	низкий	средний	высокий	завышенный
Компетентность во времени	20,9	20,9	34,9	23,3
Автономия	0	16,3	67,4	16,3

Вместе с тем часть опрошенных переоценивают свои возможности относительно ориентации во времени и автономии, что может говорить о тех или иных психологических проблемах: например, о ложном чувстве полного контроля над происходящим, попытках дистанцироваться от оставшихся в недавнем прошлом нерешенных проблем и/или о тенденции вытеснять страх перед будущим и за счет этого справляться с неопределенностью и нестабильностью нового жизненного контекста. Как видно из табл. 2, в выборке есть и дауншифтеры с низкими значениями по шкале «компетентность во времени», что является маркером тех или иных трудностей саморегуляции и самоконтроля и таит опасность потери ощущения целенаправленности происходящего.

Учитывая полученные результаты, необходимо подчеркнуть, что дауншифтинг – весьма сложное и проти-

воречивое явление, которое может иметь не только положительные, но и дезадаптивные последствия, как на социальном, так и на личностном уровне. Как и любое серьезное начинание, дауншифтинг требует тщательной подготовки и четкой последовательности действий, при этом важное внимание должно быть уделено критической оценке своих возможностей, анализу рисков и разработке резервного плана на случай «провала». Только при выполнении этих условий решение о переходе к альтернативной практике профессиональной самореализации и новому стилю жизни сможет принести пользу и привести к достижению большего эмоционального комфорта.

Заключение

В этой статье дауншифтинг рассматривается как сложный социокультурный феномен, характеризующийся добровольным отказом от продолжения

традиционной – вертикальной – карьеры и изменением стиля повседневной жизни. В контексте адаптационного процесса дауншифтинг представляет собой одну из современных форм социально-психологической адаптации личности, обусловленную специфическими обстоятельствами профессионального кризиса, который не может быть разрешен без существенных изменений условий труда.

Гипотезой предпринятого нами эмпирического исследования явилось предположение о том, что дауншифтинг, реализуемый на условиях самозанятости (фриланса), может представлять собой эффективную стратегию преодоления человеком кризиса, связанного с потерей работы. Результаты исследования показали, что большинство респондентов, принявших решение о дауншифтинге в период безработицы, характеризуются высо-

ким уровнем социально-психологической адаптации и удовлетворены своим новым статусом и стилем жизни. Таким образом, дауншифтинг может быть отнесен к адаптивным формам трудового поведения, позволяющим преодолеть сложные экономические и жизненные обстоятельства, связанные с периодом безработицы, за счет выбора нестандартизированной карьерной траектории, которая отражает наиболее приемлемые для индивида способы справляться с вызовами современности.

Дальнейшее изучение психологических аспектов дауншифтинга ставит на повестку дня вопрос о личностных предикторах выбора этой нетрадиционной модели труда и требует разработки целостной теоретической модели дауншифтинга с выделением его характерных структурных элементов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айсина Р.М. Возможности применения виртуальных технологий в процессе формирования навыков самоменеджмента у безработных граждан с длительным перерывом в трудовой деятельности // Современные методы диагностики и технологии оказания психологической помощи людям, оказавшимся в кризисной ситуации: сборник научных статей / под ред. А.А. Нестеровой. М., 2014. С. 112–126.
2. Айсина Р.М., Коньков С.А. Человек ищущий: альтернативные формы профессиональной самореализации взрослой личности // Горизонты зрелости: сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития / ред. Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. М., 2015. С. 126–130.
3. Айсина Р.М., Сулова Т.Ф. Современные методы и формы профессиональной ориентации и психологической поддержки граждан, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва: методические рекомендации. М., 2013. 154 с.
4. Андросенко М.Э. Динамика социальных ценностей и репрезентаций как механизм социально-психологической адаптации личности в новом социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 3. С. 71–75.
5. Кононенко Р.В. Жизнь и карьера в практиках дауншифтинга // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2012. С. 137–150.

6. Котляров А.В. Дауншифтинг без экстрима: кризис на пике карьеры. М., 2008. 264 с.
7. Купраш Е. Теория бегства [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-xecutive.ru/career/newfolder7822/article_5897 (дата обращения 27. 02. 2016).
8. Нестерова А.А. Феноменология жизнеспособности личности в трудных жизненных ситуациях // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 4. С. 51–62.
9. Овечкина Я.В. Особенности организации трудовой деятельности современных дауншифтеров // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2015. Т. 1. № 3 (5). С. 83–88.
10. Петунова С.А. Социально-психологические особенности адаптации безработных к современным требованиям рынка труда: дисс. ... канд. психол. наук. Чебоксары, 2004. 185 с.
11. Потуткова С.А. Взаимосвязь социального интеллекта и адаптивности безработных на этапах поиска работы: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 21 с.
12. Харченко В.С. Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Екатеринбург, 2013. 23 с.
13. Virtual Computer Technologies in Practice of Socio-Psychological Assistance toward the Unemployed People: Current State and Prospects of Researches. G.I. Efremova and oth. // Asian Social Science. 2015. Vol. 11 (2). P. 262–269.
14. Hamilton, C., Mail, E. Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness [Electronic resource] // The Australia Institute: Discussion Paper. 2003. № 50. URL: http://www.tai.org.au/documents/dp_fulltext/DP50.pdf (Accessed: 18.02.2016).
15. Hamilton, C. Downshifting in Britain: A sea-change in the pursuit of happiness [Electronic resource] // The Australia Institute: Discussion Paper. 2003. № 58. URL: http://www.tai.org.au/documents/dp_fulltext/DP58.pdf (Accessed: 18.02.2016).

REFERENCES:

1. Aysina R.M. Vozmozhnosti primeneniya virtual'nykh tekhnologii v protsesse formirovaniya navykov samomenedzhmenta u bezrobotnykh grazhdan s dlitel'nym pereryvom v trudovoi deyatel'nosti [Possibilities of Application of Virtual Technologies in the Process of Formation of Self-Management Skills of the Unemployed with a Long Break in Employment] Sovremennye metody diagnostiki i tekhnologii okazaniya psikhologicheskoi pomoshchi lyudyam, okazavshimsya v krizisnoi situatsii: sbornik nauchnykh statei [Modern Diagnostic Methods and Technologies of Psychological Aid for People in Crisis: Collected Articles] / Under the editorship of A. A. Nesterova. M., 2014. pp. 112–126.
2. Aysina R.M., Konkov S.A. Chelovek ishchushchii: al'ternativnye formy professional'noi samorealizatsii vzrosloi lichnosti [People Seeking Alternative Forms of a Mature Personality's Professional Self-Realization] Gorizonty zrelosti: sbornik tezisov uchastnikov Pyatoi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya [Horizons of Maturity. The Collection of Theses of Participants of the Fifth All-Russian Scientific-Practical Conference on Developmental Psychology] / Editors: L.F. Obukhova, I.V. Shapovalenko, M.A. Odintsova. M., 2015. pp. 126–130.
3. Aysina R.M., Suslova T.F. Sovremennye metody i formy professional'noi orientatsii i psikhologicheskoi podderzhki grazhdan, stremyashchikhsya vozobnovit' trudovuyu deyatel'nost' posle dlitel'nogo (bolee odnogo goda) pereryva: metodicheskie rekomendatsii [Modern Methods and Forms of Professional Orientation and Psychological Support for Citizens Seeking Return to Working Activities after a Long-Term (over One Year) Interval: Guidelines]. M., 2013. 154 p.
4. Androsenko M.E. Dinamika sotsial'nykh tsennostei i reprezentatsii kak mekhanizm

- sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii lichnosti v novom sotsiokul'turnom prostranstve [Changes in Social Values and Representations as a Mechanism of Socio-Psychological Adaptation of Personality to the New Social and Cultural Space] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2010, no. 3, pp. 71–75.
5. Kononenko R.V. ZHizn' i kar'era v praktikakh daunshiftinga [Life and Career in the Practice of Downshifting] Antropologiya professii: granitsy zanyatosti v epokhu nestabil'nosti [Anthropology of Professions: The boundaries of Employment in the Era of Uncertainty] / ed. by P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova. M., 2012. pp. 137–150
 6. Kotlyarov A.V. Daunshifting bez ekstrima: krizis na pike kar'ery [Downshifting without Extreme: the Crisis at its Peak]. M., 2008. 264 p.
 7. Kuprash E. Teoriya begstva [Elektronnyi resurs]. [Theory of Escapism [Electronic Source].] URL: http://www.e-xecutive.ru/career/newfolder7822/article_5897/ (request date 27.02.2016)
 8. Nesterova A.A. Fenomenologiya zhiznesposobnosti lichnosti v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh [The Phenomenology of the Vitality of a Person in Difficult Life-Situation] // Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh. 2011, no. 4, pp. 51–62.
 9. Ovechkina YA.V. Osobennosti organizatsii trudovoi deyatel'nosti sovremennykh daunshifterov [Features of Modern Downshifters' Work Organization] // Nauchnyi rezul'tat. Seriya: Sotsiologiya i upravlenie. 2015. no. Vol. 1. № 3 (5). pp. 83–88.
 10. Petunova S.A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti adaptatsii bezrabotnykh k sovremennym trebovaniyam rynka truda: dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Socio-Psychological Peculiarities of Adaptation of the Unemployed to the Modern Requirements of the Labor Market: Thesis...PhD in Psychology]. Cheboksary, 2004. 185 p.
 11. Potutkova S.A. Vzaimosvyaz' sotsial'nogo intellekta i adaptivnosti bezrabotnykh na etapakh poiska raboty: avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk [The Interrelation of Social Intelligence and Adaptability of the Unemployed on the Stages of the Job Search: Abstract of Thesis ... PhD in Psychology]. M., 2011. 21 p.
 12. Kharchenko V.S. Frilans kak stil' zhizni v sovremennom rossiiskom obshchestve: avtoreferat dissertatsii ... kandidata sotsiologicheskikh nauk [Freelancing as a lifestyle in the modern Russian society: Thesis ... PhD in Sociology]. Ekaterinburg, 2013. 23 p.
 13. Virtual Computer Technologies in Practice of Socio-Psychological Assistance toward the Unemployed People: Current State and Prospects of Researches. G.I. Efremova and oth. // Asian Social Science. 2015. Vol. 11 (2). P. 262–269.
 14. Hamilton, C., Mail, E. Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness [Electronic resource] // The Australia Institute: Discussion Paper. 2003. № 50. URL: http://www.tai.org.au/documents/dp_fulltext/DP50.pdf (Accessed: 18.02.2016).
 15. Hamilton, C. Downshifting in Britain: A sea-change in the pursuit of happiness [Electronic resource] // The Australia Institute: Discussion Paper. 2003. № 58. URL: http://www.tai.org.au/documents/dp_fulltext/DP58.pdf (Accessed: 18.02.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Айсина Римма Михайловна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории виртуалистики Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: reiner@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aysina Rimma M. – PhD in Psychology, Leading Researcher , the Laboratory of Virtualistics, North Caucasian Federal University;
e-mail: reiner@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Айсина Р.М. Карьерный дауншифтинг как стратегия преодоления кризиса, связанного с потерей работы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 31–40.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-31-40

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

R. Aysina. Career Downshifting As a Strategy for Coping with Job Loss // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 31–40.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-31-40

УДК159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-41-54

МОТИВАЦИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ЧЛЕНСТВА КАК КОМПОНЕНТ МЕЖГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ЕДИНОМ ПРОФСОЮЗЕ ВУЗА (ЧАСТЬ 2. ПРЕПОДАВАТЕЛИ: ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПРОФСОЮЗНОГО ЧЛЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖГРУППОВОЙ АДАПТАЦИИ В ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

Булгаков А.В.¹, Чистоходова Л.И.², Павлютенкова О.А.³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

³ Электростальский институт (филиал) Московского политехнического университета
144000, г. Электросталь, ул. Первомайская, д. 7, Российская Федерация

Аннотация. Вторая часть статьи посвящена рассмотрению результатов исследования мотивации профсоюзного членства среди преподавателей вузов. Использован метод сравнения полярных групп в более эффективных и менее эффективных организациях по критерию членства в профсоюзе. Проведена оценка основных направлений деятельности первичных профсоюзных организаций. Выявлены тенденции различия на уровне $p < 0,05$ по χ^2 -критерию в социальных представлениях о профсоюзе, в восприятии организационных культур вузов, в информационном обеспечении деятельности профсоюза, в организационно-массовой работе, в улучшении работы профсоюзной организации, в привлечении членов профсоюза. Установлено статистически достоверное различие на уровне $p < 0,01$ по χ^2 – критерию в мотивационном профиле преподавателей-членов профсоюза, в целях их вступления в профсоюз, в интегративной позиции «Профсоюз: авторитет, деятельность, удовлетворенность». Выявлены ресурсы и проблемные зоны в возможной межгрупповой адаптации людей с разным статусом в профсоюзных организациях образования, определены направления для моделирования организационных изменений.

Ключевые слова: деятельность профсоюза, межгрупповая адаптация в организации, мониторинг, мотивация профсоюзного членства, профсоюз, социальное партнерство.

MOTIVATION OF UNION MEMBERSHIP AS A COMPONENT OF INTERGROUP ADAPTATION OF STUDENTS AND TEACHERS IN A SINGLE TRADE UNION ORGANIZATION OF THE UNIVERSITY (PART 2. TEACHERS: FEATURES OF MOTIVATION OF TRADE-UNION MEMBERSHIP IN THE CONTEXT OF INTERGROUP ADAPTATION TO THE TRADE UNION ORGANIZATION)

A. Bulgakov¹, L. Chistokhodova², O. Pavlyutenkova³

¹ *Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot*

12, Akademika Volgina str, Moscow, 117437, the Russian Federation

² *Moscow State Regional University*

10A, Radio str, Moscow, 105005, the Russian Federation

³ *Elektrostal Polytechnic Institute – Branch of Moscow State University of Mechanical Engineering (Engineering University)*

7, Pervomayskaya str, Elektrostal, 144000, the Russian Federation

Abstract. The second part of the article is devoted to the results of the study motivation of trade-union membership professors. The method of comparison of polar groups in a more effective and less effective organizations on the criterion of membership in the union. The estimation of the basic directions of activity of the primary trade union organizations. The tendencies of differences at the level of $p < 0,05$ for the χ^2 -criterion in the social representations of the union, in the perception of organizational culture of universities, in the information support of the trade union activities, organizational and mass work, improving the work of trade union organization, bringing the trade union members. It was found a statistically significant difference at the level of $p < 0,01$ for χ^2 - criterion in the motivational profile of teachers union members, with a view to their entry into the union, integrative position 'union: the authority of, the activities, satisfaction. "Identified resources and problem areas in the possible intergroup adaptation groups with different status in trade union education institutions, identify areas for modeling organizational change.

Key words: union activities, intergroup adaptation of the organization, monitoring, motivation, trade union membership, trade union, social partnership.

Залогом жизнедеятельности первичной профсоюзной организации (ППО) преподавателей вуза является сохранение и рост ее численности. Авторитет и реальный учет мнения членов ППО зависят от количества членства, активности, определения ее места в вузе, способности продемонстрировать умение ведения социального диалога с работодателем по решению социально-трудовых вопросов. Сегодня организационный дизайн ППО вузов имеет две тенденции: объединенная или отдель-

ная ППО преподавателей, сотрудников, студентов. Универсального рецепта наиболее результативной формы объединения членов профсоюза в профсоюзные организации нет.

В первой части статьи нами были проанализированы факторы мотивации профсоюзного членства у русского студенчества. В настоящем материале будут представлены некоторые итоги изучения этого аспекта мотивации у преподавателей вузов.

В исследовании использован ме-

год сравнения полярных групп. Сравнились более эффективные и менее эффективные ППО по критерию членства в профсоюзе: более эффективная по членству профсоюзная организация Московского государственного технического университета (МГТУ) им. Баумана (130 чел.) и менее эффективная по численности профсоюзная организация Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК) (89 чел.). Общая выборка 219 чел. Диагностическим инструментом являлся комплекс методик: во-первых, методика исследования структуры социальных представлений о профсоюзе [11], во-вторых, изучение организационной культуры вузов по модернизированной нами методике «Диагностика организационной культуры» К. Куинн и Р. Камерон [5], в-третьих, изучение мотивации к деятельности на основе модернизированного нами опросника «Мотивационный профиль» П. Мартин и Ш. Ричи [7], в-четвертых, авторская анкета по проблеме [4; 8; 9].

Социальные представления преподавателей вузов о профсоюзе

Результаты выявления социальных представлений преподавателей вузов о профсоюзе и анализ структуры и содержания этих представлений показан на рис. 1.

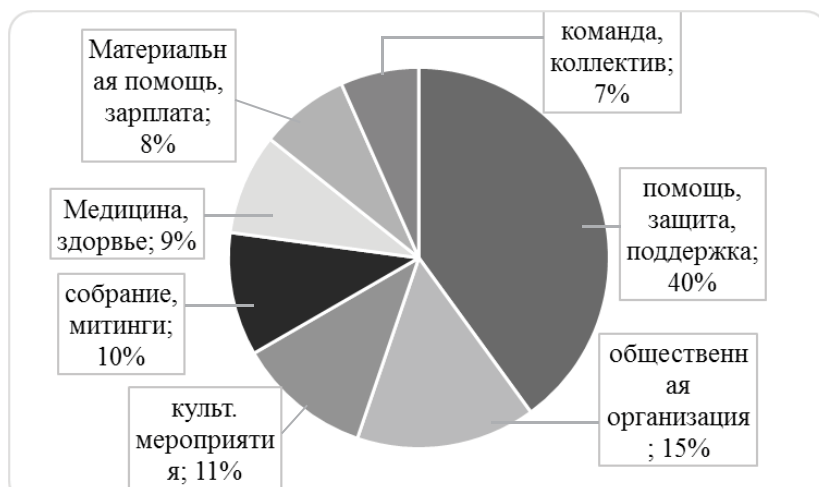
Анализ представлений преподавателей позволил сделать краткие выводы. Основными и наиболее значимыми ассоциациями с понятием «профсоюз» для ее членов явились вопросы защиты прав работников и обучающихся, поддержки и помощи, включая материальную помощь, а также мероприятия, связанные с охраной труда, отдыхом и лечением. Приведенные выше

ассоциативные понятия напрямую являются индикаторами работы профсоюзных организаций.

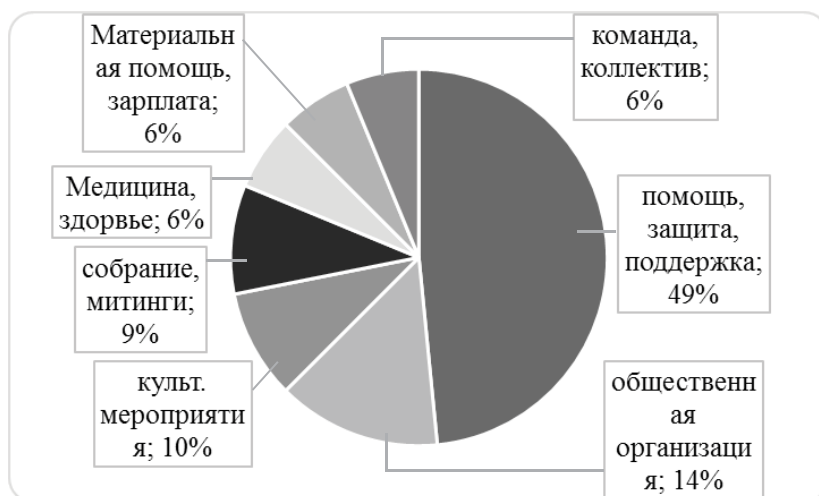
Организационная культура (рис. 2) в вузах имеет отличие на уровне $p < 0,05$. Большинство организаций создает и придерживается какой-то доминантной субкультуры. Те из них, кто не обладает определенным доминантным типом субкультуры, либо стремятся к затушевыванию своей культуры, либо подчеркивают почти равное обладание всеми ее четырьмя типами.

В сравниваемых вузах общая доминирующая субкультура – ОК «Отношений». В МГТУ им. Баумана она дополняется равной по значению неконкурентной ОК «Порядка», в отличие от МИИГАиК, где дополнение происходит через конкурентную ОК «Результат», стержнем которой является предпринимательская деятельность. Сочетание одинаковых или неконкурентных субкультур не является потенциально конфликтной ситуацией, в отличие от сочетания конкурентных субкультур, которые актуально или потенциально несут в себе конфликт.

В вузах ОК «Отношений» проникнута разделяемыми всеми ценностями и целями, сплоченностью, соучастием, индивидуальностью и ощущением организации как «мы». Они, скорее, похожи на большие семьи, чем на объекты общественной деятельности. Типичными характеристиками являются командная работа, программы вовлечения преподавателей в корпоративные обязательства перед ними. Для ОК «Порядок» характерны классические атрибуты бюрократии: правила, специализация, система отбора по оценкам, иерархия, раздельная собственность, обезличивание, учет. Соответствие

а) социальные представления преподавателей МГТУ им. Баумана

б) социальные представление преподавателей МИИГАиК

Рис. 1. Социальные представления у преподавателей более эффективной по членству (МГТУ им. Баумана) и менее эффективной по количеству (МИИГАиК) профсоюзных организаций вузов (в % от всех высказываний, n=219 чел.)

этих характеристик гарантирует высокую эффективность. Учитывая относительную стабильность внешней среды МГТУ им. Баумана (место вуза в рейтинге вузов, постоянное внимание государства, устойчивый заказ на инженерные кадры и т. д.), вуз формиру-

ет ключевые ценности успеха: четкие линии распределения полномочий по принятию решений, стандартизованные правила и процедуры, механизмы контроля и учета.

Мотивационный профиль преподавателей вузов (рис. 3) статистически

Рис. 2. Сравнение организационных культур МГТУ им. Баумана, МИИГАиК по экспертным оценкам преподавателей вузов – членов профсоюза (в средних %, n=219 чел.)

Рис. 3. Мотивационные профили преподавателей членов профсоюза МГТУ им. Баумана и МИИГАиК (в средних, n=219)

значимо отличается на уровне $p < 0,01$. Базовые отличия проходят через факторы взаимодействия в социуме («Социальные контакты», «Взаимоотношения») и профессиональные факторы («Интересная и полезная работа»). Такое сочетание мотивационных факторов прогнозирует эффективность работы профсоюзной организации в этих областях при условии гармоничного вплетения проводимых мероприятий в канву трудовой мотивации. При этом в МГТУ им. Баумана наибольший результат скорее всего будет достигнут при использовании фактора «Интересная и полезная работа», в МИИГАиК – факторов «Социальные контакты» и «Взаимоотношения».

Анализ результатов анкетирования

Цели вступления в профсоюз представлены на рис. 4. Линейные тренды наглядно показывают различия групп. Основной целью вступления в профсоюз опрошенных работников МГТУ им. Баумана является: «Активное участие в мероприятиях» – 27 % ответов респондентов; «Защита прав» и «Поддержка/помощь» – по 24 % ответов соответственно, включая ответ «материальная помощь» у 11 % респондентов; «Как все» – 14 % ответов соответственно. Результаты отличаются от ответов опрошенных работников МИИГАиК, у которых основной целью вступления в профсоюз является «Защита» – 60 % ответов респондентов; на втором месте «Быть членом общества» – 40 % ответов; 3-е место не выявлено, исходя из количества респондентов.

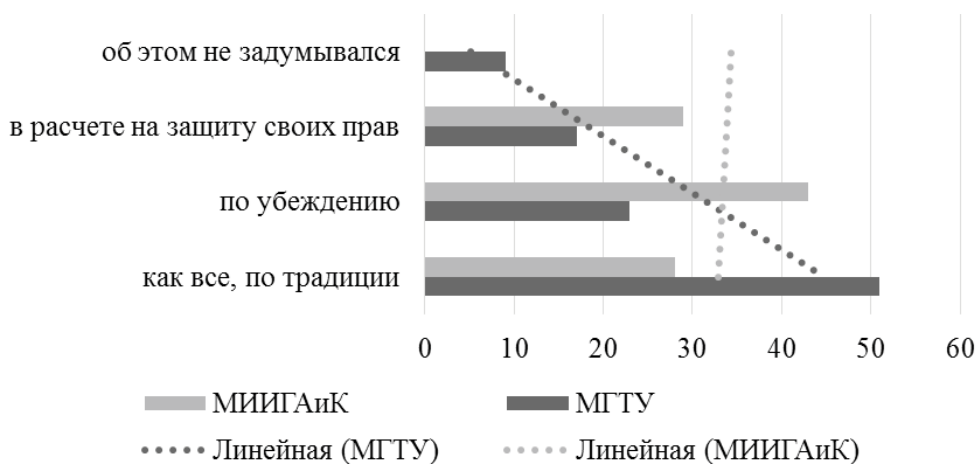

Рис. 4. Структуры причин вступления в профсоюз в профсоюзных организациях МГТУ и МИИГАиК

В целом по данному блоку группы имеют статистически достоверное отличие на уровне $p < 0,01$ по χ^2 – критерию.

Профсоюз: авторитет, деятельность, удовлетворенность. Анализ

результатов по всей выборке продемонстрировал единодушное мнение всех преподавателей, высказавшихся за необходимость наличия профсоюзной организации в образовательном

учреждении. Более 90 % всех опрошенных выразили положительную точку зрения, отвечая на данный вопрос.

В ППО МГТУ им. Баумана уровень авторитета и влияния профкома в вузе более высоким оценили 37 % опрошенных; 34 % – «выше среднего»; 27 % – высоким, отрицательно высказались – 2 % респондентов. Преподаватели менее эффективной ППО МИИГАиК в равной степени оценили уровень авторитета и влияния профкома в университете – по 43 % «выше среднего» и «хотелось бы лучше»; 14 % отметили высокий уровень этой работы. В ППО МГТУ им. Баумана средний балл оценки ее деятельности составляет 4,44, тогда как у работников ППО МИИГАиК – средний балл равен 4,25.

В ППО МГТУ им. Баумана обеспечение прав членов профсоюза реализовано через показатели «Стимулирующие выплаты» и «Охрана труда» – по 21 % опрошенных; «Оплата труда» – 15%; «Не обращался» – 13 % опрошенных; «Вопросы трудового законодательства» – 9 %; «Сокращение/Увеличение нагрузки» и «Аттестация» – по 4 % соответственно. В ППО МИИГАиК «Охрана труда» и «Вопросы трудового законодательства» – по 17 % соответственно. Остальные ответы были распределены в равных долях респондентами и не влияют на результаты анкетирования вследствие их малой численности.

Логично в такой ситуации то, что 79% преподавателей МГТУ им. Баумана в целом удовлетворены решением вопросов, связанных с обеспечением прав членов профсоюза. Однако таким же образом ответили и работники МИИГАиК – 72 % опрошенных, причем полностью не удовлетворенных решением этих вопросов в выборках

не оказалось. Имеет место тенденция: в более эффективных ППО авторитет организации базируется на многообразии направлений, форм и методов решения насущных вопросов, возникающих у членов профсоюза. Это подтверждается долей членов ППО (от 29 до 43 % респондентов) не совсем или полностью не удовлетворенных решением вопросов защиты социально-трудовых прав. В целом по данному блоку группы имеют статистически достоверное различие на уровне $p < 0,01$ по χ^2 – критерию.

Информационное обеспечение деятельности профсоюза. Преподаватели вузов практически одинаково используют информационные ресурсы. В ППО МГТУ им. Баумана большинство указанных источников получения информации присутствуют примерно в равном соотношении. Однако такие источники информации, как сайт МГО профсоюза народного образования и науки РФ – www.pronm.ru; социальные сети и страничка профсоюзной организации в социальной сети, практически не отмечены опрошенными. В целом по данному блоку группы имеют статистически достоверное отличие на уровне $p < 0,05$ по χ^2 – критерию.

Уровень взаимодействия руководства профсоюза со своими членами определяется через совместную реализацию социальных программ. Различий в знании, популярности и участия в них в профсоюзах преподавателей выявлено не было. Самыми популярными социальными программами профсоюза, по мнению участников опроса, являются: билеты и подарки на новогодние представления для детей членов профсоюза (знакомы от 22 до 41 %; интересны от 18 до 30 %); оздо-

рование членом профсоюза и членом их семей (от 19 до 30 %); добровольное медицинское страхование (знакомы от 13 до 21 %; интересны от 30 до 36 %); фонд социальной и благотворительной помощи (знакомы от 13 до 18 %; интересны от 15 до 21 %).

Направления деятельности профсоюза:

1) оздоровление членом профсоюза. Различий по этому микроблоку анкеты нет, у всех преподавателей самыми популярными социальными программами по оздоровлению членом профсоюза, в которых опрошенные хотели бы принять непосредственное участие, являются: санаторно-курортное лечение в санаториях и отдых в пансионатах Крыма, Краснодарского края и средней полосы России (от 19 до 27 % ответов); добровольное медицинское страхование (от 17 до 24 % ответов); подмосковные оздоровительные лагеря (от 18 до 23 % ответов); отдых за рубежом (от 15 до 20 % ответов), ранее неактивно используемая программа;

2) организационно-массовая работа. Акцент в организационной работе целесообразней сделать на самой популярной тройке ответов: а) участие в творческих, профсоюзных конкурсах и конкурсах профессионального мастерства (от 17 до 23 % ответов); б) участие в форумах и конференциях (от 15 до 20 %); в) участие в слетах и фестивалях и участие в премиях и грантах (от 13 до 18 % ответов соответственно). В целом по данному микроблоку ППО вузов имеют статистически достоверное различие на уровне $p < 0,05$ по χ^2 – критерию;

3) обучение членом профсоюза. В ППО МГТУ им. Баумана на вопрос об обучении «Затрудняюсь ответить» от-

ветили 36 %. Самыми популярными формами обучения членом профсоюза являются: «Школы профсоюзного актива» – 35 % ответов опрошенных; «Стажировки» и «Тренинги» – по 10 %. Работники МИИГАиК ответили схожим образом. Самым популярным ответом является ответ «Затрудняюсь ответить» – 75 %; далее – «Школы профсоюзного актива» – 13 %; «Стажировки» – 12 %. Ответы по выборке не имеют статистически обоснованного различия. Полученные результаты выявили у преподавателей непонимание того, что обучение формирует коммуникативно-компетентностный подход к пониманию социальной роли профсоюза в жизни образовательных учреждений.

4) Культурно-просветительская работа. Преподаватели вузов абсолютно единодушны по этому микроблоку анкеты. Самыми интересными направлениями культурно-просветительской деятельности профсоюзной организации, существующими в ППО МГТУ им. Баумана, являются: «Участие в экскурсионных маршрутах и программах» – 41 % ответов респондентов; «Посещение театров и музеев» – 36 %; «Участие в проектах нравственно-патриотического воспитания молодежи» – 22 %. В ППО МИИГАиК: самым распространенным ответом является ответ «Участие в экскурсионных маршрутах и программах» – 47 % ответов респондентов; «Посещение театров и музеев» – 36 %; «Участие в проектах нравственно-патриотического воспитания молодежи» – 17 %.

Улучшение работы профсоюзной организации. В целом по этому блоку группы нет статистически достоверного различия по χ^2 – критерию между более и менее эффективными ППО.

Самыми важными направлениями деятельности профсоюзной организации в ППО МГТУ им. Баумана являются: «Осуществление защиты трудовых прав членов профсоюза по вопросам оплаты труда» – 23 % ответов респондентов; «Реализация пунктов коллективного договора в части нормализации условий и оплаты труда» – 21 %; «Охрана труда» – 16 %. Преподаватели МИИГАиК представили сходную систему направлений: «Осуществление защиты трудовых прав членов Профсоюза по вопросам оплаты труда» – 26 % ответов респондентов; «Реализация пунктов коллективного договора в части нормализации условий и оплаты труда» – 22 %; «Развитие и совершенствование системы социального партнерства» – 19 %.

В целом, по мнению респондентов, все направления деятельности профсоюзных организаций практически необходимо улучшить. Общими наиболее приоритетными направлениями работы профсоюза стали: осуществление защиты трудовых прав членов профсоюза по вопросам оплаты труда (от 12 до 14 %); реализация пунктов коллективного договора в части нормализации условий и оплаты труда (от 9 до 14 %); социальные программы (от 9 до 10 %). Направления работы базируются на видимых недостатках. Преподаватели МГТУ им. Баумана представили следующий перечень: «Недостаточное информирование о работе профсоюза» – 13 % ответов опрошенных; «Слабая работа с администрацией по повышению заработной платы» и «Ограниченные возможности организации в защите социально-трудовых прав» – по 9% ответов. Преподаватели МИИГАиК: «Не-

достаточная активность профсоюзной организации» и «Недостаточная заинтересованность молодежи» – по 17% ответов опрошенных, соответственно. Таким образом, основной недостаток деятельности профсоюзных организаций, по мнению большинства респондентов, связан с информационной работой, недостаточной активностью и ограниченными возможностями организаций в защите социально-трудовых прав членов профсоюза.

«Привлечение членов профсоюза» по меньшей мере зависит от 1) авторитета ППО в вузе, 2) личной мотивации членов профсоюза, 3) структуры недостатков в работе профкома и их преодоление, 4) уровня рефлексии проблемы привлечения членов профсоюза, 5) нормативно-правового обеспечения. 73 % преподавателей МГТУ им. Баумана отметили то, что в целом администрация считается с мнением профсоюза, уважает его. 25 % полагает, что администрация вынуждена терпеть профсоюзную организацию. В МИИГАиК работники соответственно ответили 43 % и 57 %. Основными причинами низкой мотивации преподавателей и сотрудников вузов при вступлении в профсоюз, выделенными респондентами по всей выборке, являются: недостаточное понимание функций организации (от 20 до 31 %); нежелание платить взносы (от 21 до 50 %); сомнение в возможности профсоюзной организации защищать права работников (от 21 до 28 %). По мнению преподавателей вузов, основными причинами недостаточной эффективности работы первичных профсоюзных организаций являются: недостаточная информированность членов профсоюза (от 11 до 21 %); ограниченные фи-

нансовые возможности (от 17 до 38 %); члены профсоюза не принимают активного участия в работе профорганизации, не поддерживают действия профсоюзного комитета (от 13 до 22 %); недостаточная поддержка со стороны вышестоящего профоргана и зависимость неосвобожденного председателя первичной организации от работодателя (от 2 до 22 % соответственно).

Основными условиями увеличения профсоюзного членства, с точки зрения респондентов, являются: повышение уровня сознательности членов профсоюза (от 22 до 52 %); более активное информирование о деятельности профкома (от 24 до 45 %); активизация работы профкома (от 14 до 28 %).

Мероприятиями, которые могут повысить авторитет ППО и привлечь новых членов профсоюза в ППО МГТУ им. Баумана, по мнению респондентов, являются: «Повышение заработной платы» – 22 % ответов респондентов; «Проведение праздничных, культурных, спортивных, мероприятий» – 17 % ответов; «Работа с молодежью, деятельность молодежной структуры профорганизации» – 12 % ответов. Другой перечень мероприятий дают работники МИИГАиК: «Повышение заработной платы» – 27 % ответов респондентов; «Проведение праздничных, культурных, спортивных, мероприятий» – 23 % ответов; «Коллективные действия» – 14 % ответов.

Выводы по сравнительному анализу полярных групп ППО преподавателей вузов

Во-первых, выявлен уровень расхождений в факторах членства в профсоюзе – $p < 0,05$. При понятной схожести по демографическим показателям

группы не имеют отличий по анкете: «Уровень взаимодействия руководства профсоюза со своими членами»; «Направления деятельности профсоюза» («Оздоровление членов профсоюза», «Обучение членов профсоюза», «Культурно-просветительская работа»). Результаты по ассоциативной методике подчеркивают, с одной стороны, закрытость членов ППО, выражающуюся в уклонении от части острых вопросов, с другой – наработанные технологии в деятельности ППО.

Во-вторых, превалирование статистически достоверных различий лишь на уровне $p < 0,05$ по χ^2 – критерию по ассоциативной методике «Социальные представления о профсоюзе» и по тесту «Организационная культура», по блокам анкеты: «Информационное обеспечение деятельности профсоюза», «Организационно-массовая работа», «Улучшение работы профсоюзной организации», «Привлечение членов профсоюза» дает нам лишь тенденцию действий. Взаимосвязь с мотивацией членства в профсоюзе выявлена, но не всегда ясно, что от чего зависит: мотивация членства от факторов или факторы от мотивации. Для выхода из ситуации двойственности считаем необходимым провести дополнительное сравнение более эффективных по членству в профсоюзе и менее эффективных по количеству членов в ППО вузов с группой молодых преподавателей, названных нами из-за своих характеристик мотивации членства в профсоюзе потенциальной группой.

В-третьих, полярные группы ППО имеют статистически достоверное различие на уровне $p < 0,01$ по χ^2 – критерию по тесту «Мотивационный профиль», «Цели вступления в профсоюз»,

«Профсоюз: авторитет, деятельность, удовлетворенность». По сути, это и есть различия собственно в мотивационной сфере членов профсоюза, ППО вуза.

Итак, в опубликованных 2-х статьях проанализированы факторы мотивационного членства студентов и преподавателей в профсоюзных организациях вузов. Нами подготовлена третья статья «Мотивация профсоюзного членства как компонент межгрупповой адаптации студентов и

преподавателей в едином профсоюзе вуза (часть 3. Моделирование реорганизации профсоюзной организации)». В статье будут изложены основы моделирования слияния профсоюзных организаций, на конкретном примере показаны преимущества и возможные потери таких организационных изменений. В основу положены закономерности, механизмы, стратегии межгрупповой адаптации в организациях [1; 2; 3; 6; 10; 12].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булгаков А.В. Влияние психологических явлений межгруппового взаимодействия в организации на эффективность управления знаниями: платформа Sunefin Д. Сноудена // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0: сборник статей. 2015. Т. XX. С. 574–595.
2. Булгаков А.В. Принцип культурного опосредования как основа сравнительного анализа результатов исследований межгрупповой адаптации в организациях // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. № 10(153). С. 37–59.
3. Булгаков А.В. Психология межгрупповой адаптации на кораблях Военно-морского флота России: дисс. ... док. психол. наук. М., 2007. 462 с.
4. Мотивация профсоюзного членства как компонент межгрупповой адаптации студентов и преподавателей в едином профсоюзе вуза (часть 1. Студенты: проблема мотивации профсоюзного членства) А.В. Булгаков и др. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 30–48.
5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / пер. с англ.; под ред. И.В. Андреевой. СПб., 2001. 320 с.
6. Корчемный П.А. Концепция межгрупповой адаптации в организации А.В. Булгакова как теория среднего уровня: области применения, результаты, перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 1. С. 74–84.
7. Павлютенкова О.А. Корпоративные университеты как эффективная форма взаимодействия предприятия и ВУЗа в условиях кризиса // Ломоносовские чтения – 2010: Духовно-нравственная культура и патриотизм: материалы научной конференции. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 351–356.
8. Павлютенкова О.А. Пронина Е.Н. Актуальные вопросы эффективного решения проблем мотивации профсоюзного членства // Теория и практика использования регулирования социально-трудовых и образовательных отношений в организациях высшего и профессионального образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2016. С. 78–82.
9. Ричи Ш., Маргин П. Управление мотивацией : учеб. пособие для вузов / пер. с англ.; под ред. Е.А. Климова. М., 2004. 399 с.
10. Чистоходова Л.И., Лавров Н.Н. Теоретическая модель развития профессиональной

идентичности специалиста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 1. С. 119–124.

11. Abric, J-C. A structural approach to social representations // *Representations of the social: bridging theoretical traditions* / ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 42–47.
12. Bulgakov, A.V. Psychology of Intergroup Adaptation in Organizations as the Integration of Socio-Psychological and Cognitive Paradigms: Some Results and Prospects of Development [Electronic source] // *International Annual Edition of Applied Psychology: Theory, Research, and Practice*: [site]. URL: <http://www.interpsy.sgu.ru> <http://interpsy.sgu.ru/en/journal/2014/1> (дата обращения: 13.08.2016).

REFERENCES:

1. Bulgakov A.V. Vliyaniye psikhologicheskikh yavlenii mezhgruppovogo vzaimodeistviya v organizatsii na effektivnost' upravleniya znaniyami: platforma Cynefin D. Snoudena [The Influence of Psychological Phenomena of Intergroup Interaction in the Organization on the Effectiveness of Knowledge Management: the Cynefin Platform by D. Snowden] // *Puti Rossii. Alternativy obshchestvennogo razvitiya. 2.0 : sbornik statei* [Ways of Russia. Alternatives of Social Development. 2.0: Collection of Articles]. Vol. XX, M., 2015. pp. 574–595.
2. Bulgakov A.V. Printsip kul'turnogo oposredovaniya kak osnova sravnitel'nogo analiza rezul'tatov issledovaniy mezhgruppovoi adaptatsii v organizatsiyakh [The Principle of Cultural Mediation as the Basis of a Comparative Analysis of the Results of Studying Intergroup Adaptation in Organizations] // *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*. 2015, no. 10(153), pp. 37–59.
3. Bulgakov A.V. Psikhologiya mezhgruppovoi adaptatsii na korablyakh VoЕННО-morskogo flota Rossii: diss. ... dok. psikhol. nauk [Psychology of Intergroup Adaptation in the Ships of the Navy of Russia: Thesis ... Doctor of Psychology]. M., 2007. 462 p.
4. Motivatsiya profsoyuznogo chlenstva kak komponent mezhgruppovoi adaptatsii studentov i prepodavatelei v edinom profsoyuze vuza (chast' 1. Studenty: problema motivatsii profsoyuznogo chlenstva) [Motivation for Trade Union Membership as a Component of Intergroup Adaptation of Students and Teachers in a Single Union of a University (Part 1. Students: The Problem of Motivation of Trade Union Membership)] A.V. Bulgakov and oth. // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. 2016, no. 3, pp. 30–48.
5. Kameron K., Kuinn R. Diagnostika i izmeneniye organizatsionnoi kul'tury / Per. s angl. [Diagnosing and Changing Organizational Culture / Tr. from English.]. SPb., 2001. 320 p.
6. Korchemnyi P.A. Kontseptsiya mezhgruppovoi adaptatsii v organizatsii A.V. Bulgakova kak teoriya srednego urovnya: oblasti primeneniya, rezul'taty, perspektivy [A.V. Bulgakov's Concept of Intergroup Adaptation inside an Organization as a Middle-Level Theory: Range of Use, Results, Prospects] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. 2011, no. 1, pp. 74–84.
7. Pavlyutenkova O.A. Korporativnye universitety kak effektivnaya forma vzaimodeistviya predpriyatiya i VUZa v usloviyakh krizisa [Corporate Universities as an Effective Form of Interaction between an Enterprise and a University during the Crisis] *Sbornik dokladov konferentsii «Lomonosovskie chteniya – 2010: Dukhovno-nravstvennaya kul'tura i patriotizm» MGU* [Proceedings of the Conference "Lomonosov Readings – 2010: Spiritual-Moral Culture and Patriotism" MSU]. 2010, pp. 351–356.
8. Pavlyutenkova O., Pronina E. The Topical Issues of the Effective Problems Solution of Trade-Union Membership Motivations // *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical*

- Conference "The Theory and Practice of Using Social Regulation – Labour and Educational Relations in Organizations of Higher and Professional Education", Ryazan, RGRTU, 2016, pp. 78–83.
9. Richi SH., Martin P. *Upravlenie motivatsiei : ucheb. posobie dlya vuzov / per. s angl. [Motivation Management: Textbook. Manual for Universities / Tr. From Engl.]*. М., 2004. 399 p.
 10. Chistokhodova L.I., Lavrov N.N. *Teoreticheskaya model' razvitiya professional'noi identichnosti spetsialista [Theoretical Model of Development of a Specialist's Professional Identity]* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. 2012, no. 1, pp. 119–124.
 11. Abric, J-C. *A structural approach to social representations // Representations of the social: bridging theoretical traditions / ed. by K. Deaux, G. Philogène*. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 42–47.
 12. Bulgakov, A.V. *Psychology of Intergroup Adaptation in Organizations as the Integration of Socio-Psychological and Cognitive Paradigms: Some Results and Prospects of Development [Electronic source]* // *International Annual Edition of Applied Psychology: Theory, Research, and Practice: [site]*. URL: <http://www.interpsy.sgu.ru> <http://interpsy.sgu.ru/en/journal/2014/1> (request date: 13.08.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Чистоходова Людмила Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, директор Института управления, экономики и права Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf413@mail.ru

Павлютенкова Ольга Алексеевна – старший преподаватель, председатель первичной профсоюзной организации работников и обучающихся Электростальского института (филиал) Московского политехнического университета;
e-mail: olgapavl@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bulgakov Alexandr V. – Doctor of Science in Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology, Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Chistokhodova Lyudmila I. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of Institute of Management, Economics and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: kaf413@mail.ru

Pavlyutenkova Olga A. – Senior Lecturer, Chairman of the Primary Trade Union Organization of Employees and Students of Elektrostal Polytechnic Institute – Branch of Moscow State University of Mechanical Engineering;
e-mail: olgapavl@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Булгаков А.В., Чистоходова Л.И., Павлютенкова О.А. Мотивация профсоюзного членства как компонент межгрупповой адаптации студентов и преподавателей в единой профсоюзной организации вуза (часть 2. Преподаватели: особенности мотивации профсоюзного членства в контексте межгрупповой адаптации в профсоюзной организации) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 41–54.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-41-54

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Bulgakov, L. Chistokhodova, O. Pavlyutenkova. Motivation of Union Membership As a Component of Intergroup Adaptation of Students and Teachers in a Single Trade Union Organization of the University (part 2. Teachers: Features of Motivation of Trade-Union Membership in the Context of Intergroup Adaptation to the Trade Union Organization) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 41–54.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-41-54

УДК 159.9.072.432

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-55-70

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К РЕКЛАМНЫМ ВОЙНАМ БРЕНДОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ АГРЕССИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ*

Воробьева А.Е.

Институт психологии Российской академии наук

129366, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация. На выборке 60-ти человек было выполнено исследование отношения к войнам брендов в зависимости от уровня показателей агрессивности и враждебности. Для исследования были взяты примеры печатной рекламы, содержащей войны между российскими брендами, между зарубежными брендами, а также между российскими и зарубежными брендами. Было выявлено, что рекламные войны брендов нравятся респондентам с выраженной физической агрессивией, также отдельные примеры войн брендов нравятся респондентам с выраженной подозрительностью.

Ключевые слова: агрессивность, враждебность, рекламные войны брендов, психология рекламы, отношение к рекламе.

PSYCHOLOGICAL ATTITUDE TO BRAND WARS DEPENDING ON DIFFERENT LEVELS OF PERSONAL AGGRESSIVENESS

A. Vorobieva

The Institute of Psychology of Russian Academy of Science

129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13-1, Russian Federation

Abstract. In a sample of 60 people a study related to the brand wars depending on the level of indicators of aggression and hostility was carried out. Examples of print advertising were taken for the research. They represented examples of wars between Russian brands, and between foreign brands, as well as between Russian and foreign ones. It was found that respondents, whose level of physical aggression is severe, like the brand wars. Besides, certain examples of brand wars are chosen by respondents with rather high level of suspiciousness.

Key words: aggression, hostility, brand wars, advertising psychology, attitudes to advertising.

Постановка проблемы. С одной стороны, реклама объективно необходима обществу, а с другой – она бесцеремонно вторгается в личную жизнь граждан. У большинства населения восприятие рекламных сообщений вызывает чувство раздражения.

© Воробьева А.Е.

* Работа выполняется в ФГБУН «Институт психологии РАН» при финансовой поддержке РФФ в рамках научно-исследовательского проекта РФФ №14-18-03271 «Макропсихологический анализ социальных явлений».

Сегодня этот вид информации перестает быть сугубо экономическим атрибутом и становится своеобразным элементом массовой культуры. Рекламные сюжеты, слоганы, цвета и их сочетания, шрифты, форма обращения к покупателю и пр., становясь модными, закрепляются и воспроизводятся в поведении, социальных нормах, культурных традициях. Учитывая обилие агрессивных образов в средствах массовой коммуникации, необходимо обратить внимание на возможные последствия такого воздействия.

С нашей точки зрения, рекламные войны брендов должны рассматриваться как разновидность агрессивной рекламы. Мы выделяем 3 вида такой рекламы: 1) содержит агрессивные сюжеты, слова и образы, нарушающие принятые в обществе этические нормы; 2) имеет агрессивный характер распространения (навязчивость, неуважительная коммуникация с потребителем и т. п.); 3) содержит агрессию по отношению к конкурентам (порочит их товары и т. п.) [1]. Такая реклама имеет различные негативные социальные и индивидуально-личностные последствия. В исследовании О.В. Гордяковой и О.Ю. Казьминой [2] доказано, что агрессивная реклама способна усугублять депрессию. К тому же постоянная демонстрация различных форм агрессии вводит их в социальную норму.

Проблема рекламных войн широко обсуждается в маркетинговой литературе [3; 6; 8; 9; 10], в меньшей степени в журналистике [5] и в психологии [1]. Маркетинговая война – это попытка использовать военное мышление в решении маркетинговых проблем [8], следствием чего является неэтичность ее методов. Частью маркетинговых

войн являются рекламные войны брендов. Рекламная война – это вербально-визуальный поединок различных брендов в рекламном пространстве с целью достижения лояльности потребителя [3]. Ответом на рекламный вызов конкурента является не оборона, а встречное нападение. Возможно несколько вариантов ведения рекламной войны: 1) разрушение тех чувств, которые вызывают бренды-конкуренты, важно не столько доказать, что свой бренд лучше, сколько убедить аудиторию, что бренд-конкурент хуже, что он фактически обманывал потребителя относительно своих свойств и качества; 2) атрибуты конкурирующего бренда связываются с антиценностями [6; 9]. Война брендов приравнивается к идеологической войне. Война брендов, в том числе неэтичные методы ее ведения, нормализуется маркетинговой литературой [3; 6; 8; 9]. Однако российским законом о рекламе запрещена реклама, которая порочит честь, достоинство, деловую репутацию конкурента. Важной особенностью российского рынка является то, что на нем отечественные бренды помимо конкуренции друг с другом конкурируют с иностранными брендами и зачастую проигрывают им [6].

Рекламные войны с психологической точки зрения – это неэтичная и недобросовестная форма конкуренции между брендами, использующая приемы вербальной и косвенной агрессии, нормализующая агрессивный стиль коммуникации в обществе и имеющая в большей мере развлекательный, нежели экономический эффект.

С нашей точки зрения, рекламные войны брендов являются проявлением вербальной и косвенной агрессии

в рекламной коммуникации, следовательно, у респондентов с такими особенностями этот вид рекламы будет эффективен. Наиболее широко применяемой методикой для оценки агрессивности личности является опросник Басса-Дарки, который диагностирует следующие виды присущих личности деструктивных тенденций: физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины. Мы считаем, что проявления физической агрессии, раздражения, подозрительности, чувства вины, обиды, негативизма не связаны с такой формой реализации рекламной коммуникации, как рекламные войны брендов, но могли бы иметь связь с предпочтением агрессивной и циничной рекламы (что не является предметом настоящего исследования, но могло бы быть изучено в дальнейшем).

Психологическая эффективность рекламы может быть измерена по структуре социально-психологической установки (отношения) [4]. В настоящее время в психологических исследованиях рекламы это является наиболее распространенным приемом.

Цель исследования: анализ психологического отношения к рекламным войнам брендов в зависимости от выраженности агрессивности личности.

Задачи исследования:

1. Определить общее отношение к рекламным войнам брендов.
2. Определить отношение к конкретным рекламным войнам брендов в зависимости от выраженности показателей агрессивности личности.

Гипотеза исследования: некоторые показатели агрессивности личности будут связаны с положительным отно-

шением к рекламным войнам брендов (вербальная и косвенная агрессия), некоторые – с негативным отношением (обида и раздражение), а некоторые – с нейтральным (физическая агрессия, чувство вины, негативизм).

В данном исследовании использованы рекламные войны следующих брендов: Никола – Соса-кола, Эльдорадо – Техносила, Комсомольская правда – Московский комсомолец, кафе «Правда» – кафе японской кухни, Pepsi – Соса-кола, МТС – Мегафон, кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания, Costa – Starbucks, Old Spice – Ахе.

Методики исследования: общие вопросы, направленные на определение знания респондентами такого явления, как рекламные войны брендов, и общего отношения к ним, авторская методика для оценки психологических показателей эффективности рекламы, адаптированная под конкретный стимульный материал (печатная реклама, содержащая примеры рекламных войн российских и зарубежных брендов), опросник Басса-Дарки [7].

Структура авторской методики: основана на концепции психологического отношения с учетом современной четырехкомпонентной его трактовки [6]. *Когнитивная составляющая* психологической эффективности рекламы оценивалась по следующим шкалам: Рекламируемый товар/услуга кажется хорошим – Рекламируемый товар/услуга не кажется хорошим; Профессиональная – Непрофессиональная; Вызывает доверие – Не вызывает доверия; Запоминающаяся – Незапоминающаяся; Оригинальная – Неоригинальная; Простая – Сложная; Недвусмысленная – Двусмысленная.

Эмоциональный компонент включал следующие шкалы: Притягивающая – Отталкивающая; Агрессивная – Спокойная; Волнующая – Успокаивающая; Огорчающая – Радующая; Скучная – Интересная. *Когнитивный компонент* рекламного воздействия оценивался с помощью шкал: Расскажу другим о рекламе – Не расскажу другим о рекламе; Хочется больше узнать о рекламируемом товаре/услуге – Не хочется больше узнать о рекламируемом товаре/услуге; Вызывает желание воспользоваться товаром/услугой – Не вызывает желания воспользоваться товаром/услугой. Этичность рекламного сообщения (*оценочный компонент*) оценивалась по следующим шкалам: Хорошая – Плохая; Приемлемая – Неприемлемая; Легальная – Нелегальная; Порядочная – Непорядочная; Правдивая – Заведомо ложная.

Объем выборки 60 человек, из них мужчин 17 человек, женщин 43 человека, при этом 23 человека в возрасте до 20 лет, 30 человек в возрасте 20–30 лет, 5 человек в возрасте 31–40 лет, 2 человека в возрасте 41–50 лет.

Результаты исследования: Только 13 человек из 60 не знают о таком явлении, как рекламные войны брендов. Наиболее известной рекламной войной является война Pepsi и Coca-cola, широко известными являются также войны сотовых операторов, сетей фаст-фуда, автомобильных брендов, производителей мобильных телефонов, магазинов электроники. Мало известны войны косметических брендов, брендов одежды, бытовой химии, ювелирных салонов, сетевых супермаркетов-дискаунтеров.

Отношение к рекламным войнам можно разделить на 3 группы: негатив-

ное (3 человека), нейтральное (33 человека), позитивное (12 человек), также хотелось бы привести отдельные рассуждения респондентов: «выбираю товары по личным предпочтениям, а не по рекламе», «на рынке должен оставаться сильнейший бренд», «так видно лучшую марку», «некоторые эпизоды могут развлечь», «рекламные войны брендов могут способствовать снижению цен на товары или услуги, препятствуют монополии, способствуют улучшению качества товаров и услуг», «такова жизнь», «это здоровая конкуренция, побеждает тот продукт, который придется по вкусу покупателю», «борьба – фактор развития, но порой эти войны носят диктаторский характер, принижают качества товаров конкурентов, что вызывает негативные эмоции, а порой недоумение», «на вкус и цвет», «эпизодические явления могут быть забавны публике, но если это затяжная война, то я настроена отрицательно, их задача удовлетворять потребности клиента, а не доказывать конкурентам, кто лучше», «выживает сильнейший», «иногда это выглядит весело», «всегда интересно наблюдать за проявлениями креативности, остроумия и чувства юмора создателей рекламы, такая реклама более запоминающаяся», «умеренно, если ненавязчивая», «в какой-то степени такие войны влияют на качество рекламы и продукции», «заставляет улыбнуться, привлекает внимание», «с усмешкой». Таким образом, рекламные войны интерпретируются как инструмент естественной конкуренции на рынке, возможность создателям проявить остроумие, а потребителям развлечься, однако слишком длительное и агрессивное противостояние брендов оценивается негативно.

Корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) показал, что чем больше показатели по индексу враждебности, тем более волнующая, агрессивная, огорчающая, не вызывающая доверие, двусмысленная рекламная война Никола – Coca-cola, тем более волнующая, агрессивная, интересная, двусмысленная рекламная война Эльдорадо – Техносила, тем более агрессивная и двусмысленная рекламная война Комсомольской правды и Московского комсомольца, тем более притягивающая, радующая, интересная, заведомо

ложная рекламная война МТС – Мегафон, тем более двусмысленная рекламная война кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания, тем более неприемлемая рекламная война Costa – Starbucks, тем более интересная рекламная война Old Spice – Axe (табл. 1). Таким образом, чем выше враждебность личности, тем более негативные оценки получают рекламные войны брендов (в первую очередь по эмоциональному компоненту отношения, в меньшей мере по когнитивному и оценочному компоненту).

Таблица 1

Взаимосвязь общей враждебности и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Coca-cola		
Волнующая – Успокаивающая	-0,34	0,01
Агрессивная – Спокойная	-0,29	0,03
Огорчающая – Радующая	-0,28	0,04
Вызывает доверие – Не вызывает доверие	0,3	0,02
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,36	0,006
Эльдорадо – Техносила		
Волнующая – Успокаивающая	-0,34	0,01
Агрессивная – Спокойная	-0,34	0,01
Скучная – Интересная	0,3	0,02
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,42	0,001
Комсомольская правда – Московский комсомолец		
Агрессивная – Спокойная	-0,27	0,05
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,31	0,02
МТС – Мегафон		
Притягивающая – Отталкивающая	-0,47	0,0003
Огорчающая – Радующая	0,28	0,04
Скучная – Интересная	0,4	0,003
Правдивая – Заведомо ложная	0,27	0,05
кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания		
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,31	0,02
Costa – Starbucks		
Приемлемая – Неприемлемая	0,3	0,03
Old Spice – Axe		
Скучная – Интересная	0,35	0,009

Чем выше показатели по индексу агрессивности, тем более агрессивной и двусмысленной кажется рекламная война Никола – Соса-кола, тем более непрофессиональная, неприемлемая, нелегальная рекламная война Эльдорадо – Техносила, тем более запоминающаяся рекламная война Комсомольской правды и Московского комсомольца, тем более волнующая и агрессивная рекламная война кафе «Правда» – кафе

японской кухни, тем более неприемлемая рекламная война МТС – Мегафон, тем более двусмысленная рекламная война Old Spice – Ахе (табл. 2). Таким образом, чем выше агрессивность, тем более негативные оценки получают рекламные войны брендов (в равной мере по когнитивному, эмоциональному и оценочному компоненту). Также по когнитивному компоненту есть одна положительная оценка.

Таблица 2

Взаимосвязь общей агрессивности и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Соса-кола		
Агрессивная – Спокойная	-0,28	0,03
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,3	0,02
Эльдорадо – Техносила		
Профессиональная – Непрофессиональная	0,33	0,01
Приемлемая – Неприемлемая	0,3	0,02
Легальная – Нелегальная	0,37	0,005
Комсомольская правда – Московский комсомолец		
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,32	0,02
кафе «Правда» – кафе японской кухни		
Волнующая – Успокаивающая	-0,36	0,007
Агрессивная – Спокойная	-0,28	0,03
МТС – Мегафон		
Приемлемая – Неприемлемая	0,3	0,02
Old Spice – Ахе		
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,31	0,02

Углубленный анализ корреляций шкал методики Басса-Дарки с показателями оценок рекламных войн брендов показал, что чем выше показатели по шкале физической агрессии, тем более агрессивной и простой кажется рекламная война Никола – Соса-кола, тем более двусмысленной кажется рекламная война Эльдорадо – Техносила, более запоминающейся кажется рекламная война Комсомольской правды

и Московского комсомольца, в большей мере возникает желание воспользоваться услугой кафе «Матрешка» (рекламная война кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания), более запоминающейся кажется рекламная война Old Spice – Ахе, тверже намерение рассказать другим об этой рекламе (табл. 3). Таким образом, чем выше физическая агрессия личности, тем более положительные оценки

получают рекламные войны брендов (по когнитивному и конативному компоненту). Также есть одна негативная оценка по когнитивному компоненту (двусмысленная). Что касается оценки «простая», она может трактоваться и как позитивная, и как негативная. С

нашей точки зрения, оценка рекламной войны брендов как агрессивной респондентами с выраженной физической агрессией может рассматриваться как положительная (в общем случае, конечно, такую оценку следовало бы считать отрицательной).

Таблица 3

Взаимосвязь физической агрессии и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Соса-кола		
Агрессивная – Спокойная	-0,28	0,04
Простая – Сложная	-0,26	0,05
Эльдорадо – Техносила		
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,27	0,05
Комсомольская правда – Московский комсомолец		
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,37	0,005
кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания		
Вызывает желание воспользоваться товаром/услугой – Не вызывает желание воспользоваться товаром/услугой	-0,28	0,04
Old Spice – Ахе		
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,29	0,03
Расскажу другим о рекламе – Не расскажу другим о рекламе	-0,28	0,04

Чем больше показатели по шкале косвенной агрессии, тем больше рекламная война Никола – Соса-кола кажется волнующей, агрессивной, запоминающейся, двусмысленной, тем больше рекламная война Эльдорадо – Техносила кажется агрессивной, непрофессиональной, двусмысленной, тем больше рекламная война Комсомольской правды и Московского комсомольца кажется оригинальной, тем больше рекламируемые услуги кафе «Правда» (рекламная война кафе «Правда» – кафе японской кухни) не кажутся хорошими, сама реклама огорчающей и скучной, тем больше нежелание рассказывать кому-либо о рекламной войне МТС – Мегафон, тем

меньше запоминается рекламная война кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания, тем более сложной кажется рекламная война Old Spice – Ахе (табл. 4). Таким образом, чем выше косвенная агрессия личности, тем более негативные оценки получают рекламные войны брендов: по когнитивным показателям отношения оценка в основном негативная, но есть отдельные позитивные оценки (запоминающаяся, оригинальная), по эмоциональным показателям отношения оценка также в основном негативная (спорным может быть отнесение к негативным показателям «волнующая» и «агрессивная»), по конативному компоненту оценка также негативная.

Таблица 4

Взаимосвязь косвенной агрессии и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Соса-cola		
Волнующая – Успокаивающая	-0,31	0,02
Агрессивная – Спокойная	-0,30	0,03
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,28	0,03
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,35	0,007
Эльдорадо – Техносила		
Агрессивная – Спокойная	-0,27	0,04
Профессиональная – Непрофессиональная	0,29	0,03
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,27	0,04
Комсомольская правда – Московский комсомолец		
Оригинальная – Неоригинальная	-0,29	0,03
кафе «Правда» – кафе японской кухни		
Рекламируемый товар/услуга кажется хорошим – Рекламируемый товар/услуга не кажется хорошим	0,26	0,05
Огорчающая – Радующая	-0,31	0,02
Скучная – Интересная	-0,28	0,04
МТС – Мегафон		
Расскажу другим о рекламе – Не расскажу другим о рекламе	0,28	0,04
кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания		
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	0,28	0,04
Old Spice – Axe		
Простая – Сложная	0,29	0,03

Чем больше показатели по шкале раздражения, тем более агрессивной кажется рекламная война Никола – Соса-cola, тем более агрессивной, непрофессиональной, двусмысленной, плохой, непорядочной кажется рекламная война Эльдорадо – Техносила, тем более агрессивной, запоминающейся, непорядочной кажется рекламная война Комсомольской правды и Московского комсомольца, тем более агрессивной кажется рекламная война кафе «Правда» – кафе японской кухни, тем более двусмысленной и неприемлемой кажется рекламная война МТС – Мегафон, тем более незапоминаю-

щейся кажется рекламная война кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания, тем более агрессивной, запоминающейся, неприемлемой кажется рекламная война Costa – Starbucks, тем больше рекламируемые услуги Costa не кажутся хорошими, тем больше желание рассказать друзьям о рекламной войне Old Spice – Axe (табл. 5). Таким образом, чем выше раздражение личности, тем более негативные оценки получают рекламные войны брендов по когнитивным, эмоциональным и оценочным показателям отношения. По конативному компоненту получена одна позитив-

ная оценка. По когнитивному компоненту было получено две позитивные оценки «запоминающаяся», но в сочетании с негативными оценочными и эмоциональными показателями (не-

порядочная, неприемлемая, агрессивная). Оценка рекламы как агрессивной для раздражительных респондентов, с нашей точки зрения, будет скорее негативной характеристикой.

Таблица 5

Взаимосвязь раздражения и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Соса-cola		
Агрессивная – Спокойная	-0,28	0,03
Эльдорадо – Техносила		
Агрессивная – Спокойная	-0,4	0,002
Профессиональная – Непрофессиональная	0,36	0,006
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,33	0,01
Хорошая – Плохая	0,26	0,05
Порядочная – Непорядочная	0,35	0,008
Комсомольская правда – Московский комсомолец		
Агрессивная – Спокойная	-0,40	0,002
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,31	0,02
Порядочная – Непорядочная	0,27	0,05
кафе «Правда» – кафе японской кухни		
Агрессивная – Спокойная	-0,29	0,03
МТС – Мегафон		
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,33	0,01
Приемлемая – Неприемлемая	0,29	0,03
кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания		
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	0,27	0,04
Costa – Starbucks		
Рекламируемый товар/услуга кажется хорошим – Рекламируемый товар/услуга не кажется хорошим	0,26	0,05
Агрессивная – Спокойная	-0,32	0,02
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,3	0,02
Приемлемая – Неприемлемая	0,31	0,02
Old Spice – Axe		
Расскажу другим о рекламе – Не расскажу другим о рекламе	-0,29	0,03

Чем больше показатели по шкале негативизма, тем более огорчающей кажется рекламная война Никола – Соса-cola, тем больше желание рассказать кому-либо о рекламной войне

Pepsi – Соса-cola, тем более интересной и сложной кажется рекламная война кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания, тем более незапоминающейся, неприемлемой, неле-

гальной кажется рекламная война Costa – Starbucks, тем более двусмысленной и нелегальной кажется рекламная война Old Spice – Axe (табл. 6). Таким образом, чем выше негативизм личности, тем более негативные оценки рекламных

войн по эмоциональному и оценочному компоненту отношения, по когнитивному также скорее негативные (за исключением оценки «интересная»). По когнитивному компоненту была получена одна позитивная оценка.

Таблица 6

Взаимосвязь негативизма и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Coca-cola		
Огорчающая – Радующая	-0,28	0,04
Pepsi – Coca-cola		
Расскажу другим о рекламе – Не расскажу другим о рекламе	-0,27	0,05
кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания		
Скучная – Интересная	0,27	0,04
Простая – Сложная	0,40	0,002
Costa – Starbucks		
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,28	0,03
Приемлемая – Неприемлемая	0,26	0,05
Легальная – Нелегальная	0,34	0,01
Old Spice – Axe		
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,27	0,04
Легальная – Нелегальная	0,29	0,03

Чем больше показатели по шкале обиды, тем больше не вызывает доверие и кажется двусмысленной рекламная война Никола – Coca-cola, тем более волнующая, агрессивная, интересная, двусмысленная рекламная война Эльдорадо – Техносила, тем более агрессивная и запоминающаяся рекламная война Комсомольской правды и Московского комсомольца, тем более радующая рекламная война Pepsi – Coca-cola, тем более притягивающая, радующая, интересная рекламная война МТС – Мегафон, тем более нелегальная рекламная война Costa – Starbucks, тем больше рекламируемые услуги

Costa не кажутся хорошими, тем больше рекламная война Old Spice – Axe кажется агрессивной (табл. 7). Таким образом, чем выше обида личности, тем более негативные оценки получают рекламные войны по оценочному компоненту отношения и противоречивые по когнитивным и эмоциональным показателям отношения.

Чем больше показатели по шкале подозрительности, тем более волнующей, агрессивной, огорчающей кажется рекламная война Никола – Coca-cola, тем более волнующей, двусмысленной, непорядочной кажется рекламная война Эльдорадо – Техно-

Таблица 7

Взаимосвязь обиды и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Coca-cola		
Вызывает доверие – Не вызывает доверие	0,34	0,01
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,33	0,01
Эльдорадо – Техносила		
Волнующая – Успокаивающая	-0,28	0,03
Агрессивная – Спокойная	-0,35	0,008
Скучная – Интересная	0,3	0,02
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,31	0,02
Комсомольская правда – Московский комсомолец		
Агрессивная – Спокойная	-0,28	0,04
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,29	0,03
Pepsi – Coca-cola		
Огорчающая – Радующая	0,28	0,04
МТС – Мегафон		
Притягивающая – Отталкивающая	-0,32	0,02
Огорчающая – Радующая	0,28	0,04
Скучная – Интересная	0,3	0,02
Costa – Starbucks		
Рекламируемый товар/услуга кажется хорошим – Рекламируемый товар/услуга не кажется хорошим	0,31	0,02
Легальная – Нелегальная	0,29	0,03
Old Spice – Axe		
Агрессивная – Спокойная	-0,29	0,03

сила, тем более притягивающей, интересной, оригинальной кажется рекламная война МТС – Мегафон, тем более хорошими кажутся услуги кафе «Матрешка» (рекламная война кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания), тем более неприемлемой кажется рекламная война Costa – Starbucks, тем более интересной кажется рекламная война Old Spice – Axe (табл. 8). Таким образом, чем выше подозрительность личности, тем более позитивные оценки по когнитивному компоненту отношения получают рекламные войны (за исключением оценки «двусмысленная»),

и тем более негативные оценки они получают по эмоциональному и оценочному компоненту отношения.

Чем выше показатели вербальной агрессии, тем более неприемлемой и нелегальной кажется рекламная война Эльдорадо – Техносила, тем более волнующей и агрессивной кажется рекламная война Pepsi – Coca-cola, тем более неприемлемой кажется рекламная война МТС – Мегафон, тем более вызывает доверие рекламная война кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания, тем более запоминающаяся рекламная война Costa – Starbucks, тем более вол-

Таблица 8

Взаимосвязь подозрительности и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Coca-cola		
Волнующая – Успокаивающая	-0,38	0,005
Агрессивная – Спокойная	-0,29	0,03
Огорчающая – Радующая	-0,29	0,03
Эльдорадо – Техносила		
Волнующая – Успокаивающая	-0,29	0,03
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,35	0,009
Порядочная – Непорядочная	0,29	0,03
МТС – Мегафон		
Притягивающая – Отталкивающая	-0,42	0,001
Скучная – Интересная	0,43	0,001
Оригинальная – Неоригинальная	-0,29	0,03
кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания		
Рекламируемый товар/услуга кажется хорошим – Рекламируемый товар/услуга не кажется хорошим	-0,3	0,02
Costa – Starbucks		
Приемлемая – Неприемлемая	0,31	0,02
Old Spice – Axe		
Скучная – Интересная	0,42	0,001

Таблица 9

Взаимосвязь вербальной агрессии и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Эльдорадо – Техносила		
Приемлемая – Неприемлемая	0,27	0,04
Легальная – Нелегальная	0,36	0,007
Pepsi – Coca-cola		
Волнующая – Успокаивающая	-0,41	0,002
Агрессивная – Спокойная	-0,29	0,03
МТС – Мегафон		
Приемлемая – Неприемлемая	0,27	0,04
кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания		
Вызывает доверие – Не вызывает доверие	-0,29	0,03
Costa – Starbucks		
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,29	0,03
Old Spice – Axe		
Волнующая – Успокаивающая	-0,31	0,02
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,36	0,006

нующая и двусмысленная рекламная война Old Spice – Axe (табл. 9). Таким образом, чем выше вербальная агрессия личности, тем более негативные оценки получают рекламные войны по эмоциональным и оценочным показателям отношения. По когнитивным показателям оценки противоречивые.

Чем больше показатели чувства вины, тем более волнующей и агрессивной кажется рекламная война Никола – Соса-кола, тем более волнующей кажется рекламная война Эльдорадо – Техносила, тем более нелегальной кажется рекламная война Комсомоль-

ской правды и Московского комсомольца, тем более агрессивной и запоминающейся кажется рекламная война кафе «Правда» – кафе японской кухни, тем более волнующей кажется рекламная война Pepsi – Соса-кола, тем больше желание рассказать об этой рекламной войне кому-либо, тем более притягивающая и интересная рекламная война МТС – Мегафон, тем более двусмысленная рекламная война кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания, тем более волнующая, интересная, сложная рекламная война Old Spice – Axe (табл.

Таблица 10

Взаимосвязь чувства вины и оценок рекламных войн брендов

Показатель	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Никола – Соса-кола		
Волнующая – Успокаивающая	-0,35	0,009
Агрессивная – Спокойная	-0,31	0,02
Эльдорадо – Техносила		
Волнующая – Успокаивающая	-0,27	0,04
Комсомольская правда – Московский комсомолец		
Легальная – Нелегальная	0,27	0,04
кафе «Правда» – кафе японской кухни		
Агрессивная – Спокойная	-0,3	0,02
Запоминающаяся – Незапоминающаяся	-0,31	0,02
Пепси – Кокакола		
Волнующая – Успокаивающая	-0,44	0,0008
Расскажу другим о рекламе – Не расскажу другим о рекламе	-0,37	0,006
МТС – Мегафон		
Притягивающая – Отталкивающая	-0,31	0,02
Скучная – Интересная	0,28	0,03
кафе «Матрешка» – кафе американской кухни быстрого питания		
Недвусмысленная – Двусмысленная	0,33	0,01
Old Spice – Axe		
Волнующая – Успокаивающая	-0,37	0,006
Скучная – Интересная	0,27	0,05
Простая – Сложная	0,41	0,002

10). Таким образом, чем выше чувство вины личности, тем более негативные оценки получают рекламные войны по эмоциональным и оценочным показателям (за исключением оценки «притягивающая»), и противоречивые по когнитивным показателям. По когнитивному компоненту получена одна позитивная оценка.

Выводы. В рекламных войнах брендов, демонстрируемых в СМИ и на различных рекламных носителях, происходит нормализация агрессии в социальных коммуникациях.

Рекламные войны брендов являются широко известным явлением в сфере рекламной коммуникации. Большинство респондентов нейтрально относятся к этому явлению, рассматривают его как естественный инструмент конкуренции, но осуждают излишне агрессивное противостояние брендов.

Высокие баллы по индексу агрессивности связаны с негативными оценками всех рекламных войн брендов, по индексу враждебности в большинстве случаев также. Физически агрессивным респондентам нравятся отдельные примеры рекламных войн, которые даже побуждают их восполь-

зоваться рекламируемой услугой. Чем выше вербальная и косвенная агрессия, тем меньше нравятся рекламные войны. У респондентов с выраженными показателями раздражения, негативизма, обиды много негативных оценок рекламных войн по когнитивным, эмоциональным и оценочным показателям отношения. Чем выше подозрительность, тем больше нравятся отдельные примеры рекламных войн брендов.

Таким образом, рекламные войны брендов как прием могут быть эффективным инструментом воздействия на целевые аудитории, отличающиеся выраженной физической агрессией (т. е. молодых мужчин) и отчасти подозрительностью. Для широкой аудитории этот рекламный прием является не слишком эффективным, так как излишне агрессивное противостояние брендов осуждается. К тому же российские бренды проигрывают в рекламной войне зарубежным брендам, потому что рекламные войны брендов имеют более давнюю историю в зарубежной рекламной практике. Соответственно, этот прием является зоной роста для отечественных рекламистов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воробьева А.Е., Купрейченко А.Б. Проблема психологической эффективности неэтичной рекламы различных видов // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.Д. Карнышева. Иркутск, 2011. С. 180–186.
2. Гордякова О.В., Казьмина О.Ю. Влияние социальной и коммерческой рекламы на лиц с психической патологией и в норме // Экономическая психология в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, 22–24 ноября 2012 г. / отв. ред. А.Н. Лебедев. М., 2012. С. 141–143.
3. Д'Алессандро Д. Войны брендов. СПб., 2003. 224 с.
4. Лебедев А.Н., Боковиков А.К. Экспериментальная психология в российской рекламе. М., 1995. 144 с.
5. Мирошниченко Г.А. Рекламные войны: специфика дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. № 4. С. 106–111.

6. Николаева И.П., Арманова Б.М. Война брендов как форма конкурентной борьбы // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2011. Т. 12. № 14(87). С. 122–129.
7. Психологические тесты / под ред. А.А. Карелина: в 2 т. Т. 2. М., 2003. 248 с.
8. Райс Э., Траут Д. Маркетинговые войны. СПб., 2004. 256 с.
9. Тамберг В., Бадьин А. Бренд. Боевая машина бизнеса. М., 2005. 240 с.
10. Шпиллер Ю.А. Третья мировая война. Между потребителями // Экономикс. 2014. № 2. С. 81–86.

REFERENCES

1. Vorob'eva A.E., Kupreichenko A.B. Problema psikhologicheskoi effektivnosti neetichnoi reklamy razlichnykh vidov [The Problem of Psychological Effectiveness of Unethical Advertising of Various Types] Ekonomicheskaya psikhologiya: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problemy: materialy XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Economic Psychology: Actual Theoretical and Applied Problems: Proceedings of the Twelfth Intern. Scientific.-pract. Conf. Under the General Editorship of A. D. Chernysheva] / Under the General editorship of A. D. Chernysheva. Irkutsk, 2011. pp. 180–186.
2. Gordyakova O.V., Kaz'mina O.YU. Vliyaniye sotsial'noi i kommercheskoi reklamy na lits s psikhicheskoi patolgiei i v norme [The Impact of Social and Commercial Advertising on both Persons with Mental Disorders and Being Normal] Ekonomicheskaya psikhologiya v sovremennom mire: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 22-24 noyabrya 2012 goda [Economic Psychology in the Modern World: Proceedings of International Scientific-Practical Conference, November 22–24, 2012] / resp. edited by A.N. Lebedev. M., 2012. pp. 141–143.
3. D`Alessandro D. Voyny brendov [Brand Wars]. SPb., 2003. 224 p.
4. Lebedev A.N., Bokovikov A.K. Eksperimental'naya psikhologiya v rossiiskoi reklame [Experimental Psychology in Russian Advertising]. M., 1995. 144 p.
5. Miroshnichenko G.A. Reklamnye voyny: spetsifika diskursa [Advertising Wars: Specificity of the Discourse] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2013. no. 4. pp. 106–111.
6. Nikolaeva I.P., Armanova B.M. Voyna brendov kak forma konkurentnoi bor'by [Brand Wars as a Form of Competitive Struggle] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2011. no. Vol. 12. № 14(87), pp. 122–129.
7. Psikhologicheskie testy. V 2 t. [Psychological Tests. 2 Vol]. Vol. 2. M., 2003. 248 p.
8. Rais E., Traut D. Marketingovyye voyny [Marketing Warfare]. SPb., 2004. 256 p.
9. Tamberg V., Bad'in A. Brend. Boevaya mashina biznesa [Brand. War Machine of Business]. M., 2005. 240 p.
10. Shpiller Yu.A. Tret'ya mirovaya voyna. Mezhdru potrebitelyami [The Third World War. Between Consumers] // Ekonomiks. 2014, no. 2, pp. 81–86.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воробьева Анастасия Евгеньевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии Российской академии наук;
e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vorobieva Anastasia E. – PhD in Psychology, Senior Researcher of the Laboratory of Social and Economic Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science;
e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Воробьева А.Е. Психологическое отношение к рекламным войнам брендов в зависимости от агрессивности личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 55–70.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-55-70

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Vorobieva. Psychological Attitude to Brand Wars Depending on Different Levels of Personal Aggressiveness // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 55–70.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-55-70

УДК 316.66

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-71-79

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРАХ, СНИЖАЮЩИХ КАЧЕСТВО ИХ ЖИЗНИ*

Максименко Ж.А.

Северо-Кавказский федеральный университет

355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются социально-психологические барьеры, препятствующие, по мнению людей с ОВЗ и инвалидностью, их благополучию и негативно влияющие на качество их жизни: это «рентная установка», незнание инвалидами собственных прав и неосведомленность о доступных им реабилитационных и ортопедических средствах, негативное или избегающее отношение окружающих к людям с ОВЗ и инвалидностью, неразвитость их коммуникативной сферы. Определены наиболее социально изолированные категории людей с ОВЗ и инвалидностью. Наиболее значимым барьером назван низкий уровень развития их коммуникативной сферы. В качестве эффективного средства социально-психологического сопровождения инвалидов предлагаются виртуальные компьютерные технологии.

Ключевые слова: люди с ОВЗ и инвалидностью, социально-психологические барьеры, качество жизни, благополучие, субъективное восприятие, коммуникативная сфера, виртуальные компьютерные технологии.

DISABLED PEOPLE'S REPRESENTATIONS ABOUT SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL BARRIERS WHICH LOWER THEIR QUALITY OF LIFE

Zh. Maksimenko

North Caucasian Federal University

2, Kulakova av., Stavropol, 355029, the Russian Federation

Abstract. Social and psychological barriers, which from the disabled people's point of view prevent their well-being and negatively influencing the quality of their lives, are considered in the article. Among those factors are: "rent attitude"; disabled people's lack of knowledge concerning their own rights, their unawareness about available means of rehabilitation and orthopedic appliances. Surrounding people's negative or avoiding attitude towards disabled people is also mentioned among the negative factors, as well as low level of development of their communicative sphere. The most socially isolated categories of people with disabilities are defined. The lack of the disabled people's communicative sphere development is stated to be the most

© Максименко Ж.А., 2016.

* Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности (Задание № 25.1815.2014/К от 11.07.2014 г. «Создание экспериментальных виртуальных моделей социального взаимодействия человека и психоинформационной среды в организации психологической помощи различным категориям населения»).

significant barrier. Virtual computer technologies are offered as an effective means of social and psychological help for disabled people.

Key words: disabled people, social and psychological barriers, quality of life, well-being, subjective perception, communicative sphere, virtual computer technologies.

Способность общества поддерживать людей, имеющих особые потребности, относится к важным индикаторам цивилизованности. Права на равные возможности обеспечивают инвалидам и людям с ОВЗ и право на жизнь высшего качества, и личную самореализацию. Может ли быть качество жизни людей с ОВЗ и инвалидностью достаточно высоким, могут они быть благополучны и даже счастливы? В настоящей статье мы хотим показать, что в жизни людей с ОВЗ и инвалидностью существуют определенные барьеры, снижающие качество их жизни, но высокое качество жизни, благополучие и счастье – отнюдь не привилегия богатых, красивых и здоровых людей. Качество жизни связано с отсутствием или наличием у человека инвалидности, но не обусловлено этим.

Благополучные люди чаще и дольше других испытывают положительные эмоции, которые стимулируют нервную систему и интеллектуальную деятельность и снижают риск развития физических заболеваний. Ощущение себя благополучным обеспечивает резистентность организма: повышает энергию и работоспособность, поддерживает иммунную систему, сохраняет физическое и психическое здоровье. Беспокойство и другие негативные эмоции являются факторами риска: они держат человека в напряжении, повышая риск наступления серьезных соматических заболеваний, таких как инсульт, инфаркт и другие [7].

Рассматривая проблему качества

жизни инвалидов, мы так или иначе должны ответить на вопросы: «Могут ли те, кто родился или стал инвалидом в какой-то момент своей жизни, чувствовать себя благополучными?»; «Есть ли различия между шансами на благополучие у инвалидов и “неинвалидов”, и каковы они?»; «Что такое благополучие для человека с инвалидностью?»

Люди с ОВЗ и инвалидностью – часть любого общества. Они – проявление многообразия человеческого опыта, тот полюс, противоположностью которому являются «неинвалиды». Тем не менее в сознании инвалидов наряду с ощущением себя «особенными» существует стремление стать такими «как все». Осознание факта ограниченных возможностей здоровья приводит человека к мысли о вероятности потерпеть неудачу в разных жизненных областях: возникает конфликт между его желанием быть «как все» и осознанием «барьеров», являющихся косвенным следствием заболевания или травмы [13]. Так, уникальность инвалида приобретает сугубо негативную окраску и обуславливает процесс его психологического отчуждения от общества.

Быть отвергнутым, даже если избегающие его люди чужие, – довольно болезненное состояние. Понимание инвалидом, что он может быть отвергнут даже теми людьми, которых никогда не видел и которые никогда не видели его, без каких-либо на то оснований, кроме наличия у него инвалидности, вызывает социальный дискомфорт и пассивность.

Взаимная дистанцированность и исключение из активного участия в социальной жизни огромной группы «особенных» людей основаны на действии социально-психологического феномена «мы и они», сущность которого в разделении людей по каким-либо признакам на «своих» (понятных, предсказуемых, безопасных) и «чужих» (иных, непонятных и потому опасных). Наделение «нетипичных» людей отрицательными психологическими качествами, опасливое и настороженное отношение к ним становится дополнительным фактором ограничения жизнедеятельности человека с ОВЗ или инвалидностью, обуславливая его пассивную социальную роль, выстраивая между ним и обществом невидимый барьер [6].

Таким образом, люди с ОВЗ и инвалидностью как бы «смотрятся» в зеркало отношения окружающих, чутко реагируя на разные модальности социального взаимодействия и воспринимая различные его нюансы. Социальная инклюзия даст им возможность чувствовать себя принятыми, уникальными в позитивном значении этого слова, быть благополучными.

Методы и процедура исследования

Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что люди с ОВЗ и инвалидностью имеют субъективное представление о социально-психологических барьерах, препятствующих их благополучию, и иерархии барьеров по степени влияния на качество жизни.

Мы изучили несколько социально-психологических барьеров.

«Рентная установка» – это неосознаваемое убеждение инвалидов в том, что окружающие и общество в целом

не прикладывают достаточно усилий, чтобы компенсировать им неудобства и проблемы, связанные с ОВЗ. Она лежит в основе неблагоприятного, а иногда и агрессивного поведения инвалидов по отношению к социуму, является причиной их обид и конфликтов с окружающими. Благодаря этой установке люди с ОВЗ неосознанно ожидают особого отношения к ним со стороны других, которые должны компенсировать им «несправедливость». При этом на явном, осознаваемом уровне такие ожидания отрицаются, а предлагаемая помощь отвергается.

Незнание инвалидами собственных прав и неосведомленность о доступных им реабилитационных и ортопедических средствах. Несмотря на стремительно растущую информатизацию общества эта информация не всегда достигает своих адресатов, так как люди с ОВЗ и инвалидностью не проявляют активности в ее поиске, не ориентируются в информационных источниках, не верят, что такие средства могут быть им доступны и/или полезны.

Неразвитость коммуникативной сферы людей с ОВЗ и инвалидностью. Сюда относятся низкий уровень развития коммуникативных навыков, ограниченный набор способов коммуникации, незнание правил социального взаимодействия и другие особенности их коммуникативной сферы.

Негативное или избегающее отношение окружающих к людям с ОВЗ и инвалидностью. Негативное или избегающее отношение к инвалидам приводит к обоюдной напряженности в социальном взаимодействии.

Заметим, что из четырех факторов, снижающих качество жизни людей с

ОВЗ и инвалидностью, три – субъективны, и лишь последний отчасти относится к социуму, а отчасти может быть лишь проекцией.

Для проверки гипотезы нами была разработана специальная анкета, состоящая из двух частей. Первая часть (п.п. 1–8) была направлена на сбор фактической информации: демографические характеристика, группа инвалидности (рабочая/нерабочая), образование, трудовая занятость. В этой части анкеты респондент мог выбрать только один вариант ответа.

Вторая часть (п.п. 9–10) позволила получить информацию о социальных и психологических барьерах, препятствующих успешной социальной адаптации инвалидов, и определить, какие категории инвалидов респонденты считают наиболее социально изолированными.

В вопросе о факторах, снижающих качество жизни людей с ОВЗ и инвалидностью, респондентам были предложены на выбор четыре описанных выше социально-психологических барьера.

В вопросе о категории наиболее социально-изолированных людей с ОВЗ

и инвалидностью респондентам предлагалось выбрать из восьми вариантов, выделенных по нозологии заболевания.

Здесь респонденты могли выбрать не более двух вариантов ответа.

Результаты и их интерпретация

В исследовании приняли участие люди с ОВЗ и инвалидностью всех представленных в анкете нозологий заболеваний (129 человек). Ответы распределились следующим образом: 75,2 % респондентов считают, что их субъективному благополучию в наибольшей степени препятствует неразвитость коммуникативной сферы. Также многие выбрали «негативное или избегающее отношение окружающих к людям с ОВЗ и инвалидностью» (48,9 %). Наличие «рентной установки» в качестве социально-психологического барьера признают 39,5 % опрошенных. Вариант «Незнание инвалидами собственных прав и неосведомленность о доступных им реабилитационных и ортопедических средствах» отметили 23,3 % респондентов.

Данные в порядке убывания частоты выборов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов в выборе наиболее значимых социально-психологических барьеров, препятствующих их субъективному благополучию и негативно влияющих на качество жизни

Социально-психологический барьер	Процент выбора
Неразвитость коммуникативной сферы людей с ОВЗ и инвалидностью	75,2%
Негативное или избегающее отношение окружающих к людям с ОВЗ и инвалидностью	48,9%
«Рентная установка» людей с ОВЗ и инвалидностью	39,5%
Незнание людьми с ОВЗ и инвалидами собственных прав и неосведомленность о доступных им реабилитационных и ортопедических средствах	23,3 %

Анализ анкеты показал, что все четыре фактора могут быть признаны влиятельными. Наиболее значимый фактор, снижающий качество жизни людей с ОВЗ – это низкий уровень развития их коммуникативной сферы.

При обычной траектории развития коммуникативные навыки развиваются в непосредственном контакте с другими людьми в широком спектре социальных ситуаций, а ориентиры поведения человека создаются в ходе совместной деятельности или общения [3]. Инвалиды же зачастую лишены таких возможностей, а круг их общения ограничен родственниками и медицинским персоналом [2]. Что касается российских инвалидов, которые росли и воспитывались внутри закрытых учреждений (интернатов), ситуация осложняется также тем, что они с детства привыкли решать вопросы лишь внутри замкнутого коллектива с помощью ограниченного набора инструментов: обида, бойкот, драка, игнорирование, что оказывается неэффективным вне стен таких учреждений.

Анализируя негативное или избегающее отношение окружающих к

людям с ОВЗ и инвалидностью, можно выделить два его аспекта. С одной стороны, в современном российском обществе такое отношение, действительно, присутствует. Отчасти это вызвано всё ещё низкой инклюзивной культурой, отчасти недостаточной информированностью об особенностях людей с ОВЗ, в том числе об особенностях социальной коммуникации с ними [4]. С другой стороны, восприятие респондентами отношения к ним окружающих может являться прямой проекцией их собственных социальных страхов и опасений.

Рентная установка может быть обусловлена спецификой межличностных отношений в семьях людей с ОВЗ и инвалидностью, в которых часто основным стилем воспитания является гиперопека, усугубляющая инвалидизацию. Это признается более чем третью респондентов нашего исследования и подтверждается другими данными [9].

Ответы респондентов о социально изолированных категориях приведены в табл. 2 в порядке убывания количества выборов.

Таблица 2

Наиболее социально изолированные категории людей с ОВЗ и инвалидностью (по мнению респондентов)

Категория заболевания	Процент выбора
Нарушения интеллекта	71,3 %
Психические расстройства	58,9%
Нарушения опорно-двигательного аппарата	48,1 %
Расстройства аутистического спектра	46,5%
Нарушения слуха, зрения, тяжелые нарушения речи и соматические заболевания	Менее 15%

Так, люди с нарушениями интеллекта, расстройствами аутистического

спектра, психическими расстройствами и нарушениями опорно-двигатель-

ного аппарата наиболее уязвимы с точки зрения социальной интеграции. При этом, если социальная изолированность последних может объясняться их маломобильностью, труднодоступностью социальных объектов и общественных мест, очевидно, что социальная изоляция трех остальных категорий в большей степени вызывается другими причинами, например, неразвитостью их коммуникативной сферы.

Последние научные исследования и практика социально-психологического сопровождения этой категории граждан показывает, что к наиболее эффективным средствам повышения уровня развития коммуникативных навыков и умений относятся современные методы, использующие возможности компьютерных технологий и виртуальной реальности. На Западе такие методы уже активно используются специалистами помогающих профессий. Например, виртуальные компьютерные технологии применяются в качестве клинических диагностических и терапевтических инструментов для помощи людям с нейрокогнитивными и нейропсихологическими нарушениями, такими как дислексия [14]. С их помощью обучают музыке слепых детей [10]. Разработаны технологии, позволяющие пользователям с интеллектуальными нарушениями обучаться передвижению сначала в виртуальном, а затем и в реальном пространстве [15]. В нашей стране высокотехнологичные средства социально-психологической помощи

также получают всё большее распространение [1; 5; 11; 12].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что такие барьеры, как «рентная установка», незнание собственных прав и неосведомленность о реабилитационных и ортопедических средствах, негативное или избегающее отношение окружающих, неразвитость коммуникативной сферы, хорошо известны людям с ОВЗ и инвалидностью и воспринимаются ими в качестве факторов, значительно снижающих качество их жизни. Более всего названные факторы влияют на людей с нарушением интеллекта, психическими расстройствами, нарушениями опорно-двигательного аппарата и расстройствами аутистического спектра.

Преодоление барьеров посредством высокотехнологичных методов помощи может существенно повысить качество жизни людей с ОВЗ и инвалидностью, раскрыть их социальный и личностный потенциал, сократить психологическую дистанцию между ними и обществом. Возвращаясь к вопросам, поставленным в начале статьи, отметим, что люди с ОВЗ и инвалидностью имеют право на высокое качество жизни и субъективное благополучие. Для этого необходимо организовать их социально-психологическое сопровождение с учетом ориентации на преодоление социально-психологических барьеров, препятствующих их полноценному участию в жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айсина Р.М., Максименко Ж.А. Перспективы применения виртуальных компьютерных технологий в психолого-педагогическом сопровождении детей с расстройствами

- ми аутистического спектра на ступени полного общего образования // Психология образования: Модернизация психолого-педагогического образования: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. М., 19–20 мая. 2015, 180 с.
2. Кабакович Г.А., Полежаева К.В. Влияние социальных и правовых барьеров на роль и место инвалидов в обществе // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 635–644.
 3. Корнилова Т.В., Веденева Н.В. Самоэффективность и ретроспективные самооценки, проявляемые при личностном выборе для себя и предполагаемые при выборе за другого человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 2. С. 6–17.
 4. Максименко Ж.А., Айсина Р.М. Возможности применения технологий виртуальной реальности для социальной интеграции граждан с инвалидностью: междисциплинарный подход // Образование личности: стандарты и ценности: сборник научно-методических материалов. М., 2015. С. 206–210.
 5. Молоденкова С.В. Особенности динамики образа Я учащихся в социальном взаимодействии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 2. С. 53–61.
 6. Сопровождение позитивной социализации детей с расстройствами аутистического спектра: практическое руководство для педагогов. Нестерова А.А. и др. М., 2016. 192 с.
 7. Розенова М.И. Проективные механизмы зависти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 1. С. 30–40.
 8. Халак М.Е. Психологическое сопровождение восстановительного лечения лиц с ограниченными возможностями и низким психологическим реабилитационным потенциалом: дисс. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2012. 346 с.
 9. Шенцева Н.Н., Давыдова А.Ю. Описательная модель социально-психологической реабилитации группы «молодых людей-инвалидов» // Научный диалог: Психология. Педагогика. 2013. № 4 (16). С. 85–95.
 10. Antonio Borgesa J., Tomé D. Teaching music to blind children: new strategies for teaching through interactive use of Musibaille software: proc. 5th International Conference on Software Development and Technologies for Enhancing, Procedia Computer Science 2014. № 27. P. 19–27.
 11. Feasibility and Efficacy of Job Interview Simulation Training for Long-Term Unemployed Individuals. Aysina, R.M. and oth. // PsychNology Journal. 2016. Т. 14. № 1. С. 41–60.
 12. Social integration of disabled people in Russia using virtual computer technologies. Efremova G.I. and oth. // Modern Applied Science. 2015. Т. 9. № 12. С. 77–87.
 13. Kalyvioti K., Tassos A. Mikropoulos Virtual Environments and Dyslexia: A literature review: proc. 5th International Conference on Software Development and Technologies for Enhancing, Procedia Computer Science. 2014. № 27. P. 138–147.
 14. Salloum M. The wellbeing of people with disabilities // Journal of Psychological and Educational Research. 2011. 19 (2). P. 20–34.
 15. Designing a device to navigate in virtual environments for use by people with intellectual disabilities: proc. 6th Intl Conf. Disability, Standen, P. J. and oth. / Virtual Reality & Assoc. Tech., Esbjerg, Denmark, 2006. P. 125–131.

REFERENCES

1. Aisina R.M., Maksimenko Zh.A. Perspektivy primeneniya virtual'nykh komp'yuternykh tekhnologii v psikhologo-pedagogicheskom soprovozhdenii detei s rasstroistvami autistich-

- eskogo spektra na stupeni polnogo obshchego obrazovaniya // Psikhologiya obrazovaniya: Modernizatsiya psikhologo-pedagogicheskogo obrazovaniya: materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 19–20th maya. 2015 [Prospects for the Use of Virtual Computer Technologies in Psychological and Pedagogical Support of Children with Autism Spectrum Disorders at the Stage of Full General Education: Materials of the XI All-Russian Scientific-Practical Conference "Psychology of Education: Modernization of Psychological-Pedagogical Education", 19–20th May. 2015]. M., 2015. 180 p.
2. Kabakovich G.A., Polezhaeva K.V. Vliyanie sotsial'nykh i pravovykh bar'erov na rol' i mes-to invalidov v obshchestve [The Impact of Social and Legal Barriers to the Role and Place of Disabled People in Society] // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. no. 2. Vol. 20. pp. 635–644.
 3. Kornilova T.V., Vedeneva N.V. Samoeffektivnost' i retrospektivnye samoosnenski, proyavly-aemye pri lichnostnom vybere dlya sebya i predpolagaemye pri vybere za drugogo chelove-ka [Self-Efficacy and Retrospective Self-Evaluation Manifested in Personal Choice for Oneself and the Expected when Choosing for Another Person] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psikhologicheskie nauki». 2014. no. 2. pp. 6–17.
 4. Maksimenko ZH.A., Aisina R.M. Vozmozhnosti primeneniya tekhnologii virtual'noi real'nosti dlya sotsial'noi integratsii grazhdan s invalidnost'yu: mezhdistsiplinarnyi podk-hod [Possibilities of Application of Virtual Reality Technology for the Social Integration of Citizens with Disabilities: Multidisciplinary Approach] // Obrazovanie lichnosti: standarty i tsennosti: sbornik nauchno-metodicheskikh materialov. M., 2015, pp. 206–210.
 5. Molodenova S.V. Osobennosti dinamiki obraza YA uchashchikhsya v sotsial'nom vzaimo-deistvii [Features of the dynamics of self-image of students in social Interaction] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2015, no. 2, pp. 53–61.
 6. Soprovozhdenie pozitivnoi sotsializatsii detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra: prak-ticheskoe rukovodstvo dlya pedagogov [Support of Positive Socialization of Children with Autism Spectrum Disorders: Practical Guide for Teachers] // A.A. Nesterova and oth. M., 2016. 192 p.
 7. Rozenova M.I. Proektivnye mekhanizmy zavisti [The Projective Mechanisms of Envy] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2014. no. 1. pp. 30–40.
 8. Khalak M.E. Psikhologicheskoe soprovozhdenie vosstanovitel'nogo lecheniya lits s ogran-ichennymi vozmozhnostyami i nizkim psikhologicheskim reabilitatsionnym potentsialom: diss ... kand psikhol nauk. [Psychological Support of Rehabilitation Treatment of Persons with Disabilities and Low Psychological Rehabilitation Potential: Thesis..... PhD in Psychol-ogy]. Nizhny Novgorod, 2012. 346 p.
 9. Shentseva N.N., Davydova A.Yu. Opisatel'naya model' sotsial'no-psikhologicheskoi reabili-tatsii gruppy «molodykh lyudei-invalidov» [Descriptive Model of Socio-Psychological Re-habilitation of the "Young People with Disabilities" Group] // Nauchnyi dialog: Psikhologiya. Pedagogika. 2013. no. 4 (16). pp. 85–95.
 10. Antonio Borgesa J., Toméb D. Teaching music to blind children: new strategies for teach-ing through interactive use of Musibraille software: proc. 5th International Conference on Software Development and Technologies for Enhancing, Procedia Computer Science 2014, № 27, pp. 19–27.
 11. Feasibility and Efficacy of Job Interview Simulation Training for Long-Term Unemployed Individuals. Aysina, R.M. and oth. // PsychNology Journal. 2016. T. 14. № 1. C. 41–60.

12. Social integration of disabled people in Russia using virtual computer technologies. Efremova G.I. and oth. // Modern Applied Science. 2015. Т. 9. № 12. С. 77–87.
13. Kalyvioti K., Tassos A. Mikropoulos Virtual Environments and Dyslexia: A literature review: proc. 5th International Conference on Software Development and Technologies for Enhancing. Procedia Computer Science. 2014. № 27. P. 138–147.
14. Salloum M. The wellbeing of people with disabilities // Journal of Psychological and Educational Research. 2011. 19 (2). P. 20–34.
15. Designing a device to navigate in virtual environments for use by people with intellectual disabilities: proc. 6th Intl Conf. Disability, Standen, P. J. and oth. / Virtual Reality & Assoc. Tech., Esbjerg, Denmark, 2006. P. 125–131.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максименко Жанна Александровна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Северо-Кавказского Федерального Университета;
e-mail: xlissa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksimenko Zhanna A. – – PhD in Psychology, Leading Researcher, Fundamental and Applied Research Institute of the North Caucasus Federal University;
e-mail: xlissa@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Максименко Ж.А. Представления людей с ОВЗ и инвалидностью о социально-психологических барьерах, снижающих качество их жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 71–79. DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-71-79

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Zh. Maksimenko. Disabled People's Representations About Social and Psychological Barriers Which Lower Their Quality of Life // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 71–79.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-71-79

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-80-88

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ МИГРАНТОВ И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Свирина О.Н.

АО «НИИДАР-Недвижимость»

107076, г. Москва, 1-я Бухвостова, д. 12/11, Российская Федерация

Аннотация. В статье освещена актуальная проблема межэтнических взаимоотношений мигрантов и коренного населения, рассмотрены причины возрастания межэтнической напряженности. Представлены результаты исследования содержания авто- и гетеростереотипов представителей коренного населения как одной из детерминант социально-психологических рисков в межэтнических отношениях мигрантов и титульного населения. В заключение сделаны выводы о возможности использования адекватного и позитивного содержания авто- и гетеростереотипов как одного из оснований выбора эффективных индифферентных поведенческих стратегий в ходе этнических взаимодействий.

Ключевые слова: этнические стереотипы, межэтнические отношения, миграционные процессы, толерантность, мультикультурализм, этнические чувства.

ETHNIC STEREOTYPES AS ONE OF THE REASONS OF PSYCHOSOCIAL RISKS IN INTERETHNICAL RELATIONS BETWEEN MIGRANTS AND NATIVE POPULATION

O. Svirina

«NIIDAR-Nedvizhimost» Joint-Stock Company

107076, Moscow, 1-st Buhvostova, 12/11, Russian Federation

Abstract. The article highlights an actual problem of inter-ethnic relations between migrants and native population. The reasons of increasing inter-ethnic tension are considered. Besides, the results of the research of the auto- and heterostereotypes of native population representatives as one of the determinants of psycho-social risks in relations between migrants and local people are given. In conclusion, the author concludes that there is some possibility of using adequate and positive auto- and heterostereotypes content as one of the grounds for choosing an effective and indifferent behavioral strategies in the process of ethnic interaction.

Key words: ethnic stereotypes, inter-ethnic relations, migration processes, tolerance, multiculturalism, ethnic feelings.

В современном обществе по-прежнему активно происходят миграционные перемещения большого количества населения из слаборазвитых стран Африки, Азии в развитые регионы с более высоким уровнем жизни. Речь идет не толь-

ко о «трудовой», но и об этнической миграции. Из года в год усиливается рост межнациональных и межэтнических миграций, который, по оценкам западных специалистов, выступает серьезным вызовом сложившимся мировым системам: политической, экономической и социокультурной. Подтверждением всей серьезности обострившейся миграционной проблемы является негативный опыт использования западноевропейскими государственными структурами политики мультикультурализма как инструмента интеграции мигрантов в полиэтнические страны. Подобная политика основана на принципе параллельного сосуществования культур и сохранения этногруппового национального самосознания за счет изолированного компактного проживания, языковой обособленности, консолидированной политической позиции общины, сохранения религии, этноцентрированных образовательных программ и т. п. Оценивая последствия использования мультикультурализма, лидеры ряда европейских стран (А. Меркель, 2010, Д. Кэмерон и Н. Саркози, 2011) сошлись во мнении, что был неверно выбран принцип «организации взаимодействия разных этнических, расовых и религиозных общин в единой стране» [6, с. 13].

В силу этого в современной Европе имеет место острый кризис идентичности, который «развивается из двух активно функционирующих источников – старого конфликта местных идентичностей и нового, формирующегося под воздействием культурной экспансии мусульманских общин» [5, с. 152–153].

Не менее парадоксальная ситуация сложилась у нас в стране с этническими миграциями. С территории ряда быв-

ших союзных республик (из Средней Азии и Кавказа) происходит активное «выдавливание» русских (что представляет собой своеобразный этноцид). В то же время представители этих этносов массово перемещаются в Россию. Так, к 2016 г. численность русского населения в Грузии сократилась в семь раз и это самый высокий показатель среди бывших советских республик после Таджикистана. Тем самым продемонстрировано полное отсутствие толерантности по отношению к русским и превращение этих республик, по существу, в моноэтнические [2, с. 5].

В настоящее время практически каждый человек включен в систему этносодержащих отношений как носитель культурных традиций, системы связей своего этноса. Попадая в чужую страну, мигранты переживают чувство социальной фрустрации, при этом собственная этническая принадлежность начинает выступать «как аварийная группа поддержки, наиболее доступная форма групповой идентичности для больших масс людей» [10, с. 80]. В силу этого невысоко стремление мигрантов интегрироваться в общество другой страны, что нередко приводит к нарастанию межэтнического напряжения и конфликтов.

Интересную точку зрения на вопрос о причинах межэтнического напряжения и толерантности высказывает в своей статье А.О. Карпов. По его мнению, «неприятие культурного другого обусловлено, по крайней мере, двумя факторами: трансмиссией матрицы групповой социальности и генетически врожденными основами поведения» [5, с. 154]. Индикатором первого является социальное научение, в основе которого лежит,

в частности, бессознательная боязнь «чужого» – коллективное чувство этностраха, тесно связанное с инстинктом самосохранения и рождающее этноотвержение. Автор полагает, что наша психика, реагируя на культурные «аллергены» (запах, телесные жесты, взгляд, речь, характерные привычки), интерпретирует их в этновраждебном ключе и генерирует «соответствующий диссонансный отклик в ответ на культурно угрожающие ситуации, будь то опасность этновырождения или культурное партнерство, обязывающее признать равноценность этнически чужого» [5, с. 154].

На наш взгляд, подобная точка зрения в части рефлекторно негативной интерпретации этнокультурных паттернов, не позволяющей взаимодействующим сторонам проявлять толерантность в межэтнических отношениях, является некорректной.

Говоря о причинах нетолерантных межэтнических отношений, необходимо, в частности, рассмотреть влияние сформированных этнических стереотипов, которые являются относительно устойчивыми представлениями о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. В содержании этнических стереотипов, как правило, зафиксированы оценочные мнения об указанных качествах. По мнению Т.Г. Стефаненко, в современной социальной психологии стереотипизация рассматривается как рациональная форма познания, как частный случай более универсального процесса категоризации, позволяющий на основе объективной реальности создать в трансформированном виде образы этносов, свойства двух

взаимодействующих этнических групп и отношения между ними [9, с. 15].

Подтверждение важной роли этнических стереотипов в создании толерантных или интолерантных межэтнических отношений можно найти, например, в результатах проведенной рядом авторов работы по исследованию этнического экстремизма в молодежной среде. Одним из выводов этой работы является утверждение о том, что непосредственный опыт взаимодействия с представителями этносов во многом обусловлен уже сформировавшимися этническими стереотипами, наличием или отсутствием этнической предубежденности [1, с. 87].

В этой связи представляется важным проведение эмпирического исследования по изучению содержания этнических стереотипов как одной из детерминант, актуализирующей появление негативных последствий социально-психологических рисков в межэтнических отношениях мигрантов и коренного населения.

Для реализации поставленной цели решались следующие задачи:

1. Исследование причин возникновения напряжения в межэтнических отношениях мигрантов и титульного населения.

2. Выявление содержания авто- и гетеростереотипов мигрантов и коренного населения.

Критериями формирования выборки эмпирического исследования выступили:

- а) этническая принадлежность (русские, таджики, узбеки, чеченцы, ингуши, дагестанцы, азербайджанцы, армяне);
- б) уровень группового статуса этнической группы (титульное население и мигранты);

в) возрастной диапазон выборки (респонденты в возрасте от 18 до 30 лет);

г) пол (в созданных экспериментальных группах сохранено относительно равное соотношение девушек и юношей);

д) образование и сфера профессиональной деятельности.

Респондентами группы 1 выступили мигранты – молодые люди в возрасте 18/30 лет, мигрировавшие в центральную Россию около полугода назад и работающие в различных сферах трудовой занятости (торговля, строительство, городское хозяйство и т. п.). Общее количество составило – 210 человек, из них: 30 дагестанцев, 30 чеченцев, 30 ингушей, 30 таджиков, 30 узбеков, 30 азербайджанцев, 30 армян.

Представители принимающей стороны составили группу 2 в количестве 150 респондентов – молодые люди в возрасте 18/30 лет.

Респондентами группы 2 являются молодые люди русской национальности, являющиеся студентами различных вузов и средне специальных образовательных учреждений, а также сотрудниками бюджетной сферы и частных компаний со средним уровнем материальной обеспеченности, постоянно проживающие в г. Москве или Московской области.

Эмпирическое исследование осуществлялось с использованием метода анкетирования, метода семантического дифференциала Ч. Осгуда, использовались также статистические методы обработки полученных данных.

В ходе проведенного анкетирования нами были получены следующие результаты.

Согласно оценке 65 % респондентов – представителей принимающей

стороны, в г. Москве часто происходят конфликты на национальной почве. При этом респондентами отмечалась негативная динамика изменений характера межэтнических отношений в Москве в сравнении с периодом 2007–2009 гг., 75 % респондентов отметили ухудшение характера этих отношений в последнее время.

В ходе анкетирования были выяснены этнические группы мигрантов, с представителями которых у принимающей стороны чаще всего при взаимодействии возникает напряженность и конфликтность в отношениях.

Согласно полученным данным, наиболее часто межэтническая напряженность при взаимодействии возникает у коренного населения с представителями этнических групп Северного Кавказа (32 %), Закавказья (23,4 %) и Центральной Азии (19,5 %). Не возникает межэтнической напряженности в ходе взаимодействия у весьма небольшого по численности количества представителей принимающей стороны – у 6,4 %.

Таким образом, можно констатировать, что большинство представителей принимающей стороны постоянно находится в стрессовых ситуациях в ходе межнациональных взаимодействий. Состояние мигранта, оказавшегося в чужом обществе и испытывающего значительные трудности в общении и удовлетворении своих потребностей, характеризуется беспомощностью и дезориентацией [2, с. 177]. Состояние тревоги, как правило, порождает использование личностью либо механизмов совладания, либо защитных механизмов, часто имеющих вид агрессивной реакции. В каком-то смысле возникает порочный круг –

«агрессивный комплекс» у мигрантов, возникающий в ответ на фрустрацию жизненно важных потребностей, и преобладающее у принимающей стороны негативное отношение к мигрантам, в свою очередь, приводит последних к использованию различных форм защитного агрессивного поведения.

В современных научных источниках, посвященных проблеме толерантности, имеют место по меньшей мере две противоположные позиции – наличие этнической толерантности в виде позитивного отношения к этно-другому [3; 4; 8] и наличие диссонансной толерантности в виде способности сосуществовать рядом с другим [5]. Две эти позиции по-разному интерпретируют возможности построения конструктивных межэтнических отношений, снижающих уровень межэтнической напряженности.

В проведенном нами исследовании выявлялись возможные *причины возникновения напряженности в межэтнических отношениях с мигрантами*. Наиболее часто называемая респондентами причина – *агрессивность в межэтнических отношениях, конфликтное поведение мигрантов* (около 70 %), на втором месте по приоритетности расположилась такая причина, как *несовместимые с культурой страны пребывания нормы и правила поведения мигрантов* (66,5 %). На третьем месте – *усиление криминогенной обстановки в связи с мигрантами* (преступность, распространение наркотиков и т. п. – около 50 %). На четвертом рейтинговом месте – *вызывающие формы бытового поведения молодежи-мигрантов* (40,5 %). Следующие два рейтинговых места занимает *конкуренция* – за зем-

лю или жилье (20 %) и за рабочие места (10,5 %).

Как видно из приведенного рейтинга, причины возникновения межэтнической напряженности находятся в психологической плоскости и в гораздо меньшей степени обусловлены объективными факторами (трудоустройством и местом проживания).

Следующей задачей нашего исследования было выявление адекватности содержания авто- и гетеростереотипов респондентов как одной из детерминант, актуализирующей социально-психологические риски в межэтнических отношениях мигрантов и принимающей стороны.

Для изучения содержания этнических стереотипов нами использовался метод семантического дифференциала. Используя выделенные в ходе блиц-опроса типичные характеристики представителей Северного Кавказа и Центральной Азии в качестве стимульного материала, мы составили пары антонимичных прилагательных, относительно которых респондентами давалась оценка по степени выраженности (см. табл. 1).

Из данных таблицы видно, что гетеростереотипы относительно рассматриваемых этнических групп имеют негативный полюс в отличие от автостереотипа, который характеризуется общей позитивной направленностью.

Количественная и качественная обработка результатов метода семантического дифференциала позволила обобщить и выделить комбинации признаков, включающих наиболее характерные качества анализируемых этнических групп (см. табл. 2)

Таблица 1

**Показатели семантических профилей «проблемных» этнических групп,
по мнению респондентов**

	Русские	Чеченцы	Таджики
Добрый – злой	1,5	-2	0,3
Вежливый – грубый	0,4	-2	-0,6
Тихий – шумный	-1,2	-1,7	0,2
Сильный – слабый	1,7	0,9	-0,9
Приятный – противный	1,3	-2	-1,5
Родной – чужой	2,4	-2,2	-2,1
Хороший – плохой	1,4	-1,6	-1
Чистоплотный – грязный	1,8	-0,9	-1,6
Умный – глупый	1,9	-0,4	-1,3
Спокойный – вспыльчивый	-0,8	-2	0,5
Трудолюбивый – ленивый	0,9	-0,1	1,2
Уважительный – презрительный	1,6	-1,6	-1,1
Активный – пассивный	1,3	0,6	0,5
Смелый – трусливый	1,3	0,5	-1,1

Таблица 2

Комбинации признаков автостереотипа и гетеростереотипов

Русские	Чеченцы	Дагестанцы	Таджики
<i>Родной</i>	<i>Чужой</i>	<i>Чужой</i>	<i>Чужой</i>
Умный	<i>Злой</i>	<i>Противный</i>	<i>Грязный</i>
Чистый	<i>Грубый</i>	<i>Шумный</i>	<i>Противный</i>
Сильный	<i>Вспыльчивый</i>	<i>Вспыльчивый</i>	Трусливый
Уважение	<i>Противный</i>	Глупый	Презрительный
Добрый	Шумный	Плохой	Глупый
Хороший	Плохой	Презрительный	Плохой
Приятный	Презрительный	Злой	Слабый
Смелый	Грязный	Грязный	Грубый
Активный	Глупый	Грубый	<i>Трудолюбивый</i>
Трудолюбивый	Ленивый	Ленивый	<i>Спокойный</i>
Вежливый	<i>Сильный</i>	<i>Активный</i>	<i>Активный</i>
<i>Вспыльчивый</i>	<i>Активный</i>	<i>Сильный</i>	<i>Добрый</i>
<i>Шумный</i>	<i>Смелый</i>	<i>Смелый</i>	<i>Тихий</i>

В выше расположенной таблице жирным шрифтом выделены стереотипные характеристики представленных этносов, имеющих наибольшие

удельные веса. Эта таблица построена по степени уменьшения значимости стереотипных качеств представителей этнических групп. На первом месте

по значимости находится показатель «Свой – Чужой», что свидетельствует о четкости осознания респондентами границы между своим этносом и представленными этническими группами и о нежелании её ослаблять.

Следует отметить наличие и положительного полюса оцениваемых качеств. В частности, респонденты характеризуют представителей этнических групп дагестанцев и чеченцев сходным образом – как смелых, активных и сильных, а таджиков – как трудолюбивых, спокойных, активных.

Проведенный нами сравнительный анализ содержания стереотипных представлений русской молодежи о дагестанской, чеченской и таджикской молодежи, а также дагестанской, чеченской и таджикской молодежи о себе позволил сделать следующий вывод.

По ряду характеристик присутствуют *совпадения* – как в перечне *позитивных качеств: смелость, активность (деловитость)*, так и в перечне *негативных качеств: вспыльчивость, агрессивность* – для молодежи Северного Кавказа, и в перечне *позитивных*

качеств: трудолюбивость и спокойствие – для таджикской молодежи.

Иными словами, можно констатировать *наличие определенной степени адекватности содержания гетеростереотипов русской молодежи относительно представителей этих этнических групп*. Однако ряд позитивных характеристик этих групп отсутствует в представлениях молодых людей русской национальности, на что, желательно, обратить внимание при проведении тренингов по развитию этнической толерантности.

В заключение следует отметить следующее. В ходе исследования было выявлено и охарактеризовано содержание этнических стереотипов как одной из детерминант социально-психологических рисков в межэтнических отношениях мигрантов и коренного населения. Адекватность и позитивность содержания авто- и гетеростереотипов представителей титульного населения может выступать одним из оснований выбора ими эффективных этноиндифферентных поведенческих стратегий при взаимодействиях с мигрантами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления. Бабинцев В.П. и др. // Мир России: социология, этнология, культурология. 2011. № 1. С. 74–87.
2. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.; Воронеж, 2004. 296 с.
3. Дробижева Л.М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ [Электронный ресурс] // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Вып. 16. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Tolerantnost_i_priblemu.pdf (дата обращения: 18.06.2016).
4. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 430–442.
5. Карпов А.О. Диссонансная толерантность как альтернатива позитивной толерантности мультикультурализма // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 152–157.
6. Паин Э.А. Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна // Россия в глобальной политике. 2011. № 2. С. 8–23.
7. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: учеб. пособие. 2-е изд. СПб., 2007. 280 с.

8. Сикевич З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012. 207 с.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. М., 2008. 208 с.
10. Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Исследования этнической толерантности личности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2(6). С. 80–89.

REFERENCES

1. Etnicheskii ekstremizm v molodezhnoi srede: diagnostika i perspektivy preodoleniya [Ethnic Extremism in the Youth Environment: Diagnostics and Overcoming Prospects] Babintsev V.P. and oth. // Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya, kul'turologiya. 2011, no. 1, pp. 74–87.
2. Bondyreva S.K., Kolesov D.V. Migratsiya (sushchnost' i yavlenie) [Migration (Essence and Phenomenon)]. М.; Voronezh, 2004. 296 p.
3. Drobizheva L.M. Tolerantnost' i problemy integratsii mnogokul'turnykh soobshchestv [Electronic Source] [Tolerance and Problems of Integration of Multicultural Societies [Electronic Source]] Vestnik Instituta Kennana v Rossii. 2009. Vyp. 16. [Bulletin of the Kennan Institute in Russia. 2009. Vol. 16.]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Tolerantnost_i_priblyemy.pdf (request date 18.06.2016).
4. Drobizheva L.M. Etnichnost' v sovremennom obshchestve: novye podkhody, starye mify, sotsial'nye praktiki [Ethnicity in Contemporary Society: New Approaches, Old Myths, Social Practices] // Vestnik Instituta sotsiologii. 2010, no. 1, pp. 430–442.
5. Karpov A.O. Dissonansnaya tolerantnost' kak al'ternativa pozitivnoi tolerantnosti mul'tikul'turalizma [Dissonant Tolerance as an Alternative to Positive Tolerance of Multiculturalism] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015, no. 10, pp. 152–157.
6. Pain E.A. Zakat vul'garnogo mul'tikul'turalizma kak vozrozhdenie kul'tury moderna [Sunset Vulgar Multiculturalism as a Revival of the Culture of Modernity] // Russia in Global Politics] // Rossiya v global'noi politike. 2011, no. 2, pp. 8–23.
7. Pochebut L.G. Vzaimoponimanie kul'tur. Metodologiya i metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii. Psikhologiya mezhetnicheskoi tolerantnosti: ucheb. posobie 2-e izd [Understanding Cultures. Methodology and Methods of Ethnic and Cross-Cultural Psychology. Psychology of Interethnic Tolerance: Textbook. Handbook 2nd Ed]. SPb., 2007. 280 p.
8. Sikevich Z.V. Etnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty v rossiiskom obshchestve [The Paradoxes of Ethnic and Cultural Conflicts in Russian Society]. SPb., 2012. 207 p.
9. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya: praktikum [Ethnopsychology. Workshop]. М., 2008. 208 p.
10. Shlyagina E.I., Enikolopov S.N. Issledovaniya etnicheskoi tolerantnosti lichnosti [Research of Ethnic Tolerance] // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2011, no. 2 (6), pp. 80–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Свирина Олеся Николаевна – руководитель отдела персонала АО «НИИДАР-Недвижимость»;
e-mail: ozhykovskaya@ngs.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svirina Olesya N. – Head of the Staff Department, «NIIDAR-Nedvizhimost» Joint-Stock Company;
e-mail: ozhykovskaya@ngs.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Свирина О.Н. Этнические стереотипы как одна из причин социально-психологических рисков в межэтнических отношениях мигрантов и коренного населения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 80–88.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-80-88

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Svirina. Ethnic Stereotypes As One of the Reasons of Psychosocial Risks in Interethnic Relations Between Migrants and Native Population // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 80–88.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-80-88

УДК 316.35

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-89-100

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИИ*

Суслова Т.Ф.

Северо-Кавказский федеральный университет

355029, г. Ставрополь, пр. Кулакова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению социального самочувствия мигрантов в процессе адаптации к условиям жизнедеятельности в принимающей стране. Представлены различные точки зрения на определение сущности этого феномена, его структуры и факторов. Описаны результаты объективного анализа субъективных оценок социального самочувствия трудовых мигрантов из Средней Азии, Украины и Молдовы, а также мигрантов – людей пожилого возраста, приехавших в Россию на постоянное место жительства вместе со своими взрослыми детьми. Эти результаты получены при помощи методов письменного опроса, полуструктурированного интервью и беседы. Выделены когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты социального самочувствия мигрантов.

Ключевые слова: социальное самочувствие, миграция, мигранты, адаптация, когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты социального самочувствия.

SOCIAL WELL-BEING OF AN INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF MIGRATION

T. Suslova

North Caucasian Federal University

2, Kulakova av., Stavropol, 355029, the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of migrants' social health in adapting to the conditions of life in the host country. Different points of view on the definition of the essence of this phenomenon, its structure and factors are given. The results of an objective analysis of the subjective evaluations of social health of migrant workers from Central Asia, Ukraine and Moldova, as well as elderly migrants coming to Russia for permanent residence together with their adult children are described. The results obtained with the use of the method of interrogatory, semi-structured interview and conversation. The cognitive, emotional, and behavioral components of social health of migrants are mentioned.

Key words: social well-being, migration, migrants, adaptation, cognitive, emotional and behavioral components of social health.

© Суслова Т.Ф., 2016.

*Статья подготовлена в рамках проектной части госзадания в сфере научной деятельности (Задание № 25.2566.2014 «Разработка конструктивистского подхода и методов когнитивного моделирования в психологическом сопровождении социальной адаптации мигрантов», Министерство образования и науки РФ).

Характерным признаком современности является рост этнической миграции. В настоящее время увеличивается число стран, которые становятся поликультурными сообществами, не исключая Россию. Мигранты обладают высокой динамичностью и предприимчивостью, покидая привычное место жительства в поисках лучшей жизни для своих семей [1], в стремлении получить работу, заработать деньги и отправить их близким. Однако миграция требует от человека быстрой и позитивной адаптации к социокультурным условиям, поиска ресурсов совладания с трудностями, с которыми он сталкивается в чужой стране, формирования и поддержания позитивного социального самочувствия, которое является залогом приспособления к трудной жизненной ситуации. В противном случае мигрант сталкивается с неразрешенными проблемами, и, как следствие, происходит формирование конфликта между ожиданиями и реальным положением дел, появляется напряженность в отношении с людьми, в том числе возникают конфликты с коренным населением, проявляется девиантность в поведении мигрантов, что приводит к социальной напряженности в обществе, а это уже угроза безопасности страны. Как отмечают Т.И. Шульга и В.С. Левицкая, под социальной напряженностью понимается выраженный на индивидуально-психологическом уровне в психоэмоциональных состояниях, смысловых формах и поведенческих установках результат неприятия тех или иных аспектов социального бытия, длительного и неразрешимого (кажущегося неразрешимым) расхождения между потребностями,

ценностями и социальными интересами некоторой части населения и мерой их неудовлетворения [11].

В связи с этим проблемным полем настоящей статьи является социальное самочувствие мигрантов как условие их успешной адаптации к жизнедеятельности в принимающей стране и в той социальной ситуации, с которой они сталкиваются в стране пребывания, какой бы она ни была по степени напряженности и трудности.

В отечественной науке исследование феномена «социальное самочувствие» имеет давнюю традицию. Серьезной методологической базой для исследования социального самочувствия являются труды Б.Д. Парыгина, посвященные анализу общественного настроения, а также научные концепции К.А. Абульхановой-Славской (личность как субъект жизненного пути, определяющего жизненную позицию и перспективы развития), Б.Г. Ананьева (единая концепция человекознания), Г.М. Андреевой (социальная психология и проблемы общества), А.А. Бодалева (феномен, закономерности и механизмы социального познания), А.Н. Леонтьева (общепсихологическая концепция деятельности), А.В. Петровского (динамика развития социальных групп и исследование процессов развития личности), К.К. Платонова (структурный подход к пониманию личности), А.К. Уледова (динамика общественной психологии и идеологии) и др.

В современной российской науке в исследовании социального самочувствия большое внимание уделяется:

– определению сущности этого феномена, его природы и факторов (Е.А. Ануфреев, З.А. Бутуева, Г.Д. Гри-

ценко, Б.В. Дубина, Т.И. Заславская, П.М. Козырева, И.С. Кон, Н.И. Лапин, О.И. Леплякина, Л.И. Михайлов, И.И. Осинский, Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко, В.А. Ядов и др.);

– выделению индикаторов и критериев социального самочувствия (Е.Н. Бочканова, З.Т. Голенкова, М.К. Горшкова, А.А. Грачева, Р.И. Зинурова, Р.В. Карамельский, Я.Н. Крупец, А.В. Меренков, И.М. Осинский, Л.Е. Петрова, М.Н. Руткевич, Г.Г. Татарова, Т.Т. Тарасова, Ф.Ф. Фатыхова и др.);

– вычленению компонентов и структуры социального самочувствия (О.Л. Барская, Е.В. Давыдова, Б.В. Дубин, О.Н. Дубченко, Н.Г. Ковалев, Д.М. Рогозин, А.А. Русалинова, Н.Е. Симонович и др.);

– исследованию социального самочувствия относительно образа жизни и удовлетворенности различными аспектами жизни (О.Л. Барская, В.Э. Бойков, Г.А. Воронин, Л.С. Егорова, В.А. Иванова, Н.Г. Ковалева, И.Т. Левыкин, О.В. Лунева, М.Н. Руткевич и др.);

– изучению социального самочувствия с позиции эмоционально-оценочного отношения индивидов к социальной реальности и своему месту в ней (А.С. Балабанов, О.Л. Барская, Т.Б. Барсукова, Т.Б. Бередников, Н.Е. Тихонович, Т.Н. Юдина и др.);

– установлению взаимосвязи социального здоровья и социального самочувствия (Е.Л. Баранова, Н.И. Белова, О.Г. Карилук, И.В. Зозуля, Г.Ю. Козина, Н.Х. Гафиатулина и др.);

– рассмотрению социального самочувствия как «самоохранительного поведения» (В.М. Димов, О.Ю. Малоземов, Г.И. Осадчая, Ж.В. Савельева, В.Я. Шклярчук и др.);

– анализу социального самочувствия как социально-психологического состояния (Г.М. Зараковский, П.А. Корчемный, О.В. Коротеева, И.П. Попова, Н.Е. Симонович и др.);

– обозначению этнических составляющих социального самочувствия (М.Ю. Мартынов, М.А. Ненашев).

Последнее десятилетие ознаменовалось активным исследованием социального самочувствия мигрантов. Анализ литературы позволяет выделить следующие направления: изучение ценностных ориентаций и самочувствия мигрантов и их семей (М.Н. Ефременкова, В.В. Гриценко, Т.Н. Муращенко, Е.А. Назарова, Т.Н. Смотрова и др.); исследование социального самочувствия трудовых мигрантов и адаптации с позиции конструктивистского подхода и социально-психологической концепции жизнеспособности (А.А. Нестерова, Т.Ф. Сулова); установление взаимосвязи социального самочувствия и адаптации мигрантов (В.В. Константинов, Е.Ю. Садовская), социального самочувствия и материально-экономического положения трудовых мигрантов (Н.А. Зотова); обозначение гендерного аспекта в вопросах формирования социального самочувствия мигрантов (О.А. Хасбулатов); выделение факторов, содержания и типов социального самочувствия трудовых мигрантов (Н.Н. Кобозева).

Анализ литературы показал, что социальное самочувствие является мощным мотивационным фактором поведения человека, имеет воздействие на выбор его жизненной стратегии и тактику ее реализации. Оно выступает в качестве некоей основы, исходного структурного элемента для формиро-

вания социального настроения личности, ее направленности. Кроме того, социальное самочувствие само является показателем успешности процесса адаптации и интеграции в общество [2].

С психологической точки зрения, по мнению Н.Е. Симоновича, центром рассмотрения социального самочувствия становится субъективное измерение – переживания субъекта социального самочувствия, его чувственно-эмоциональная и когнитивная сферы, его социальная активность [8]. Автор отмечает, что социальное самочувствие является социально-психологическим по своей природе феноменом, отражающим в интегральном виде особенности социальной позиции человека как общественного существа, его место в структуре общества, характер включенности в социальные процессы, а также активность, направленную на обеспечение оптимальной самореализации и существования в социуме [9].

Такой же точки зрения придерживаются ученые П.А. Корчемный и И.П. Попова, отмечая, что особенностью существующей социальной ситуации, т. н. этническим парадоксом современности, «представляется, что независимо от выделяемого уровня анализа социального самочувствия, оно по своей природе является социально-психологическим явлением, возникающим всегда в системе “человек – общество” и отражающим в интегральном виде разные аспекты социального бытия людей как субъектов общественных отношений. Являясь результатом отражения разных аспектов жизнедеятельности человека как общественного существа, преобладаю-

щее социально-психологическое самочувствие становится фактором, через который преломляется любая активность человека» [4, с. 50].

Для нашего исследования важно рассмотрение структуры, индикаторов и типологии социального самочувствия. Этому вопросу посвящено множество работ, мы же остановимся на нескольких точках зрения.

Рассматривая социальное самочувствие с позиции социальной психологии, мы считаем важным следовать выделению в структуре социального самочувствия трех компонентов, предложенных в разное время А.А. Русалиновой и Н.Е. Симоновичем: 1) когнитивный (знание и оценка социальной ситуации и своего места в ней); 2) эмоциональный (переживания и чувства человека, связанные с его взаимодействием с социальной действительностью) [7]; 3) поведенческий (проявление людьми своего отношения к разным обстоятельствам их жизни и деятельности, готовность к определенным формам активности) [9].

Для социально-психологического исследования социального самочувствия наиболее оптимальным, с нашей точки зрения, являются предложенные Р.В. Карамельским такие компоненты социального самочувствия, как синхронная и диахронная оценка членами изучаемой группы своего экономического положения (прежде всего качества жизни как феномена, включающего в себя и субъективную оценку людьми названного положения) и его перспектив, личные диспозиции (как притязания людей на определенный статус и ситуус, так и ориентацию на формирование у себя определенных волевых, нравственных и интеллекту-

альных качеств) и ценностную иерархию (ориентацию большинства членов группы на индивидуализм или коллективизм, на эгоизм или альтруизм, на патернализм или стратегии достижения цели, мотивацию труда и учебы, социальный оптимизм и пессимизм, вектор и уровень интереса к культуре, политике и др.) [2].

Что касается типологий социального самочувствия, этому вопросу в литературе уделено незначительное внимание. Возможно, это связано с определенными трудностями, так как в настоящее время не определены четкие критерии выделения типов социального самочувствия, и можно говорить только о позитивном или негативном его проявлении. Тем не менее одна из первых попыток выделения типов социального самочувствия трудовых мигрантов была осуществлена в диссертационном исследовании Н.Н. Кобозевой. На основании эмпирического исследования автор выделила: 1) позитивное социальное самочувствие; 2) пограничное социальное самочувствие; 3) негативное (патологическое) состояние [3].

За рубежом крупномасштабные исследования социального самочувствия проводятся в рамках измерения всемирного индекса счастья (The happy planet index), индекса лучшей жизни (OECD Better life index), индекса процветания (Legatum prosperity index), индекса удовлетворенности жизнью в странах мира (Satisfaction with life index). Эти индексы официально признаны ООН в качестве альтернативных для измерения уровня развития стран. Одна из главных задач этих индексов – отразить реальное благосостояние наций, поэтому экономиче-

ские показатели в методологии расчета индексов не используются [6]. Необходимо также отметить, что за рубежом аналогом социального самочувствия является понятие «субъективное благополучие», при изучении которого ученые обращаются к анализу субъективного состояния общества, отдельных социальных групп и индивидов.

Таким образом, под социальным самочувствием мигрантов мы будем понимать субъективные оценки показателей своей жизнедеятельности в условиях миграции, определяющиеся степенью удовлетворенности своих профессиональных, социальных и социально-психологических потребностей.

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие 397 трудовых мигрантов в возрасте 35–47 лет, приехавших в Россию из Средней Азии (212 человек), Украины (102 человека) и Молдавии (83 человека), и 41 пожилой мигрант: 17 человек, приехавших вместе с семьей сына или дочери на постоянное жительство (первая группа) и 24 трудовых мигранта из Средней Азии (вторая группа). Время пребывания в Москве 2–4 гг. В исследовании использовался метод полуструктурированного интервью, а в группе пожилых мигрантов – метод беседы. Вопросы полуструктурированного интервью и беседы формулировались таким образом, чтобы была возможность изучить субъективную оценку мигрантами своего социального самочувствия по следующим параметрам: трудовая деятельность (трудоустройство); материальное положение; социально-бытовая устроенность; самореализация; характер межличностных отношений (в группе мигрантов и

с коренными жителями); эмоциональное состояние; социальная активность – и выйти на определение содержания когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов социального самочувствия.

Целью исследования является анализ субъективных оценок социального самочувствия трудовых мигрантов и мигрантов пожилого возраста.

Гипотеза: социальное самочувствие трудовых мигрантов определяется субъективной удовлетворенностью своей трудовой деятельностью, социально-бытовым устройством и взаимодействием с коренными жителями.

В группе мигрантов из Молдовы были такие комментарии, как «для меня Москва – это возможность самоутвердиться, выразить свою позицию и уверенность в завтрашнем дне», «это рука помощи, протянутая нам – приедем». В группе мигрантов из Украины чаще звучал такой комментарий их положения в Москве: «Хотелось бы иметь больше прав для официального трудоустройства и получения гражданства или вида на жительство в России». Мигранты из Средней Азии в меньшей степени были открыты интервьюеру и давали односложные ответы, однако отметили, что «завидуют москвичам, россиянам».

Как видно из результатов, представленных в табл. 1, в большей степени позитивную оценку своего социального самочувствия показали мигранты из Молдовы, они были и более активны в ответах на вопросы полуструктурированного интервью. Мигрантов из Средней Азии беспокоит личная безопасность, трудности легального трудоустройства и негативное социальное

самочувствие, они менее активны и самостоятельны, в большей мере рассчитывают на помощь земляков, которые в настоящее время являются достаточно сплоченной группой в Москве. Как ни покажется странным, мигранты из Украины субъективно оценивают свое социальное положение и самочувствие в большей степени негативно, ожидая от России большей помощи и поддержки.

В связи с тем, что группы пожилых мигрантов, приехавших на постоянное место жительства в Россию вместе с детьми, и группы пожилых мигрантов из Средней Азии были по составу небольшими, можно считать изложенные результаты предварительными, и требуется исследование на более расширенной выборке. Тем не менее анализ ответов во время беседы позволяет сделать следующие выводы.

К проблемам, которые объединяют эти две группы, относятся: плохое знание русского языка, сужение круга общения и замыкание на своей семье (семье сына или дочери) и приезжих земляках. Для многих этот факт является психотравмирующим фактором, который во многом ограничивает их нынешнюю социальную активность. Психотравмирующим опытом для большинства мигрантов обеих групп является проблема общения с соседями, а также общение в магазине, от чего пожилые мигранты, приехавшие со взрослыми детьми на постоянное место жительства, избегают походов в магазин, больницу и другие жизненно важные организации. Пожилые мигранты обеих групп никогда не обращались в Центры социального обслуживания, а трудовые мигранты (вторая группа) не считают это необ-

Таблица 1

**Результаты полуструктурированного интервью в группа
трудовых мигрантов (в %, в таблице приведены наиболее
часто встречаемые ответы на вопросы)**

Компоненты социального самочувствия	Результаты полуструктурированного интервью с мигрантами:		
	из Средней Азии	из Украины	из Молдовы
Когнитивный	трудности в легальном трудоустройстве (72,6); позитивная оценка личной безопасности (30,1); негативная оценка личной безопасности (52,8). негативная оценка отношений с коренными жителями (51,4); позитивная оценка отношений с коренными жителями (28,7).	трудности в получении работы по специальности (38,2); трудности легального трудоустройства (93,06); трудности адаптации (36,3);	несовершенство российского правового законодательства (32,5); оценка финансового обеспечения как низкая (59,1); неравноправное отношение к мигрантам (49,4); позитивная оценка личной безопасности (40,9); негативная оценка личной безопасности (45,7); негативная оценка отношений с коренными жителями (22,8); позитивная оценка отношений с коренными жителями (49,3); доволен своим нынешним положением в обществе (32,5).
Эмоциональный	позитивный эмоциональный настрой и оптимистическое отношение к жизни в Москве (34,9); негативное самочувствие (50,9).	позитивный эмоциональный настрой и оптимистическое отношение к жизни в Москве (радуюсь всему, что приносит мне жизнь в Москве) (44,1); негативный эмоциональный настрой и пессимизм (35,3); одиночество (34,3); чувство неустроенности (52,9).	позитивный эмоциональный настрой и оптимистическое отношение к жизни в Москве (радуюсь всему, что приносит мне жизнь в Москве) (53,0); негативный эмоциональный настрой и пессимизм (32,5); чувство одиночества (22,8) «часто испытываю чувство страха за семью, которая осталась на Родине» (37,3);
Поведенческий	ориентация на собственные силы (34,9); отсутствие уверенности в своих силах в решении проблем («раздражителен, часто нервничаю», «неудачи и проблемы нарушают мой покой», «часто теряю над собой контроль») (45,7).	появление самостоятельности и активности в приспособлении к жизни в Москве (50,9); «спокойно переношу неудачи, ищу решение проблемы» (36,2); «ожидают от России большей помощи и поддержки мигрантов» (72,5).	ориентация на собственные силы (89,2); проявление самостоятельности и активности в приспособлении к жизни в Москве (77,1); «спокойно переношу неудачи, ищу решение проблемы» (43,4).

ходимым и важным для себя. Небольшая часть пожилых мигрантов первой группы хотели бы найти круг общения среди таких же пожилых людей, посещающая кружки и т. п., однако считают, что это невозможно из-за негативного отношения москвичей ко всем приезжим, особенно к людям другой национальности.

Характерным для обеих групп пожилых мигрантов является отношение к совместному проживанию в Союзе. Для пожилых мигрантов прошлые отношения людей в СССР остаются в большей мере значимыми. Возможно, этот факт повлиял на формирование у них определенных экономических и психологических ожиданий от новой и уже другой России (особенно это заметно в группе пожилых мигрантов из Средней Азии, которые недоумевают, почему им могут отказать в трудоустройстве и временном проживании в Москве, заявляя, что «мигрантов не должно быть»). Важно отметить, что пожилые мигранты из Средней Азии, оставив на Родине свою семью, приехали на заработки вместе со взрослыми детьми, чаще всего с сыном либо дочерью и зятем. Всего четверо трудовых мигранта из нашей выборки в возрасте 59–62 гг. из Узбекистана проживают в Москве одни, но при этом имеют тесные социальные связи и поддержку земляков.

Отличительной особенностью этих двух групп стало постоянное сравнение прежней жизни на Родине и настоящей жизни в Москве. Сильные переживания вызвало у них принятие решения о переезде в Москву, хотя, как отметили респонденты этой группы, «всегда есть возможность уехать на Родину, но здесь дети и внуки, как можно?» По их мнению, им слож-

но принять условия жизни в Москве, многие потребности, в частности, в общении за пределами семьи, не удовлетворяются, но сложнее всего принять агрессивность местного населения, негативное отношение к мигрантам, декларируемое СМИ (в данном случае речь идет о формировании социально-культурных фобий). Пожилые мигранты первой группы чаще отмечали низкую удовлетворенность своим приспособлением к жизни в Москве, в отличие от группы трудовых мигрантов, которые считают себя вполне адаптированными. Возможно, и это было видно из интервью, что для трудовых мигрантов из Средней Азии не являются важными взаимодействие и понимание со стороны местного населения, адаптация к российским условиям жизни и ценностям. Важными являются наличие работы, успешность общения с миграционными службами и наличие референтной группы, которой являются земляки [10].

Результаты нашего пилотажного исследования во многом подтверждаются исследованиями зарубежных ученых. К примеру, Christina Reardon (США) отмечает, что все пожилые люди сталкиваются с проблемами, которые сопровождают старение: проблемы со здоровьем, когнитивные нарушения, потеря независимости, социальная независимость и др. Эти проблемы могут усугубиться, когда пожилые мигранты будут вынуждены преодолевать также проблемы, связанные с повседневной жизнью, такие как: болезни, нищета, географическая изоляция, незнание или плохое знание английского языка, традиций и обычаев коренного населения, потеря связи с близкими и привычной жизнью на Родине, отсутствие

контроля над своей жизнью, жизнь между моментами кризиса и скуки, в ожидании и безнадежности и т. п. Отмечено, что пожилые мигранты, которые имеют ограниченный уровень владения английским языком и низкий уровень аккультурации, подвергаются наибольшему риску, потому что они не могут общаться, устанавливать социальные связи или иметь доступ к социальным услугам [13].

Таким образом, как показали результаты изучения субъективной оценки мигрантами своего социального самочувствия, перед психологами и социальными работниками стоит задача по сопровождению адаптации мигрантов к условиям проживания в чужой для них стране, хотя проблема улучшения социального самочувствия мигрантов представляется нам вопросом дискуссионным, так как большая часть мигрантов избегает какой-либо психологической помощи. Тем не менее это необходимо делать, находить оптимальные пути решения этого вопроса, если мы хотим

нивелировать возникновение ситуаций напряжения среди мигрантов и коренных жителей. В данной работе важно учитывать, что решение проблем миграции и мигрантов требует системного подхода. Системность заключается в учете экономических, политических, социальных, социально-психологических, социокультурных, национальных, средовых факторов формирования толерантного поведения мигрантов и коренных жителей с целью принятия решений, разработки государственных, региональных программ по гармонизации общества, личности, межличностного взаимодействия, субъективного ощущения благополучия, формирования и поддержание жизнеспособности мигрантов и т. п. Достижению этого будет способствовать вовлечение в эту деятельность всех участников миграционного процесса: и тех, кто его регулирует, в частности, отпускающих и принимающих государств, и тех, кто призван оказывать различные формы помощи [5; 12].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Егорова Н.М. Исследование взаимосвязи межгрупповой адаптации и уровня этнической идентичности и толерантности в поликультурной школе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 1. С. 135–140.
2. Карамельский Р.В. Проблемы измерения социального самочувствия // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 178–182.
3. Кобозева Н.Н. Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2008. 28 с.
4. Корчемный П.А., Попова И.П. Влияние социально-психологического самочувствия на конфликтное взаимодействие субъектов образовательного процесса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 3. С. 49–53.
5. Нестерова А.А. Формы и стратегии аккультурации мигрантов на разных стадиях адаптации // Современные методы диагностики и технологии оказания психологической помощи людям, оказавшимся в кризисной ситуации: сб. науч. ст. / под ред. А.А. Нестеровой. М., 2014. С. 34–49.
6. Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формиро-

- вания и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14. С. 38–45.
7. Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 1994. № 1. С. 49–61.
 8. Симонович Н.Е. Понятие и содержательные аспекты социального самочувствия // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2012. № 15. С. 258–265.
 9. Симонович Н.Е. Социальное самочувствие как социально-психологический феномен в изменяющемся российском обществе: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. 27 с.
 10. Сулова Т.Ф. Адаптация пожилых мигрантов к условиям принимающей страны // Горизонты зрелости: материалы V Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. М., 2015. С. 590–593.
 11. Шульга Т.И., Левицкая В.С. Переживание социальной напряженности различными группами людей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 1. С. 42–58.
 12. Migration as a Social Problem. Nesterova A.A. and oth. // Published by Canadian Center of Science and Education. Asian Social Science. Vol. 11. 2015, September, no. 21. P. 111–117.
 13. Reardon, C. Addressing the Social Work Needs of Older Immigrants and Refugees. [Электронный ресурс]. URL: http://www.socialworktoday.com/news/enews/0911_01.shtm. (дата обращения: 30.08.2016).

REFERENCES

1. Egorova N.M. Issledovanie vzaimosvyazi mezhgruppovoi adaptatsii i urovnya etnicheskoi identichnosti i tolerantnosti v polikul'turnoi shkole [A Study of the Interrelationship of Intergroup Adaptation and Level of Ethnic Identity and Tolerance at a Multicultural School] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2011, no. 1, pp. 135–140.
2. Karamel'skii R.V. Problemy izmereniya sotsial'nogo samochuvstviya [Problems of Measuring Social Well-Being] // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2011. no. 4. pp. 178–182.
3. Kobozeva N.N. Sotsial'noe samochuvstvie trudovykh migrantov v sotsiokul'turnykh usloviyakh prininmayushchego regiona : avtoreferat dissertatsii ... kandidata sotsiologicheskikh nauk [Social Well-Being of Labour Migrants in the Social and Cultural Conditions of the Host Region : Thesis ... PhD in Sociology]. Stavropol, 2008. 28 p.
4. Korchemnyi P.A., Popova I.P. Vliyaniye sotsial'no-psikhologicheskogo samochuvstviya na konfliktnoye vzaimodeystviye sub"ektiv obrazovatel'no protsesssa [The Influence of Socio-Psychological Well-Being in Conflict Interaction of Educational Process Subjects] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2011, no. 3, pp. 49–53.
5. Nesterova A.A. Formy i strategii akkul'turatsii migrantov na raznykh stadiyakh adaptatsii [Forms and Strategies of Migrants Acculturation at Different Stages of Adaptation] Sovremennyye metody diagnostiki i tekhnologii okazaniya psikhologicheskoi pomoshchi lyudyam, okazavshimsya v krizisnoi situatsii : sb. nauch. st. [Modern Diagnostic Methods and Technologies of Psychological Aid for People in Crisis : Collection of Scientific Articles] / under the Editorship of A. A. Nesterova. M., 2014. pp. 34–49
6. Osinskii I.I., Butueva Z.A. Sotsial'noe samochuvstvie: ponyatie, faktory formirovaniya i pokazateli izmereniya [Social Health: Definition, Factors of Formation and Performance

- Measurement] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015, no. 14, pp. 38–45.
7. Rusalina A.A. Sotsial'noe samochuvstvie cheloveka v sovremennom mire kak nauchnaya problema [Social Well-Being in the Modern World as a Scientific Problem] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 1994. no. 1. pp. 49–61.
 8. Simonovich N.E. Ponyatie i sodержatel'nye aspekty sotsial'nogo samochuvstviya [The Concept and Content Aspects of Social Well-Being] // Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie. 2012. no. 15. pp. 258–265.
 9. Simonovich N.E. Sotsial'noe samochuvstvie kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen v izmenyayushchetsya rossiiskom obshchestve : avtoreferat dissertatsii ...kandidata psikhologicheskikh nauk [Social Well-Being as a Socio-Psychological Phenomenon in the Changing Russian Society : Thesis ...PhD in Psychology]. M., 1999. 27 p.
 10. Suslova T.F. Adaptatsiya pozhilykh migrantov k usloviyam primayushchei strany [Adaptation of Elderly Migrants to the Conditions of the Host Country]. Gorizonty zrelosti: Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya [Materials of V All-Russian Scientific-Practical Conference on Developmental Psychology "Levels of Maturity"]. M., 2015. pp. 590–593.
 11. Shul'ga T.I., Levitskaya V.S. Perezhivanie sotsial'noi napryazhennosti razlichnymi gruppami lyudei [The Experience of Social Tension by Different Groups of People] // Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2014, no. 1, pp. 42–58.
 12. Migration as a Social Problem. Nesterova A.A. and oth. // Published by Canadian Center of Science and Education. Asian Social Science. Vol. 11. 2015, September, no. 21. P. 111–117.
 13. Reardon, C. Addressing the Social Work Needs of Older Immigrants and Refugees. [Electronic resource]. URL: http://www.socialworktoday.com/news/enews_0911_01.shtml. (request date: 30.08.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суслова Татьяна Федоровна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета, ведущий научный сотрудник лаборатории саморегуляции личности Северо-Кавказского федерального университета;
e-mail: sibir812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Suslova Tatyana F. – PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University, Leading Researcher of Self-Regulation of Personality Laboratory, North Caucasian Federal University;
e-mail: sibir812@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Суслова Т.Ф. Социальное самочувствие личности в условиях миграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 89–100.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-89-100

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Suslova. Social well-being of an individual in the context of migration // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 89–100.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-89-100

УДК 316.624-057.875

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-101-113

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О САМОПОВРЕЖДАЮЩЕМ ПОВЕДЕНИИ

Хрупова А.Н., Шульга Т.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме, связанной с изменениями в поведении современных студентов в обществе. Появление новых и малоизученных видов девиантного поведения привело к необходимости обратить внимание исследователей на такие особенности, как разновидности самоповреждающего поведения, проявляющиеся в нанесении телесных модификаций (пирсинг, татуировки, шрамирование, диета, занятия экстремальным видом спорта и др.). Приведены результаты исследования молодежи, которые позволяют рассмотреть самоповреждающее поведение как способ привлечения к себе внимания, выделить особенности представления студентов разных групп о сути такого поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, аутоагрессивное поведение, отклоняющееся поведение, самоповреждающее поведение, телесные модификации, студент, самовыражение.

STUDENTS' CONSIDERATIONS OF SELF-INJURIOUS BEHAVIOR

A. Khrupova, T. Shulga

*Moscow State Region University
10A, Radio str, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the actual problem related to the changes in modern students' behavior in the society. Appearance of new and poorly studied forms of deviant behavior has made it necessary to draw researchers' attention to such features as: a variety of self-mutilating behavior, manifested in infliction of bodily modifications (piercing, tattooing, scarification, dieting, exercising extreme sport, etc.). The results of research studying young people's behaviour given in this article allow to consider the self-mutilating behavior as means of attracting attention. Besides, specific features of different student groups' ideas about the nature of such kind of behavior are highlighted.

Key words: deviant behavior, autoaggressive behavior, aberrant behavior, self-injurious behavior, body modification, student, self-expression.

В психологической науке в настоящее время нет достаточно четкой и конкретной дифференциации форм отклоняющегося поведения. В исследованиях разных авторов [2; 4; 6; 11; 16] выделены особые типы отклоняющегося поведения, которые не приводят человека к смерти, и типы, которые могут привести к потери жизни человека: деликтивное, аддиктивное, патохарактерологическое,

© Хрупова А.Н., Шульга Т.И., 2016.

агрессивное, аутоагрессивное, саморазрушающее или самоповреждающее поведение и др.

«Многочисленные формы отклоняющегося поведения свидетельствуют о состоянии конфликта между личностными и общественными интересами. Отклоняющееся поведение – это чаще всего попытка уйти из общества, убежать от повседневных жизненных невзгод и проблем, преодолеть состояние неуверенности и напряжения через определенные компенсаторные формы. Однако отклоняющееся поведение не всегда носит негативный характер. Оно может быть связано со стремлением личности к чему-то новому, передовому, попыткой преодолеть консервативное, мешающее двигаться вперед. К отклоняющемуся поведению могут быть отнесены различные виды научного, технического и художественного творчества» [9, с. 78].

Отклоняющееся поведение личности – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Иначе говоря, это действия, не соответствующие существующим законам, правилам, традициям и социальным установкам.

Девиянтное поведение человека можно раскрыть как систему поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде уклонения от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением [2; 3; 13; 14; 15; 17].

В исследованиях разных авторов выделены специфические особенности

отклоняющегося поведения личности, которые не соответствуют общепринятым или официально установленным социальным нормам. Таким образом, отклоняющееся поведение – это поведение, не соответствующее существующим законам, правилам, традициям и социальным установкам. При его более четком рассмотрении можно выделить специфику девиантного поведения – личность, его проявляющая, вызывает негативную оценку со стороны других людей. Негативная оценка может иметь форму общественного осуждения или социальных санкций. Ряд авторов подчеркивают, что особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно наносит реальный ущерб личности или окружающим людям [5; 6; 7; 10; 16; 17].

В ряде психологических исследований авторы рассматривают и характеризуют такое поведение, как стойко повторяющееся (многократное или длительное) [1; 4; 11; 13; 15; 17].

Таким образом, особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно рассматривается в пределах медицинской нормы и не должно отождествляться с психическими заболеваниями или патологическими состояниями, хотя и может сочетаться с последними.

На наш взгляд, важно отметить: особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно сопровождается различными проявлениями социальной дезадаптации. Помимо этого, оно может проявляться как выраженное индивидуальное и возрастное-половое своеобразие. Отклоняющееся поведение, прежде всего, отражает внешнее бытие личности в социуме. Оно может быть чрезвычай-

но разнообразным «изнутри». Одни и те же виды девиантного поведения по-разному проявляются у различных людей в разном возрасте [5; 9; 10].

В психологической литературе чаще всего встречается термин «аутодеструктивное (самоповреждающее) поведение» – такой способ взаимодействия человека с окружающими людьми и самим собой, при котором ему наносится вред, то есть действия человека направлены на нанесение прямого или косвенного ущерба собственному соматическому или психическому здоровью, несут угрозу целостности и развитию личности человека (О.О. Андроникова, А.В. Боева, И.В. Берно-Беллекур, Т.А. Донских, Е.В. Змановская, Ц.П. Короленко, Г.А. Лобов, А.А. Руженков) [1; 4; 9; 10; 11; 12; 13; 15]. Авторы рассматривают его как сложное комплексное многоаспектное явление, проявляющееся на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях.

В своем исследовании О.О. Андроникова к саморазрушающему поведению относит аутодеструктивное поведение, для которого свойственно совершение опасных для жизни действий, не связанных с осознанными представлениями о собственной смерти, поэтому под самоповреждающим поведением О.О. Андроникова, вслед за А.А. Зайченко, понимает в первую очередь причинение вреда телу посредством: нарушений пищевого поведения (анорексия и булимия); татуировок; пирсинга, расчесывания ран, самопорезов; самоизбиения; самоожогов; неполного самоудушения; злоупотребления алкоголем, лекарственными средствами и наркотиками. Таким образом, самоповреждающее поведение связано с преднамеренным причине-

нием человеком ущерба собственному телу без желания прекращения жизни [1; 6; 8; 12].

Самоповреждающее поведение – понятие, охватывающее широкий круг действий, связанных с намеренным физическим повреждением собственного тела. Эти действия могут управляться как патологическими, так и непатологическими механизмами, выступать в качестве симптома или следствия, быть частью культурных и социальных церемоний, участвовать в идентификационных процессах, связанных с возрастом, гендером, социальным и культурным окружением [7; 8].

Самоповреждающее поведение человека направлено на освобождение или уменьшение невыносимых эмоций (человек надеется справиться с эмоциональной болью) или связано с ощущением невозможности действовать или чувствовать [7].

В настоящее время авторы к признакам самоповреждающего поведения относят:

- умышленное желание нанести себе физический вред;
- невозможность противостоять импульсу повредить себя;
- повреждение, но не смерть, является желаемым конечным результатом [4].

Впервые описал и систематически исследовал различные формы саморазрушающего поведения, которые не относились к суицидальным, Н. Фейбероу [2; 3].

К ним автор отнес такие поведенческие реакции, как:

- злоупотребление различными веществами, включая наркотики, алкоголь и табак;

– соматические болезни (заболевания сердца, травмы позвоночника, при которых пациенты не соблюдают назначенного лечения и режима);

– преступления, проституция, делинквентное поведение, которые опасны возможностью краха личности;

– рискованные виды спорта, такие как прыжки с парашютом, прыжки в воду с большой высоты.

Такое поведение Э. Дюркгейм еще в 1897 г. назвал «символическим суицидом» [3].

В исследовании мы опирались на понимание Н.А. Польской сути самоповреждающего поведения и понимали под самоповреждающим поведением один из способов самовыражения и самосовершенствования личности [12; 13]. Таким образом, под самоповреждающим поведением рассматривается способ взаимодействия человека с окружающими людьми и самим собой, при котором ему наносится вред, т. е. его действия направлены на нанесение прямого или косвенного ущерба собственному соматическому или психическому здоровью, что угрожает целостности и развитию личности, как способу самовыражения.

Цель исследования состояла в изучении представлений о самоповреждающем поведении у студентов.

В исследовании предполагалось решение следующих задач:

– выявить представления о самоповреждающем поведении у студентов;

– рассмотреть особенности представлений о самоповреждающем поведении у студентов с разным поведением;

– сравнить особенности представлений о самоповреждающем поведе-

нии у студентов с разным уровнем самоотношения;

– выделить особенности представлений о самоповреждающем поведении у студентов с разным уровнем потребности в поисках ощущений;

– выделить особенности представлений о самоповреждающем поведении у студентов с разным уровнем склонности к риску;

– описать особенности представления о самоповреждающем поведении у студентов.

В исследовании участвовали 50 студентов 4 и 5 курсов факультета психологии очного отделения МГОУ (областной), факультета графического дизайна очного отделения БВШД, из них 30 женщин и 20 мужчин в возрасте от 19 до 23 лет.

Данная выборка была разделена на несколько групп по видам самоповреждающего поведения: первая – самоповреждающее поведение, характеризующееся удовлетворением от занятий экстремальным видом спорта (езда на мотоцикле на скорость, мотогонки), в нее вошло 10 человек, из которых 8 мужчин и 2 женщины; вторая – самоповреждающее поведение, характеризующееся нанесением себе телесных модификаций (татуировки), в нее вошло 10 человек, из которых 7 женщин и 3 мужчин; третья – самоповреждающее поведение, которое характеризуется желанием похудеть (диета), в нее вошли 10 женщин; четвертая – студенты, у которых не проявлялось самоповреждающее поведение, в нее вошло 20 человек, из которых 9 мужчин и 11 женщин.

Для проверки гипотезы и реализации поставленных задач были использованы методики:

1) опросник для выявления представления о самоповреждающем поведении И.Б. Бовина, А.Д. Гутник;

2) методика исследования самоотношения (МИС) В.В. Столина, С.Р. Пантелеева;

3) методика «Диагностика внутреннего конфликта» Е.Б. Фанталова;

4) методика диагностики потребности в поисках ощущений М. Цукерман;

5) методика «Исследование склонности к риску» А.Г. Шмелева.

В результате выявлено, что представления о самоповреждающем поведении в разных группах студентов, проявляющих такое поведение, отличаются.

Представления 1 группы о самоповреждающем поведении характеризуются удовлетворением от занятий экстремальным видом спорта (езда на мотоцикле на скорость, мотогонки), и они понимают под самоповреждающим поведением: употребление алкоголя 80 %, наркотики 80 %, физическая боль 70 %, суицид и травматизация 60 %.

Вторая группа, самоповреждающее поведение которых характеризуется нанесением себе телесных модификаций (татуировки), представляют под самоповреждающим поведением: курение 90 %, шрамирование и наркотики 80 %, зависимость, пирсинг и беспорядочные половые связи 60 %, физическая боль и стресс 50 %.

Третья группа, самоповреждающее поведение которых характеризуется желанием похудеть (диета), под самоповреждающим поведением понимают: курение 85 %, алкоголь 80 %, физическая боль 80 %, самовред 80 %, самоуродование 80 %, наркотики 70 %.

Четвертая группа – студенты, у которых не проявлялось самоповреждающее поведение, считают, что самоповреждающее поведение – это курение 90%, алкоголь 80 %, наркотики 80 %, суицид 70 %, татуировки 70 %, диета 65 %, экстрим и пирсинг 55 %.

Таким образом, выявлена общая закономерность для всех четырех групп студентов с разными видами самоповреждающего поведения – их представление о самоповреждающем поведении включает употребление алкоголя 80 %, наркотиков 80 %.

Студенты, которые характеризуются одним из видов самоповреждающего поведения, не включают свое увлечение и другие виды этого поведения в представления о самоповреждающем поведении. Студенты первой группы (езда на мотоцикле на скорость, мотогонки) не относят к понятию «самоповреждающее поведение»: экстрим, татуировки, диету; студенты второй группы (татуировщики), не включают: тату, экстрим, диету; студенты третьей группы (диета), не включают: диету, экстрим и тату. Только студенты четвертой группы, у которых не проявлялось самоповреждающее поведение, выделяют перечисленные нами виды – экстрим, диету и тату – в составе этого поведения.

В результате проведения исследования выявлено, что представления о самоповреждающем поведении студентов четырех групп включают: курение, алкоголизм, употребление психотропных веществ и суицидальные и эмоциональные проявления, что также является общим показателем представления о самоповреждающем поведении (см. табл. 1).

Таблица 1

**Различия между группами представлений о саморазрушающем поведении
(апостериорное сравнение групп по методу Шеффе)**

Зависимая переменная	(I) Самоповреждающее поведение	(J) Самоповреждающее поведение	Разница между средними (I-J)
Склонность к риску	мотоцикл	диета	9,50*
	тату	норма	5,60*
В поисках ощущений	мотоцикл	диета	7,50*
		норма	4,60*
Любовь	мотоцикл	тату	5,70*
Уверенность в себе	мотоцикл	норма	5,75*
		тату	-4,70*
Внутренний конфликт	мотоцикл	норма	-4,65*
Внутренний комфорт	мотоцикл	диета	-3,50*
		тату	3,70*
Твердая воля (Д)	мотоцикл	диета	3,60*
Доброта (Р)	тату	норма	3,30*
Благородство (Ц)	мотоцикл	норма	,95*
	тату	норма	4,60*
Благородство (Д)	мотоцикл	норма	4,80*
	тату	норма	4,20*
Вера в Бога (Ц)	тату	норма	4,60*
Вера в Бога (Д)	тату	диета	-3,80*
	диета	норма	-3,60*
Любовь к детям (Р)	диета	норма	3,05*
Наличие семьи (Ц)	тату	диета	,85*
Наличие семьи (Д)	тату	диета	-5,90*
	тату	диета	-5,00*

* различия между группами на уровне $P < 0,05$.

По результатам, представленным в таблице, видно, что склонность к риску в группе мотоциклистов более выражена, чем в группе студентов, сидящих на диете, и группе, у которой не проявляется самоповреждающее поведение (норма). Это можно объяснить тем, что мотоциклисты ездят на высокой скорости по автомагистралям, выезжают на встречное движение, катаются без шлемов и другой защиты, получают от этого увлечения удо-

вольствие и не считают свое поведение опасным для их здоровья.

У второй группы студентов (татуировки) склонность к риску выше относительно группы людей, сидящих на диете. В ситуации, когда студент решается модифицировать свое тело для преобразования, он сталкивается с различного рода риском: выбор тату салона, в котором будут соблюдены меры безопасности, чистые иглы, качественная краска, ведь если это бу-

дет не соблюдено, студент рискует своим здоровьем и может заразиться инфекционными (в том числе и венерическими) заболеваниями, которые передаются путем неоднократного использования иглы.

У студентов, увлеченных гонками на мотоциклах, во время езды вырабатывается адреналин, и им все больше хочется новых острых ощущений. Это позволяет рассматривать их поведение как наличие у данной группы респондентов более высокого уровня потребности в поисках острых ощущений по сравнению с другими группами.

Можно предположить, что они занимают более опасным видом самоповреждающего поведения и постоянно находятся в опасной для их жизни ситуации, поэтому потребность в любви у них выше, чем у группы студентов, у которых не проявлялось самоповреждающее поведение.

Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений) выше у групп студентов, которые наносят себе телесные модификации (татуировки) и которые сидят на диете, чем у группы студентов, которые получают удовлетворение от занятий экстремальным видом спорта (езда на мотоцикле). Это можно объяснить тем, что группы студентов (любители татуировок и сидящие на диете) меняют и украшают своё тело, чтобы оно больше нравилось им и подходило под те стандарты, которые являются предпочитаемыми в их социальной группе. Можно предположить, что внутренние противоречия возникают и у студентов, увлекающихся гонками на мотоциклах, так как в их окружении случаются негативные ситуации как с другими мотоциклистами, так и с ними

самими, и поэтому они в какой-то момент могут задумываться о том, стоит ли ездить без экипировки или выезжать на встречную полосу, и именно с этим они борются первое время. Также можно сказать, что студенты, увлекающиеся ездой на мотоцикле, косвенно привлекают внимание к своей внешности, они украшают свой мотоцикл, покупают яркую экипировку, при этом сами остаются как бы в тени своего мотоцикла.

Полученные результаты подтверждают различия между 12 изучаемыми показателями: склонность к риску, поиск новых ощущений, любовь, уверенность в себе, внутренний конфликт, внутренний комфорт, твердая воля, доброта, благородство, вера в Бога, любовь к детям, наличие семьи (см. табл. 2).

Склонность к риску у мотоциклистов оказалась самой высокой из всех показателей по сравнению с другими группами. В группе студентов, сидящих на диете, и в группе без проявления самоповреждающего поведения (норма) склонность к риску оказалась ниже.

У второй группы студентов (татуировки) склонность к риску выше относительно группы сидящих на диете. Каждый раз, когда студент решается модифицировать свое тело с целью преображения, он сталкивается с большим риском заражения в случае выбора тату-салона, в котором не соблюдаются правила безопасности и гигиены.

У респондентов, увлекающихся ездой на мотоциклах, наблюдается высокий уровень потребности в поиске острых ощущений, по сравнению с другими группами.

Таблица 2

**Различия между группами по всем показателям
(апостериорное сравнение групп по методу Шеффе)**

Зависимая переменная	(I) Самоповреждающее поведение	(J) Самоповреждающее поведение	Разница между средними (I-J)
Склонность к риску	мотоцикл	диета	9,50*
	тату	норма	5,60*
В поисках ощущений	мотоцикл	диета	7,50*
		норма	4,60*
Любовь	мотоцикл	тату	5,70*
Уверенность в себе	мотоцикл	норма	5,75*
		тату	-4,70*
Внутренний конфликт	мотоцикл	норма	-4,65*
		диета	-3,50*
Внутренний комфорт	мотоцикл	тату	3,70*
		диета	3,60*
Твердая воля (Д)	тату	норма	3,30*
Доброта (Р)	мотоцикл	норма	,95*
Благородство (Ц)	мотоцикл	норма	4,60*
	тату	норма	4,80*
Благородство (Д)	мотоцикл	норма	4,20*
	тату	норма	4,60*
Вера в Бога (Ц)	тату	диета	-3,80*
Вера в Бога (Д)	тату	диета	-3,60*
	диета	норма	3,05*
Любовь к детям (Р)	диета	норма	,85*
Наличие семьи (Ц)	тату	диета	-5,90*
Наличие семьи (Д)	тату	диета	-5,00*

* имеются значимые различия между группами на уровне $P < 0,05$.

Можно предположить, что занятия опасным видом самоповреждающего поведения заставляют их постоянно находиться в опасной ситуации, именно поэтому потребность в любви у них выше, чем у группы студентов, у которых не проявлялось самоповреждающее поведение.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Теоретический анализ исследо-

ваний в отечественной и зарубежной психологии показал, что нет четкой дифференциации форм отклоняющегося поведения. Авторы выделяют типы отклоняющегося поведения, которые не приводят человека к смерти, и типы, которые могут привести к потере жизни человека. Отклоняющееся поведение в основном рассматривается А.А. Зайченко, Т.Н. Горобец, Н.А. Польской, Н. Фейбероу как укло-

нение от социальных норм, правил, законов, которые приняты в социуме.

2. В отечественной и зарубежной психологии самоповреждающее поведение рассматривается преимущественно в структуре несуицидального аутоагрессивного или саморазрушающего поведения. Психологи относят к самоповреждающему поведению различные несуицидальные формы проявления (злоупотребление различными веществами, включая наркотики, алкоголь и табак; соматические заболевания; преступления; проституция; рискованные виды спорта).

3. На основании проведенного теоретического анализа под самоповреждающим поведением у студентов рассматривается один из способов самовыражения, самосовершенствования и привлечения внимания к личности.

4. Проведенное эмпирическое исследование представлений студентов о самоповреждающем поведении показало, что оно включает негативные явления, такие как: алкоголь, наркотики, курение, употребление психотропных веществ, суицидальные и эмоциональные проявления. При этом в это понятие студенты не включают собственное самоповреждающее поведение – похудание (диету), нанесение телесных повреждений (татуировки), занятия экстремальными видами спорта (мотогонки).

5. Доказано, что студенты, проявляющие самоповреждающее поведение, отличаются рядом психологических особенностей. Высокий уровень потребности в поиске ощущений выявлен у студентов, занимающихся экстремальным видом спорта (езда на мотоцикле на скорость, мотогонки).

Высокий уровень склонности к риску имеют студенты, самоповреждающее поведение которых характеризуется занятиями экстремальным видом (езда на мотоцикле на скорость, мотогонки) и нанесением себе телесных модификаций (татуировки).

6. Обнаружено сходство в значимости ценностей для студентов, проявляющих самоповреждающее поведение – выделение самооценности как наиболее важного компонента структуры личности в группах студентов, занимающихся экстремальным видом спорта (езда на мотоцикле на скорость, мотогонки), характеризующихся желанием похудеть (диета), и группой обычных студентов. Сходство выявлено у студентов всех групп по определению главных ценностей: здоровье и материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений).

7. Выявлены различия между группами студентов по показателю уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений). Уверенность в себе оказалась выше у студентов, которые наносили себе телесные модификации (татуировки) и сидели на диете, по сравнению со студентами, которые получали удовлетворение от занятий экстремальным видом спорта (езда на мотоцикле).

8. Выделено, что в каждой группе студентов наиболее важными являются разные ценности: у студентов, занимающихся экстремальным видом спорта, ведущая ценность – спорт, у студентов с нанесением телесных модификаций – жизнерадостность и интерес к живописи, у студентов с желанием похудеть – правдивость и искренность, у обычных студентов – любовь, мудрость и целеустремленность.

В ходе проведенной работы гипотеза нашего исследования подтвердилась. Представление о самоповреждающем поведении студентов детерминировано уровнем потребности в поисках ощущений, склонностью к риску, самоотношением как наиболее значимыми ценностями, которые по-разному проявляются в поведении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андронникова О.О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 68–81.
2. Бескова Д.А., Тхостов А.Ш. Телесность как пространственная структура // Междисциплинарные проблемы психологии телесности / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М., 2004. С. 133–148.
3. Бескова Д.А., Тхостов А.Ш. Телесность как пространственная структура // Междисциплинарные проблемы психологии телесности. М., 2004. С. 128–133.
4. Горобец Т.Н. Аутодеструктивное поведение человека и акмеологические условия его профилактики: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2007. 826 с.
5. Джемс У. Психология // Психология самосознания / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 2000. С. 20–27.
6. Зайченко А.А. Самоповреждающее поведение // Вызовы эпохе в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 22–23 ноября, 2007 г. Казань, Казанский государственный университет, 2007. С. 381–386.
7. Закондырина В.А. Взаимосвязь аутоагрессивного поведения и социально-психологической адаптации подростков: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 228 с.
8. Зверева М.В., Печникова Л.С. Самоповреждающее поведение у подростков в норме и при психической патологии // Клиническая и специальная психология. 2013. № 4. С. 18–29.
9. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003. 288 с.
10. Мельникова Л.А. Тагуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности: на материалах исследования молодежных субкультур города Владивостока: дисс. ... канд. культурол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2013. 186 с.
11. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов. СПб., 2005. 445 с.
12. Павленок П.Д., Руднева М.Я. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения: учеб. пособие / отв. ред. П.Д. Павленок. М., 2007. 185 с.
13. Польская Н.А. Предикторы и механизмы самоповреждающего поведения (по материалам исследований) // Психологический журнал. 2009. № 30 (1). С. 96–105.
14. Польская Н.А. Самоповреждающее поведение в клинической практике // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени Бехтерева. 2011. № 2. С. 58–69.
15. Попов Ю.В. Концепция саморазрушающего поведения как проявления дисфункционального состояния личности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medicus.ru/psyhiatry/specialist/konceptsiya-samorazrushayuschego-povedeniya-kak-proyavleniya-disfunkcionalnogo-sostoyaniya-lichnosti-23205.phtml> (дата обращения: 18.07.2016)
16. Работа с молодежью: история, ценности, ориентиры: материалы I Всероссийской заочной научно-практической конференции ученых, аспирантов, студентов, общественных деятелей с международным участием, Самара, 1.12.2013 / под общ. ред. Л.В. Вандышевой. Самара, 2013. 172 с.

17. Islamov Artem E., Rassolov Ilya M., Petunova Svetlana A., Albov Aleksey P., Zaikina Inna V., Shulga Tatiana I. Students' Tolerant Behavior Formation Mechanisms // IEJME-Mathematics Education, pp. 43–50.

REFERENCES:

1. Andronnikova O.O. Osnovnye kharakteristiki podrostkov s samopovrezhdayushchim viktimnym povedeniem [The Main Characteristics of Adolescents with Victimization Self-Destructive Behavior] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010, no. 332, pp. 68–81.
2. Beskova D.A., Tkhostov A.SH. Telesnost' kak prostranstvennaya struktura [Physicality as a Spatial Structure] Mezhdistsiplinarnye problemy psikhologii telesnosti [Interdisciplinary Problems of Psychology of Corporeality] / ed. V. P. Zinchenko, T. S. Levi. M., 2004, pp. 133–148.
3. Beskova D.A., Tkhostov A.SH. Telesnost' kak prostranstvennaya struktura [Physicality as a Spatial Structure] Mezhdistsiplinarnye problemy psikhologii telesnosti [Interdisciplinary Problems of Psychology of Corporeality]. M., 2004, pp. 128–133.
4. Gorobets T.N. Autodestruktivnoe povedenie cheloveka i akmeologicheskie usloviya ego profilaktiki: diss. ... dokt. psikhol. nauk [Self-Destructive Behavior and Acmeological Conditions for its Prevention: Thesis ... Doctor of Psychology]. M., 2007. 826 p.
5. Dzhems U. Psikhologiya [Psychology] Psikhologiya samosoznaniya [The Psychology of Consciousness] / ed. by D. J. Raygorodsky. Samara, 2000, pp. 20–27.
6. Zaichenko A.A. Samopovrezhdayushchee povedenie [Self-Destructive Behavior] Vyzovy epokhe v aspekte psikhologicheskoi i psikhoterapevticheskoi nauke i praktiki: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kazan', 22–23 noyabrya, 2007 g [The Challenges to the Epoch through the Aspect of Psychological and Psychotherapeutic Science and Practice: Proceedings of the Third All-Russian Scientific-Practical Conference, Kazan, Kazan State University, November 22–23, 2007]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyi universitet, 2007, pp. 381–386.
7. Zakondyrina V.A. Vzaimosvyaz' autoagressivnogo povedeniya i sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii podrostkov: dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [The Relationship of Adolescents' Self-Destructive Behavior and Socio-Psychological Adaptation: Thesis...PhD in Psychology]. M., 2009. 228 p.
8. Zvereva M.V., Pechnikova L.S. Samopovrezhdayushchee povedenie u podrostkov v norme i pri psikhicheskoi patologii [Adolescents' Self-Destructive Behavior in Norm and Mental Pathology] // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. 2013, no. 4, pp. 18–29.
9. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya): ucheb. posobie dlya studentov vysshego uchebnogo zavedeniya [Deviantology (Psychology of Deviant Behavior): Textbook for Students of Higher Educational Institutions]. M., 2003. 288 p.
10. Mel'nikova L.A. Tatuirovka kak forma reprezentatsii sotsiokul'turnykh kodov vizual'nosti: na materialakh issledovaniya molodezhnykh subkul'tur goroda Vladivostoka: diss. ... kand. kul'turolog. nauk [Tattoo as a Form of Social and Cultural Visual Codes Representation: on the Study of Youth Subcultures of the City of Vladivostok: Thesis ...of Candidate of Culturology]. Komsomolsk-on-Amur, 2013. 186 p.
11. Mendelevich V.D. Psikhologiya deviantnogo povedeniya : uchebnoe posobie dlya vuzov [Psychology of Deviant Behavior : Textbook for Universities]. SPb., 2005. 445 p.
12. Pavlenok P.D., Rudneva M.YA. Sotsial'naya rabota s litsami i gruppami deviantnogo povedeniya: ucheb. posobie [Social Work with Individuals and Groups of Deviant Behavior: Textbook]. M., 2007. 185 p.

13. Pol'skaya N.A. Prediktory i mekhanizmy samopovrezhdayushchego povedeniya (po materialam issledovaniy) [Predictors and Mechanisms of Self-Destructive Behavior Behavior (Research Materials)] // Psikhologicheskii zhurnal. 2009, no. 30 (1), pp. 96–105.
14. Pol'skaya N.A. Samopovrezhdayushchee povedenie v klinicheskoi praktike [Self-Destructive Behavior in Clinical Practice] // Obozrenie psikhologii i meditsinskoi psikhologii imeni Bekhtereva. 2011, no. 2, pp. 58–69.
15. Popov Yu.V. Kontseptsiya samorazrushayushchego povedeniya kak proyavleniya disfunktsional'nogo sostoyaniya lichnosti [Elektronnyi resurs]. [The Concept of Self-Destructive Behavior as A manifestation of Dysfunctional State of a Person [Electronic Source]]. URL: <http://www.medicus.ru/psiyhiatry/specialist/koncepciya-samorazrushayushchego-povedeniya-kak-proyavleniya-disfunktsionalnogo-sostoyaniya-lichnosti-23205.phtml> (request date: 18.07.2016).
16. Rabota s molodezh'yu: istoriya, tsennosti, orientiry : Materialy I Vserossiiskoi zaочноi nauchno-prakticheskoi konferentsii uchenykh, aspirantov, studentov, obshchestvennykh deyatelei s mezhdunarodnym uchastiem (Samara, 1 dekabrya 2013 goda) [Working with Youth: History, Values, and Guiding Lines: Proceedings of the I All-Russian Correspondence Scientific-Practical Conference of Scientists, Graduate Students, and Public Figures with International Participation, Samara, 1.12.2013]. Samara, 2013. 172 p.
17. Islamov Artem E., Rassolov Ilya M., Petunova Svetlana A., Albov Aleksey P., Zaikina Inna V., Shulga Tatiana I. Students' Tolerant Behavior. Formation Mechanisms // IEJME-Mathematics Education, pp. 43–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хрупова Алёна Николаевна – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: alena_hrupova@mail.ru

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: shulgatatiana@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khrupova Alyona N. – Post-Graduate Student, the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University;
e-mail: alena_hrupova@mail.ru

Shulga Tatyana I. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University;
e-mail: shulgatatiana@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Хрупова А.Н., Шульга Т.И. Представления студентов о самоповреждающем поведении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 101–113.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-101-113

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Khrupova, T. Shulga. Students' Considerations of Self-injurious Behavior // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 101–113.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-101-113

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК:159.964.28

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-114-122

РАЗЛИЧИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Баурина А.Б.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. На основе теоретического анализа отечественной литературы по психологии делается предположение о существовании различий в психологических особенностях личности студентов технических и художественных специальностей. С опорой на теоретическое предположение было проведено эмпирическое исследование с целью выявления существующих особенностей. Полученные данные позволили сделать вывод о том, какие существуют психологические различия у студентов инженерных и художественных специальностей, а также проанализировать возможные причины возникновения их личностных особенностей.

Ключевые слова: особенности личности, художественная деятельность, техническая деятельность, инженеры, художники.

DIFFERENCES IN PSYCHOLOGICAL MAKE-UP OF STUDENTS OF TECHNICAL AND ARTISTIC SPECIALTIES

A. Baurina

*Moscow State Regional University
10A, Radio str, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. Basing on theoretical analysis of the domestic psychological literature the author infers that there are some differences in psychological make-up of students studying technics and arts. This theoretical assumption has become the basis for an empirical study. The purpose of the study was to identify the existing specifics. The data obtained allowed to enumerate certain psychological differences between students-engineers and students-artists. The possible reasons for occurrence of their psychological specifics are analyzed.

Key words: personality characteristics, artistic activities, technical activities, engineers, artists.

Большинство отечественных авторов сходится во мнении, что определяющим в развитии личностных особенностей человека является образ жизни и его деятельность (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, С.А. Рубинштейн и др.). Это напрямую относится и к профессиональной деятельности, которая детерминирует личностные особенности субъектов, их профессиональную мотивацию (Е.А. Климов) [2]. Ряд авторов рассматривает условия социальной среды как ресурс профессиональной успешности субъектов [6]. Часть исследований посвящена изучению внутренней мотивации профессиональной деятельности, которая способствует активному поиску и разрешению объективных и субъективных противоречий, возникающих в ней [4]. Однако сама профессиональная деятельность возникает и развивается в зависимости от потребностей в ней общества в определенный исторический период [7].

Соответственно, можно предположить, что социальные мотивы профессиональной деятельности в момент ее возникновения предположительно сохранились в этой деятельности и сегодня. Как пишет М.О. Резванцева: «предметное действие разворачивается в субъект-субъектном поле отношений. Конечная цель и реализация мотива действия имеют для субъекта социальное значение» [5, с. 45]. Появляется возможность связать интерпретацию предполагаемых различий в личностных особенностях у студентов старших курсов художественных и технических специальностей с рассмотрением социальных мотивов будущей

профессиональной деятельности. По мнению В.К. Шабельникова, рассогласования в обществе в определенный исторический период задают функциональную направленность деятельности субъектов, влияющую на особенности личности, которые и выступили объектом нашего исследования.

Его цель: выявить различия в психологических особенностях личности студентов технических и художественных специальностей. В исследовании принимали участие две группы испытуемых (30 человек): студенты технических специальностей 5–6 курсов факультета машиностроительных технологий Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана и студенты факультета ИЗО и НР 4–5 курсов Московского государственного областного университета. Для реализации поставленной цели в исследовании были использованы следующие методики: методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации (УН); методика диагностики эмоциональности по В.М. Русалову; методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях»; самооценочный тест «Характеристики эмоциональности»; методика Тид (тревожность и депрессия).

Анализ результатов исследования показал наличие значимых различий по ряду показателей в психологических особенностях личности студентов технических и художественных специальностей, которые представлены на рис. 1.

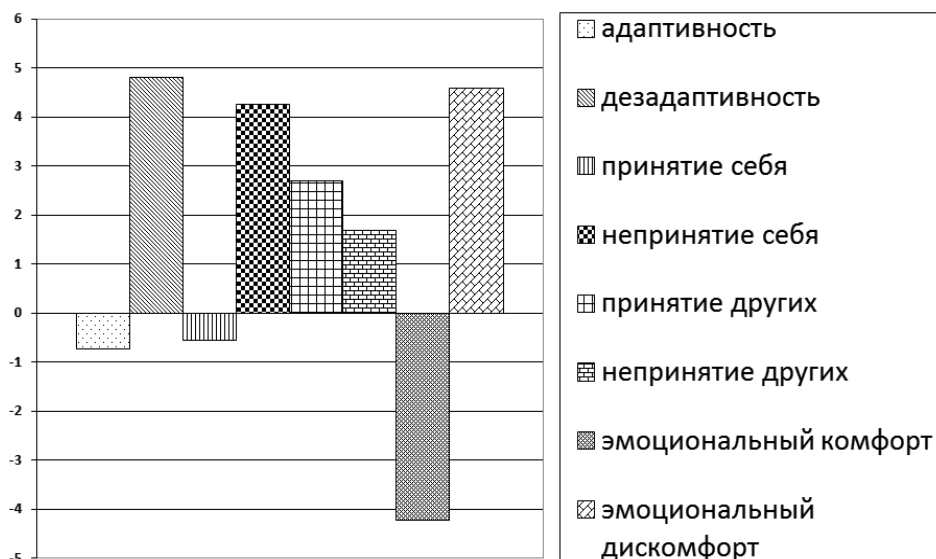

Рис. 1. Итоговая диаграмма значимых различий (t-критерий Стьюдента) в личностных качествах студентов технических и художественных специальностей

Из диаграммы (рис. 1) следует, что наибольшие различия в исследуемых параметрах получились по шкалам: дезадаптивность, эмоциональный дискомфорт, неприятие себя, эмоци-

ональный комфорт. По шкале «принятие других» различия меньше, но также являются значимыми ($p < 0,01$).

Итоговые результаты по всем методикам приведены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение личностных особенностей студентов технических и художественных специальностей

Шкала	Инженеры	Художники
Эмоциональный комфорт	высокий	средний
Эмоциональный дискомфорт	низкий	высокий
Эмоциональная возбудимость	низкая	средняя
Интенсивность эмоций	средняя	высокая
Психомоторная эмоциональность	низкая	средняя
Интеллектуальная эмоциональность	низкая	средняя
Коммуникативная эмоциональность	низкая	средняя
Общая эмоциональность	ниже нормы	нормальная
Эмоционально ориентированный копинг	низкий	высокий
Копинг избегание	средний	высокий
Копинг отвлечение	средний	высокий
Копинг социальное отвлечение	средний	высокий
Тревожность	низкая	высокая
Невротизм	низкий	средний
Принятие других	высокое	высокое
Непринятие себя	низкое	высокое
Дезадаптивность	низкая	средняя

Как показано в табл. 1, будущим инженерам свойственны: низкая тревожность, эмоциональный комфорт, принятие себя, адаптивность, низкий уровень эмоциональности, рациональное поведение в стрессе, в то время как для художников характерны высокий уровень тревожности, эмоциональный дискомфорт, непринятие себя, дезадаптивность, высокий уровень эмоциональности, эмоциональное поведение в стрессе.

Полученные результаты можно сопоставить с исследованием М.М. Алеевской и О.А. Ананьевой [1], изучавших ценностные ориентации программистов и художников. У авторов наибольшие различия получились по шкале безопасности, а именно: у художников, в силу их тревожности, дезадаптивности, эмоциональной неустойчивости потребность в безопасности значительно выше, чем у программистов. На наш взгляд, это исследование дополняет наши результаты. Однако почему художники, занимаясь творческой деятельностью, обладают повышенной тревожностью, дезадаптивностью и эмоциональной неустойчивостью? На первый взгляд, данные кажутся странными, если учесть, сколько копий сломано в педагогике на развитии творческих способностей у учеников, вместе с которыми они приобретают и подобный набор личностных качеств, но это только на первый взгляд.

Для объяснения полученных различий необходимо использовать положения теории развивающего обучения В.В. Давыдова и Д.Б. Эльконина, согласно которой для раскрытия функциональных признаков понятий необходимо исследовать условия их

порождения и функцию исследуемых явлений в системе отношений. Для того чтобы понять, почему выявлены определенные качества личности у будущих художников и инженеров, следует обратиться к условиям возникновения и развития технической и художественной деятельности в обществе. Ведь, как известно из работ А.Н. Леонтьева, деятельность определяет личность [3].

Эпоха реформации, одной из характерных черт которой была вера в прогресс и всемогущество разума, породила тип активного предприимчивого человека, стремящегося достичь успеха в бизнесе и карьере. В культуре этого времени качества личности оценивались в зависимости от положения человека в общественной структуре, от внешних социально признанных показателей его успеха, от достигнутого богатства, социального статуса или каких-либо иных внешних атрибутов личности. Надлом ценностной системы Нового времени произошёл в период XIX–XX вв., период мировых войн, экологических бедствий и техногенных катастроф. Антропоцентрическая картина мира сменилась на гелиоцентрическую (Х. Кюнг), модернистская вера в разум уступила место интерпретативному мышлению (Р. Тарнас). В XIX в. рождается иная личность, разочарованная во всемогуществе человека и науки, не видящая смысла в погоне за успехом и самоутверждением. В современном слое культуры критерием оценки человека становятся его собственные личностные качества: ум, талант, духовность, креативность и т. п., они становятся показателями социальной успешности. Оппозиция к социальной культуре и психологии

масс, отстраненность, становятся условиями этой культуры.

Анализируя полученные результаты, мы видим, что не все типы профессий требуют от современного человека включения в современный новый слой культуры. Становление хорошего профессионала в технических профессиях вовсе не требует отказа от мотивов и ценностей, возникших в культуре XVII–XVIII вв. Возможно, даже наоборот, излишняя склонность к самокопанию, непринятие себя, тревожность, понимание ограниченности собственных возможностей, не включенность в социум могут стать помехами для успеха в практической деятельности.

Для наглядности сравним творческую составляющую в технической и художественной деятельности. Научно-техническое творчество основывается на очевидной необходимости, поэтому имеет вполне определенный объект поиска, что способствует постановке конкретной задачи, которая легко проверяется практикой. Художественное творчество, направленное на преобразование духовного мира человека, не имеет такой «очевидной» задачи. Художнику требуется самостоятельный анализ духовных потребностей индивидуума в социуме и выбор того содержания и формы подачи материала в каждом произведении, которые соответствуют конкретному времени и будущей необходимости в духовном развитии человека в стремительно меняющейся реальности. Продукт технического творчества имеет конкретный, материальный результат, в то время как произведения искусства сами по себе «конкретны лишь формально», результат их реального воз-

действия на умы и души людей трудно подвергнуть точному измерению.

Художественная деятельность изначально подразумевает особые задачи, цели. Главный компонент, который на наш взгляд, задает специфику всей деятельности – это ориентировочная составляющая, направленная на преобразование и изменение мотивов и ценностей. Так, в процессе художественного творчества закладываются особенности личности, связанные с развитием качеств, без которых успешное профессиональное становление не представляется возможным.

Творческая составляющая в художественной деятельности заставляет художника быть впечатлительным и ранимым, ему становится свойственна тонкая чувствительность и глубокие эмоциональные реакции. Художника волнуют человеческие чувства, переживания и метания окружающих его людей. Он оказывается ранимым, отзывчивым к чужой судьбе или несчастьям, пропуская их «через себя» и воплощая их в картинах, скульптурах или текстах. Проблемы окружающей действительности проявляются миру через руку и сердце художника. Особая чувствительность натуры, необходимая в кризисных ситуациях для ориентировочной деятельности, ведет к тому, что житейские неприятности переживаются художниками довольно остро; эмоциональные потрясения оказывают на них сильное воздействие, вызывают разного рода реакции от бурного восторга до состояния бьющей через край тревоги.

Любые переживания задевают их до такой степени, что они пребывают в состоянии сильного психического перенапряжения: события окружающей

действительности могут легко растрогать их, развеселить и привести в отчаяние. Художников особенно сильно захватывают моменты, когда речь идет о значимых для них событиях, ситуациях, вдохновляющих их к творчеству. В творческой деятельности существует возможность творить – создавать новые и необычные формы жизни, разрушая старые стереотипы, к которым человек был так долго привязан. В современных исследованиях подтверждаются важность для художников быть толерантными к неопределенности и необходимость использовать интуицию [7]. Когда человек творит, это вызывает у него тревогу как реакцию на неопределенность будущего, как некий трепет, слившийся со страхом, возникающий у человека в момент ожидания того, что, возможно, может произойти. Еще Кьеркегор писал, что тревога возникает тогда, когда перед человеком раскрываются новые возможности, меняющие прежние представления человека. Когда человек ощущает присутствие в себе творческих способностей, он начинает испытывать тревогу. Актуализация этих способностей, по словам Отто Ранка, влечет за собой установление нового порядка вещей, в результате чего может возникнуть произведение искусства.

Таким образом, творческая составляющая в художественной деятельности несет в себе один из источников возникновения тревожного состояния, которое снимается в законченном произведении.

Инженеры по полученным данным имеют низкие показатели тревожности, устойчивость к стрессу: только четверть из них считает, что часто подвергается стрессу. По признанию сту-

дентов – представителей технических профессии практически единственное, что может вывести их из себя, это глупость окружающих: «Испытываю стрессы особенно часто, когда сталкиваюсь с глупостью и навязчивостью». К числу качеств, необходимых в технической деятельности, в большинстве случаев относится эмоциональная устойчивость, что подтверждается результатами эксперимента. Инженерам не свойственны частые смены настроения, взлеты и падения, как людям художественных специальностей, которые сопровождаются острым переживанием собственных кризисов, являются еще одним фактором повышения тревожности и эмоционального дискомфорта.

Художнику очень трудно вписаться в общественную структуру, что проявляется в плохой адаптивности в социуме, так как деятельность художника менее всего определяется влиянием какого-либо коллектива, направленного на выполнение частной и неизменной общественной функции. Деятельность создателя нового видения организуется на основе глубокой интериоризации личностью наиболее общих и современных противоречий социального движения. Художник обязательно должен опережать массу современников в своем видении и переживании общественных проблем, и в этом смысле его мироощущение находится в расхождении с взглядами окружающих его людей. Выход творческой личности за пределы принятых схем понимания явлений есть необходимый момент творческой деятельности.

Для сравнения представим совсем иной тип личности, свойственный техническим специальностям,

без острого неприятия и отрицания общественных проблем. Техническую деятельность порождают конкретные социальные заказы в более совершенных машинах и механизмах, поэтому люди технических специальностей в большинстве своем работают на определенную цель. Они не противостоят культуре своего слоя общества, наоборот, чувствуют его поддержку, что придает уверенность им в их творческой деятельности и что позволяет им меньше испытывать тревогу.

Таким образом, в случае совпадения мотивации личности и общества мы видим человека, включенного в группу, хорошо адаптированного в социуме, как инженеры. В то время как расхождение мотивации личности и общества характеризует личность, неудовлетворенную принятыми в обществе взглядами и ценностями, как художники.

Резюмируя полученные данные, можно сказать, что выявлены различия в личностных особенностях между студентами старших курсов технических и художественных специальностей по параметрам адаптивности, тревожности, эмоциональности. Эти различия порождаются той деятельностью, которой занимаются субъекты в процессе обучения. Техническая деятельность направлена на решение реальных практических задач. Главная функция технической деятельности – создание машин и механизмов, т. е. орудий для овладения и преобразования природы. Основной мотив технической деятельности – мотив самоутверждения в обществе за счет покорения природы с помощью машин и механизмов, поэтому занятия технической деятельностью (напомним, что мы исследовали студентов) способствует развитию хоро-

шей адаптивности в обществе, активной жизненной позиции, уверенности в себе. В отличие от художников, инженерам свойственен низкий уровень тревожности, эмоциональная устойчивость, рациональное поведение, которые позволяют хорошо справляться с практическими задачами технической деятельности.

Наиболее важная функция художественной деятельности заключается в ее «ориентировочной» составляющей, т. е. «предчувствование» и предугадывание направлений изменения общества, преобразование и перестройка мотивов и смыслов средствами искусства. Основные существенные особенности личности, необходимые для ориентировочной деятельности в художественном творчестве: согласованность личности, дисгармония, являющаяся основным мотивом к творчеству, повышенная тревожность, склонность к депрессиям, невротизм, вынуждающие художника посредством своей деятельности снимать эти напряжения, создавая художественные образы. Отстраненность от социума из-за трудностей приспособления, плохой адаптивности создает дистанцию между художником и обществом, которая позволяет видеть происходящие изменения, чувствовать тенденции будущего. Богатая внутренняя жизнь, связанная с сильными эмоциональными переживаниями, как хорошими (любовь к миру, окружающим, природе), так и плохими (неуверенность в себе, неприятие себя и других, разочарования, тревога о будущем), является необходимым условием для создания неразрывно связанных с личностью творца уникальных художественных образов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алеевская М.М., Ананьева О.А. Особенности ценностных ориентаций представителей разных профессий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 92–103.
2. Климов Е.А. Психология профессионала. М., 1996. 400 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
4. Назаров О.В., Чистоходова Л.И. Основные аспекты творчества в профессиональной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 1. С. 131–134.
5. Резванцева М.О. Социально-психологические характеристики оценивания объектов в процессе формирования. М., 2012. 218 с.
6. Условия социальной среды как ресурсы профессиональной успешности субъектов. В.А. Толочек и др. // Вестник Московского университета. Серия: 14. Психология. 2015. № 4. С. 39–55.
7. Шабельников В.К. Функциональная психология. М., 2004. 592 с.

REFERENCES

1. Aleevskaya M.M., Anan'eva O.A. Ocobennosti tsennostnykh orientatsii predstavitelei raznykh professii [Peculiarities of Value Orientations of Representatives of Different Professions] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2016, no. 2, pp. 92–103.
2. Klimov E.A. Psikhologiya professionala [Professional Psychology]. M., 1996. 400 p.
3. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activities. Consciousness. Personality]. M., 1975. 304 p.
4. Nazarov O.V., Chistokhodova L.I. Osnovnye aspekty tvorchestva v professional'noi deyatel'nosti [Main Aspects of Creativity in Professional Activities] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2012, no. 1, pp. 131–134.
5. Rezvantseva M.O. Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki otsenivaniya ob"ektov v protsesse formirovaniya [Socio-Psychological Characteristics of Evaluating Objects in the Process of Development]. M., 2012. 218 p.
6. Usloviya sotsial'noi sredy kak resursy professional'noi uspeshnosti sub"ektov [The Conditions of Social Environment as Resources for Professional Success of Subjects] V.A. Tolochek and oth. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: 14. Psikhologiya. 2015, no. 4, pp. 39–55.
7. Shabel'nikov V.K. Funktsional'naya psikhologiya [Functional Psychology]. M., 2004. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баурина Александра Борисовна – старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: arb1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra Baurina – Senior Lecturer of the Department of General and Pedagogic Psychology, Moscow State Regional University;
e-mail: arb1@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Баурина А.Б. Различия в психологических особенностях личности студентов технических и художественных специальностей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 114–122.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-114-122

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Baurina. Differences in psychological make-up of students of technical and artistic specialties // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. Pp. 114–122.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-114-122

УДК 376.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-123-137

ПРОЯВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ У ВЫПУСКНИКА ДЕТСКОГО ДОМА: ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТА*

Бобылева И.А., Заводилкина О.В.

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО

105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, Российская Федерация

Благотворительный фонд социальной помощи детям «Расправь крылья!»

105062, Москва, улица Покровка, дом 42, строение 5, офис №1, Российская Федерация

Аннотация. В статье показано, как меняется информация о выпускнике в зависимости от фокуса внимания специалиста сопровождения. Новая профессиональная задача – описывать проявления самостоятельности выпускников – приводит к тому, что специалист начинает обращать внимание на действия выпускника, которые тот совершает ради изменения своей жизненной ситуации, видеть его позитивные качества. Это создает условия для эффективного взаимодействия специалиста и выпускника.

Ключевые слова: выпускники детских домов, выпускники замещающих семей, жизненная ситуация, самостоятельность, готовность к самостоятельной жизни, сопровождение выпускников, специалист сопровождения, значимые стимулы внимания, избирательная направленность внимания.

MANIFESTATIONS OF ORPHANAGE GRADUATES' SELF-DEPENDENCE: A VIEW OF A SPECIALIST

I. Bobyleva, O. Zavodilkina

Institute for the Study of Childhood, Family and Education

5/16, Makarenko str., Moscow, 105062, the Russian Federation

Charity Fund of Social Assistance to Children "Spread your Wings!"

42, building 5, office №1, Pokrovka str, Moscow, 105062, the Russian Federation

Abstract. The article shows the way the information about the graduate varies depending on a support specialist's focus of attention. The new professional challenge is to describe the manifestations of graduates' self-dependence. That makes a specialist to pay more attention to what the graduate makes for changing his life-situation and see his positive qualities. This creates certain conditions for effective interaction between a specialist and a graduate.

© Бобылева И.А., Заводилкина О.В., 2016.

* Статья выполнена в рамках Проекта 5.3 Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. «Современная семья как субъект воспитания и социализации» по теме НИР «Социально-педагогическое сопровождение детей, оставшихся без попечения родителей».

Key words: graduates of orphanages, graduates of foster families, life-situation, self-dependence, readiness for independent living, support for graduates, support specialist, significant attention incentives, selective focus of attention.

Понятие «выпускник» обычно относится к людям, окончившим определенное учебное заведение. Применительно к сиротам, выпускниками считают тех, в отношении кого прекращены все формы попечения. Для них завершен период пребывания в организации для детей, оставшихся без попечения родителей, или замещающей семье. Это означает начало нового жизненного этапа, изменение всех жизненных условий. Не все выпускники готовы к резкому переходу в условия полной самостоятельности после нахождения под надзором в организации или воспитания в семье. Большинство из них (по оценкам экспертов до 75 %) нуждаются в сопровождении, которое обеспечит постепенность этого перехода и профилактику социальной дезадаптации [1; 7; 11; 18; 19; 20].

Под сопровождением мы понимаем совместную деятельность выпускника и специалиста (взрослого), в которой действия выпускника направлены на позитивные изменения в его жизненной ситуации, а действия специалиста – на создание условий для роста самостоятельности выпускника.

Эффективность сопровождения обеспечивается соблюдением технологии, построенной на основе сочетания профилактического, личностного, системно-ориентационного и деятельностного подходов. Профилактический подход устанавливает необходимость подготовки выпускника к самостоятельной жизни с целью увеличения его стартовых возможностей

[5; 8; 9]. Личностный подход определяет индивидуализацию как необходимое условие сопровождения [4]. Системно-ориентационный подход подчеркивает право субъекта самостоятельно совершать выбор и нести за него ответственность, а также наличие у субъекта внутреннего потенциала для развития [10; 15]. Деятельностный подход определяет деятельность как место формирования, проявления и развития самостоятельности.

Кроме того, имеет значение наличие у специалиста, сопровождающего выпускника, когнитивно-социальных компетенций, особенно умения управлять своим вниманием в ситуациях взаимодействия с выпускником.

Для построения системы выводов относительно конкретного социального объекта, в том числе и другого человека, необходимо в каждой конкретной социальной ситуации отобрать значимые стимулы. Сделать такой выбор – значит направить внимание на что-то определенное. Направленность внимания в социальных ситуациях зависит от ситуативных и личностных факторов. К ситуативным факторам относится т. н. «выпуклость» – заметность, броскость того или иного социального явления, по аналогии с установленным в гештальттеории фактом привлечения внимания прежде всего к фигуре, а не к фону. К личностным факторам направленности внимания в социальных ситуациях относятся потребности и ожидания. В данном случае внимание приковывается к тому, что в большей степени связано с по-

требностями или ожиданиями человека, выбор направления внимания часто совершается сознательно в отличие от феномена «выпуклости» [2, с. 110–114].

Кроме того, в ситуациях социального взаимодействия направление внимания может быть задано извне, т. е. мы можем говорить о произвольном внимании как о полностью контролируемом процессе.

Приведем примеры, как вышеперечисленные факторы проявляются в обыденной жизни. Если среди попутчиков присутствует человек с необычным цветом волос, то, в соответствии с фактором «выпуклости», именно он будет привлекать внимание и запомнится лучше других. Если среди фотографий людей, с которыми придется сидеть за одним столом, будет фотография того, с кем предстоит также жить в одной комнате, именно эта фотография будет изучаться дольше всего, так как существует потребность в информации. Если у работника стоит задача следить за соблюдением дресс-кода, именно на внешнем виде сотрудников будет сосредоточено его внимание.

Внимание к одним объектам или фактам и игнорирование других присуще человеку и в профессиональной деятельности. Рассмотрим, как это проявляется в деятельности специалистов, работающих с выпускниками. Все формы отчетности о положении выпускников содержат данные об их занятости и жилищной ситуации, а сведения об их увлечениях и личных качествах, как правило, в эти формы не входят. Можно предположить, что осведомленность специалистов по пунктам, входящим в отчетность, будет

выше, чем по пунктам, не входящим в нее, исходя из их потребности предоставлять отчеты. Мы попросили 47 специалистов, работающих с выпускниками, со стажем работы от одного года до десяти лет указать процент выпускников, о которых они знают:

- как у них обстоят дела с жильем (входит в отчетность);
- где они учатся или работают (входит в отчетность);
- чем увлекаются (не входит в отчетность);
- какие положительные качества они имеют (не входит в отчетность).

Результаты опроса представлены в табл. 1.

Как и ожидалось, осведомленность специалистов по пунктам, входящим в отчетность, оказалась выше, чем по пунктам, в нее не входящим. Для удобства сравнения рассмотрим осведомленность специалистов по отношению к большей части своих выпускников (55 % выпускников и выше). Информацией о жилищной ситуации и месте учебы (работы) такого количества выпускников владеют большинство (88 %) специалистов, принявших участие в опросе, об увлечениях и хобби этих выпускников знают половина опрошенных специалистов (52 %), назвать положительные качества такого количества выпускников могут 38 %.

Назвать три положительных качества одного конкретного выпускника, по своему выбору, смогли 74 % специалистов, принявших участие в опросе.

Перечислим качества, наиболее часто встречающиеся в описаниях выпускников: «ответственность» (назвали 47 % специалистов), «доброта» (включили в описание 29 % специалистов), «трудолюбие», «спортивность»,

Таблица 1

Характеристики осведомленности специалистов о разных сферах жизни выпускников, с которыми они работают

Укажите процент выпускников, с которыми Вы работаете:	Доля специалистов, выбравших вариант ответа:							
	для всех	от 70% до 95%	от 55% до 70%	от 40% до 55%	от 25% до 40%	от 10% до 25%	менее 10%	ни о ком
о которых Вы знаете как у них обстоят дела с жильем	38%	38%	12%			8%	4%	
о которых Вы знаете где они учатся или работают	24%	52%	12%		4%	4%	4%	
о которых Вы знаете чем они увлекаются		20%	32%	20%	8%	16%	4%	
чьи положительные качества Вы знаете и можете сразу назвать	8%	11%	19%	46%	8%	4%	4%	

«отзывчивость», «целеустремленность», «порядочность» (каждое указали 18 % специалистов), «заботливость», «спокойствие», «рассудительность», «вежливость» (каждое включили в описание 12 % специалистов).

Назывались такие качества, как «храбрость», «инициативность», «серьезность», «чистоплотность», «практичность», «настойчивость», «ум», «внимательность», «пунктуальность», «юмор», «позитивность».

Отметим, что поставленная задача (указать положительные стороны выпускника) оказалась непривычной для специалистов, склонных описывать проблемы и признаки дезадаптации выпускников.

Очевидно, что у специалистов существует набор значимых стимулов, т. е. того, на что они обращают внимание прежде всего при взаимодействии с выпускником. Этот набор частично задан извне (например, пунктами отчетности, как было показано выше), частично – ожиданиями самого специалиста, базирующимися на пре-

дыдущем опыте работы или при его отсутствии на распространенном в профессиональном сообществе «образе выпускника». Свой первый контакт с выпускником специалисты строят, исходя из стратегии помощи выпускнику в решении имеющихся у него проблем, в наличии которых не сомневаются, и представлений о неспособности выпускника самостоятельно и с ними справиться.

Самостоятельность означает такой характер связи человека и ситуации, который допускает свободу деятельности человека, свободу проявлений его активности, выбора вариантов его поведения и возможного воздействия на ситуацию [6; 13; 14; 17].

При этом по точному замечанию С.Л. Рубинштейна: «Самостоятельность субъекта никак не исчерпывается способностью выполнять те или иные задания. Она включает более существенную способность самостоятельно, сознательно ставить перед собой те или иные задачи, цели, определять направление своей деятельности» [16, с. 240].

В задачи нашего исследования входило оценить, какие изменения произойдут в отчетах специалистов, если их внимание сознательно обратить на проявления самостоятельности выпускников, предложив фиксировать:

– результаты продуктивных действий выпускника (что было сделано, совершено выпускником);

– изменения, которые произошли в повседневных практических действиях выпускника;

– изменения в «Я-концепции» выпускника.

Необходимо отметить, что для привлечения внимания специалистов к проявлениям самостоятельности выпускников авторами статьи был проведен вебинар «Как увидеть шаги к самостоятельности выпускника», одним из результатов которого стало внесение в ежеквартальные отчеты вышеуказанных пунктов.

Объектом анализа стали отчеты специалистов 9 муниципальных служб сопровождения Белгородской области до (отчеты за четвертый квартал 2015 г.) и после внесения новых пун-

ктов о проявлении самостоятельности (отчеты за первый квартал 2016 г.).

Отчет службы заполняется по единой для всей области форме и представляет собой электронный документ, объединяющий сведения об изменениях в жизненной ситуации всех выпускников, находящихся на сопровождении, и данные о проделанной работе за квартал.

Группы выпускников, работа с которыми отражена в отчетах за кварталы, имеют очень близкие характеристики по общей численности и возрасту. Незначительное расхождение в структуре, в 2 %, наблюдается по полу (см. табл. 2). Так, общая численность составляла в обоих случаях около 500 человек, выпускников всех форм попечения (организаций для детей-сирот и замещающих семей), находящихся на индивидуальном сопровождении в муниципальных службах Белгородской области. Большинство из них (89 %) были совершеннолетними. Девушек немного больше, чем юношей: на 6 % в первом срезе и на 10 % – во втором.

Таблица 2

Структура группы выпускников, с которыми велась работа в квартале

Показатели характеристики	4 квартал 2015 год	1 квартал 2016 год
Общее количество	489 человек	486 человек
Совершеннолетние	89%	89%
Несовершеннолетние	11%	11%
Юноши	47%	45%
Девушки	53%	55%
Несовершеннолетние юноши	8%	7%
Несовершеннолетние девушки	3%	4%
Совершеннолетие юноши	40%	38%
Совершеннолетие девушки	49%	51%

Сравнительный анализ квартальных отчетов показал, что включение в значимые для внимания специалиста стимулы проявлений самостоятельности выпускников вызвало количественные и качественные изменения в содержании отчетов специалистов.

Рассмотрим эти изменения. В отчетах за первый квартал 2016 г. количество единиц внесенной информации о выпускниках выросло более чем в 2 раза, со 165 до 391 (см. табл. 3). При этом число упоминаний специалистами позитивных качеств и навыков выпускников, которые они проявили за отчетный период, увеличилось с 13 до 109, их доля в общей информации о выпускнике возросла с 8 % до 28 %. Подавля-

ющее большинство этих качеств (84 %) характеризует бытовые навыки: «регулярно оплачивает коммунальные услуги», «рационально использует денежные средства», «поддерживает чистоту в комнате». Заметим, что речь идет не о разовом действии, например, «заплатил долг» или «сделал уборку в комнате», а именно о регулярном выполнении.

Каждое десятое качество, включенное в отчеты за первый квартал 2016 г., характеризует выпускника как проявляющего заботу к другим: «заботится о бабушке», «заботится о младшем брате», «заботится о ребенке» и т. д. В отчетах за четвертый квартал 2015 г. такие описания не встречались совсем.

Таблица 3

Области проявлений самостоятельности

Области	4 квартал 2015 год			1 квартал 2016 год		
	Количество	Доля	Рейтинг	Количество	Доля	Рейтинг
Совершение действий	36	22%	2	34	9%	3
Планирование	9	5%	5	22	6%	4
Проявление качеств и навыков	13	8%	3	109	28%	2
Взаимодействие со специалистом	10	6%	4	17	4%	5
Изменение ситуации в целом	97	59%	1	209	53%	1
Итого	165	100%		391	100%	

Примечательно, что доля выпускников, чьи продуктивные действия отмечены специалистами, в общей численности выпускников, с которыми велась работа в квартале, не изменилась и составила 7 %. Однако изменился объем упоминаний о действиях: если в четвертом квартале 2015 г. на их долю приходилась пятая часть (22 %) всей внесенной информации, то в первом квартале 2016 г. – в два раза меньше (9 %).

Хотелось бы также отметить, что в первом квартале 2016 г. более чем в 2 раза увеличилось количество выпускников, о которых внесена информация, связанная с их жизненными планами. Кроме того, в этот период для значительно большего количества выпускников (43 %) по сравнению с предыдущим (20 %) стало возможным сделать вывод об изменении их жизненной ситуации в целом по имеющейся в отчетах информации.

Специалисты фиксируют продуктивные и повседневные действия выпускников в разных жизненных сферах, мы их обозначили в соответствии с картой оценки жизненной ситуации выпускника, используемой специалистами муниципальных служб сопровождения [12]:

– *правовой статус* – сфера связана с необходимыми правовыми документами, удостоверяющими личность, устанавливающими статус, закрепляющими права, в том числе право на дополнительные гарантии, право собственности и др.;

– *образование* – сфера определяет область учебы и получения профессии;

– *жилье* – сфера объединяет обеспечение жильем и условия проживания на данный момент времени и в ближайшем будущем;

– *трудоустройство* – сфера вклю-

чает устройство на работу, обстоятельства и содержание занятости;

– *источники доходов* – сфера соединяет получение средств существования и распоряжение ими;

– *поведение* – сфера объединяет характеристики взаимодействия с окружающими;

– *дети* – сфера связана с воспитанием выпускниками своих собственных детей;

– *служба в рядах вооруженных сил Российской Федерации* – сфера рассматривает подготовку и прохождение службы;

– *другое* – сфера для иных жизненных обстоятельств.

Объем информации, отнесенной к каждой из сфер, в квартальных отчетах меняется незначительно, максимально на 7 % для сферы образование (см. табл. 4).

Таблица 4

Проявления самостоятельности по жизненным сферам выпускника

№	Сферы жизни	4 кв. 2015 г. (всего 165)			1 кв. 2016 г. (всего 311)		
		Количество	Доля	Рейтинг	Количество	Доля	Рейтинг
1.	Правовой статус	6	4%	7	12	4%	7
2.	Образование	40	24%	2	97	31%	1
3.	Жилье	13	8%	6	31	10%	5
4.	Трудоустройство	41	25%	1	58	19%	2
5.	Источники доходов	18	11%	4	23	7%	6
6.	Поведение	16	10%	5	34	11%	4
7.	Дети	24	15%	3	43	14%	3
8.	Служба в рядах ВС РФ	6	4%	8	10	3%	8
9.	Другое	1	1%	9	3	1%	9
10.	Итого	165	100%		311	100%	

Чаще всего проявления самостоятельности специалисты отмечают в двух жизненных сферах: «образова-

ние» и «трудоустройство». Так, доля внесенной информации, относящейся к этим сферам выпускника, в четвер-

том квартале 2015 г. составила 49 %, в первом квартале 2016 г. – 50 %. Этот результат можно считать ожидаемым, так как занятость выпускника является значимым стимулом для внимания любого специалиста, работающего с ним. Проявления самостоятельности в сфере «образование» специалисты видят в следующем: «самостоятельно посещает образовательную организацию без прогулов», «осваивает программу», «не имеет задолженностей или погасил их», «успешно сдал сессию», «прошел практику», «готовится к экзаменам». В сфере «трудоустройство» отмечают: «прошел собеседование», «ищет варианты временной занятости», «встал на учет в центр занятости», «нашел вакансию», «заключил договор», «устроился на работу».

Количество выпускников, для которых специалисты отметили проявления самостоятельности в сфере занятости, выросло практически в 2 раза с 81 в четвертом квартале 2015 г. до 155 в первом квартале 2016 г.

Более, чем в два раза, увеличилось количество выпускников, о которых внесена информация, относящаяся к жизненным сферам «Жилье» (с 13 до 31 человека) и «Поведение» (с 16 до 34 человек). Специалисты фиксируют следующие проявления самостоятельности, отнесенные нами к обеспечению жильем и условиями проживания: «получил жилье», «обустроивает быт», «собирает необходимый пакет документов», «прописался», «решает проблему отопления с жилищной комиссией», «оформил регистрацию». Для жизненной сферы «Поведение» упоминается следующее: «научился общаться с узкими специалистами», «звонит специалисту, охотно встреча-

ется с ним», «сам проявил инициативу и стал членом молодежной инициативной группы техникума», «извинилась перед педагогом за нецензурные выражения», «не было случаев самовольного ухода», «перестали возникать конфликты с соседками по общежитию», «самостоятельно подготовил номер к концерту».

Приведем примеры, как проявления самостоятельности выпускников, увиденные специалистами, соотносятся с другими жизненными сферами. Внешняя информация о таких действиях, как: «получил ИНН», «поменял паспорт», «получил СНИЛС», «оформил банковскую карту», «сдал все необходимые документы в пенсионный фонд» – относится к сфере «Правовой статус».

К сфере «Источники доходов» отнесены упоминания о следующих действиях: «собрал документы на адресную материальную помощь», «оформил документы для получения детского питания», «погасил задолженности по коммунальным платежам», «стремится улучшить свое материальное положение, всегда готов подработать».

Такие упомянутые специалистами действия, как «справляется с обязанностями по уходу за ребенком», «оформила очередь в детский сад», «беременна, собирается рожать и воспитывать ребенка, будет регистрировать брак», говорят о проявлениях самостоятельности в сфере «Дети».

С проявлениями самостоятельности в сфере «Служба в рядах ВС РФ» связаны действия: «прошел медицинскую комиссию для военкомата», «самостоятельно заключил контракт на военную службу», «служит в рядах ВС РФ».

Влияние проявлений самостоятельности выпускников, внесенных специалистами в отчеты, на их жизненную ситуацию можно оценить двойкой, в одних случаях оно позитивное, в других – негативное. В отчетах за первый

квартал 2016 г. количество выпускников, чьи действия оказали позитивное влияние на ситуацию, выросло почти в 2 раза, со 120 до 232, а их доля с 25 % в четвертом квартале 2015 г. до 48 % в первом квартале 2016 г. (см. табл. 5).

Таблица 5

Характеристика изменения ситуации для разных групп выпускников

Группы выпускников	Позитивные изменения		Отсутствие изменений		Негативные изменения		Высокая оценка уровня адаптации*		Высокая оценка уровня адаптации* в обоих кварталах	Отсутствие проявлений самостоятельности в 1 кв.
	4 кв.	1 кв.	4 кв.	1 кв.	4 кв.	1 кв.	4 кв.	1 кв.		
Все	120	232	20	133	18	19	255	157	123	25
Совершеннолетние	103	198	17	123	16	13	227	144	113	25
Несовершеннолетние	17	34	3	10	2	6	28	13	10	0
Юноши	63	112	9	56	12	10	106	60	51	9
Девушки	57	120	11	77	6	9	149	97	72	16
Несовершеннолетние юноши	11	21	1	7	2	5	20	7	7	0
Несовершеннолетние девушки	6	13	2	3	0	1	8	6	3	0
Совершеннолетние юноши	52	91	8	49	10	5	86	53	44	9
Совершеннолетние девушки	51	107	9	74	6	8	141	91	69	16

* оценка дается на основе внесенной информации, количество выпускников дано с учетом выпускников, которым такую оценку дал специалист.

Особенно хотелось бы отметить, что в четвертом квартале 2015 г. информация о 44 % выпускников (215 человек) была представлена специалистами в виде общей оценки – «самостоятельно решает возникающие трудности», «сам решает свои проблемы», «самостоятельно справляется с труд-

ностями». В этом случае уместно говорить о приписанном специалистом высоком уровне адаптации выпускнику, так как другая информация о проявлениях самостоятельности представлена не была.

Рассмотрим информацию по этой группе выпускников, представленную

в отчетах за первый квартал 2016 г. Для половины выпускников (50 %) специалисты внесли данные, подтверждающие высокий уровень адаптации и умение самостоятельно справляться с возникающими трудностями. По упомянутым специалистами действиям и проявлениям для 18 % выпускников можно сделать вывод о позитивных изменениях в жизненной ситуации. В информации о проявлениях самостоятельности для 8 % выпускников с приписанным в четвертом квартале высоким уровнем адаптации специалисты ограничились словом «нет». В данном случае трудно однозначно сказать, относится «нет» к отсутствию проявлений самостоятельности или к отсутствию информации по данному выпускнику в целом. Информация о 4 % выпускников (8 человек) свидетельствует о негативных изменениях в жизненной ситуации выпускников, связанных в основном с получением профессионального образования (пропуски, задолженности, отчисление). Еще о 20% выпускников с приписанным высоким уровнем адаптации информация отсутствует, возможно, они были сняты с сопровождения в связи с достижением возраста 23 лет.

Хотелось бы отметить, что в первом квартале 2016 г. выпускников с приписанным высоким уровнем адаптации нет. Для всех выпускников представленная информация содержит упоминание о его продуктивных и повседневных действиях или качествах. На ее основе высокая оценка уровня адаптации может быть дана 157 выпускникам (32 %), тогда как в четвертом квартале 2015 г. таких выпускников было в 4 раза меньше – 40 человек (8 %).

В заключение остановимся на ген-

дерных и возрастных особенностях проявлений самостоятельности выпускниками, фиксируемых специалистами.

Ожидаемо, что совершеннолетние выпускники чаще получают от специалистов оценку «справляется сам», чем несовершеннолетние: 43 % и 38 % соответственно. Тогда как у последних чаще фиксируются проявления самостоятельности, приводящие к позитивным изменениям: у 47 % несовершеннолетних и 35 % совершеннолетних выпускников. И в целом жизненная ситуация несовершеннолетних выпускников менее устойчива, чаще подвержена негативным изменениям, чем совершеннолетних (см. табл. 6).

В проведенном нами ранее исследовании было показано, что с точки зрения готовности к самостоятельной жизни девочки перед выпуском из детского дома являются более компетентными по сравнению с мальчиками [3]. Они более мотивированы, умеют ставить позитивные жизненные цели и воспринимают социум как дружелюбный. Возможно, поэтому специалисты отмечают у несовершеннолетних девушек-выпускниц проявления самостоятельности, приводящие к позитивным изменениям, чаще, чем у несовершеннолетних юношей-выпускников: 51 % и 45 % соответственно. И в целом, по мнению специалистов, девушки, независимо от возраста, чаще способны решать свои проблемы самостоятельно: 47 % девушек и 37 % юношей. Последние чаще совершают поступки, отмечаемые специалистами, приводящие к негативным изменениям в жизненной ситуации: совершеннолетние юноши практически в 2 раза чаще своих сверстниц, а несовершеннолетние – в 3 раза.

Таблица 6

**Гендерные и возрастные особенности изменения ситуации
для разных групп выпускников**

	Позитивные изменения	Негативные изменения	Отсутствие изменений	Общая оценка специалиста «справляется сам»
Все (975 человек)	36%	4%	18%	42%
Совершеннолетние	35%	3%	19%	43%
Несовершеннолетние	47%	7%	7%	38%
Юноши	39%	5%	20%	37%
Девушки	34%	3%	16%	47%
Несовершеннолетние юноши	45%	10%	7%	38%
Несовершеннолетние девушки	51%	3%	8%	38%
Совершеннолетние юноши	38%	4%	22%	36%
Совершеннолетние девушки	33%	3%	17%	48%

В то же время специалисты склонны преувеличивать самостоятельность девушек по сравнению с юношами. Среди выпускников с приписанным высоким уровнем адаптации в четвертом квартале 2015 г. 57 % составляют девушки.

Выводы. Проведенный сравнительный анализ квартальных отчетов специалистов муниципальных служб сопровождения показал, что сознательное обращение внимания специалистов на проявления самостоятельности выпускников с просьбой фиксировать их продуктивные действия, приведшие

к определенному результату, изменения в повседневных практических действиях, изменения в «Я-концепции», приводит к количественным и качественным изменениям, а именно: увеличивается общее количество вносимой специалистами информации, расширяется ее спектр, она становится менее формальной и более дифференцированной.

Включение в зону пристального внимания специалистов не только проявлений дезадаптации, но и позитивных качеств и действий выпускников позволяет эффективнее использовать их внутренние ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Траектории социальной и профессиональной адаптации выпускников детских домов в России: обзор исследовательского отчета / Р.Н. Абрамов и др. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unitedway.ru/netcat_files/userfiles/3/Traektorii%20sotsialnoy%20i%20A0professionalnoy%20adaptatsii%20vypusknikov%20detskih%20domov%20v%20A0Rossii.%20Obzor%20issledovatel'skogo%20otcheta2.pdf (дата обращения: 21.10.2016)
2. Андреева Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. 288 с.
3. Исследование гендерных различий готовности к самостоятельной жизни воспитанников детских домов. Араканцева Т.А. и др. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 1. С. 6–13.

4. Бобылева И.А. Сопровождение как технология индивидуализации социально-педагогической поддержки детей, оставшихся без попечения родителей // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения: сборник научных статей / ред. В.Н. Ослон, Е.В. Селенина. М., 2013. С. 154–163.
5. Бобылева И.А., Заводилкина О.В. Подготовка воспитанников интернатных учреждений к самостоятельной жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 1. С. 6–15.
6. Гиллер Ю.И. Социология самостоятельной личности: монография. М., 2006. 223 с.
7. Дементьева И.Ф. Социальная адаптация детей-сирот (по материалам социологического исследования) // Социальная педагогика. 2003. № 2. С. 64–73.
8. Сопровождение социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: региональный опыт: монография. Н.Н. Ершова и др. /под общ. ред. Г.И. Симоновой. Киров, 2015. 185 с.
9. Иванова Н.П., Заводилкина О.В. О задачах и содержании работы по подготовке выпускников интернатных учреждений при вхождении в самостоятельную жизнь // Постинтернатное сопровождение детей-сирот: успешные практики, технологии, нормативное обеспечение: материалы межрегиональной научно-практической конференции. 22–23 июня, г. Смоленск / под. ред. И.А. Бобылевой. М., 2010. С. 164–172.
10. Комплексное сопровождение и коррекция развития детей-сирот: социально-эмоциональные проблемы / под науч. ред. Л.М. Шипициной, Е.И. Казаковой. СПб., 2000. 108 с.
11. Назарова И.Б. Адаптация и возможные модели мобильности сирот. М., 2000. 239 с.
12. Найденова А.В., Заводилкина О.В. Карта оценки жизненной ситуации выпускника как инструмент организации помощи и поддержки // Сопровождение сирот: современные вызовы: материалы межрегиональной научно-практической конференции. 5–6 декабря 2013 г., г. Калуга / сост. И.А. Бобылева. 2014. С. 220–225.
13. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1996/961/961005.htm> (дата обращения: 21.10.2016)
14. Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. М.; Обнинск, 2010. 232 с.
15. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение. СПб., 2004. 416 с.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 2. М., 1989. 328 с.
17. Самостоятельность в принятии решений [Электронный ресурс]. URL: http://psihologia.biz/psihofiziologiya_801/samostoyatelnost-prinyatii-resheniy-38117.html
18. Семья Г.В. Результаты Федерального мониторинга социальной адаптации выпускников образовательных организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Региональные программы социальной адаптации выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: материалы межрегиональной научно-практической конференции (30 июня – 1 июля 2011 г., г. Смоленск); сост. И.А. Бобылева. М., 2011. С. 34–63.
19. Семья Г.В., Головань А.И., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г. Результаты проведения статистического и психологического исследования положения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Москве; под науч. ред. Г.В. Семья. М., 2014. 140 с.
20. Шипицына Л.М. Психология детей-сирот : учеб. пособие. СПб., 2005. 628 с.

REFERENCES

1. Traektorii sotsial'noi i professional'noi adaptatsii vypusnikov detskikh domov v Rossii: obzor issledovatel'skogo otcheta [Elektronnyi resurs]. [The Trajectory of Social and Professional Adaptation of Graduates of Orphanages in Russia: review of the Research Report [Electronic Source]. 2016.]. Abramov R.N., Antonova K.A., Grach E.A., Il'in A.V., Lyubarskii G.Yu., Chernova Zh.V. URL: http://www.unitedway.ru/netcat_files/userfiles/3/Traektorii%20sotsialnoy%20i%20C2%A0professionalnoy%20adaptatsii%20vypusnikov%20detskikh%20domov%20v%20C2%A0Rossii.%20Obzor%20issledovatel'skogo%20otcheta.2.pdf (request date: 21.10.2016).
2. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. 2-e izd., pererab. i dop [Psychology of Social Knowledge: Textbook for Students of Higher Educational Institutions. 2-nd Ed., Rev. and Suppl.]. M., 2000. 288 p.
3. Issledovanie gendernykh razlichii gotovnosti k samostoyatel'noi zhizni vospitannikov detskikh domov [A Study of Gender Differences in Orphanages' Readiness to Independent Living] T.A. Arakantseva and oth. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2015, no. 1, pp. 6–13.
4. Bobyleva I.A. Soprovozhdenie kak tekhnologiya individualizatsii sotsial'no-pedagogicheskoi podderzhki detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [Support as a Technology of Individualization of Social and Pedagogical Support for Children Left without Parental Care] Psikhicheskaya deprivatsiya detei v trudnoi zhiznennoi situatsii: obrazovatel'nye tekhnologii profilaktiki, reabilitatsii, soprovozhdeniya: sbornik nauchnykh statei [Mental Deprivation of Children in Difficult Life Situation: Educational Technology of Prevention, Rehabilitation, and Maintenance. Collection of Scientific Articles] / ed. by V.N. Oslon, E.V. Selenina, M., 2013. pp. 154–163.
5. Bobyleva I.A., Zavidilkina O.V. Podgotovka vospitannikov internatnykh uchrezhdenii k samostoyatel'noi zhizni [Training Children in Residential Care to Independent Living] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2015, no. 1, pp. 6–15.
6. Giller Yu.I. Sotsiologiya samostoyatel'noi lichnosti: monografiya [Sociology of self-personality: monograph]. M., 2006. 223 p.
7. Dement'eva I.F. Sotsial'naya adaptatsiya detei-sirot (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Social Adaptation of Children-Orphans (on Materials of Sociological Research)] // Sotsial'naya pedagogika. 2003, no. 2, pp. 64–73.
8. Soprovozhdenie sotsial'noi adaptatsii detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei: regional'nyi opyt: monografiya [etc. Support of Social Adaptation of Children-Orphans and Children Left without Parental Care: Regional Experience: Monograph] N.N. Ershova and oth. Kirov, 2015. 185 p.
9. Ivanova N.P., Zavidilkina O.V. O zadachakh i sodержanii raboty po podgotovke vypusnikov internatnykh uchrezhdenii pri vkhozhenii v samostoyatel'nyu zhizn' [The Objectives and Content of Work on Preparing Graduates of Orphanages Entering Independent Life] Postinternatnoe soprovozhdenie detei-sirot: uspeshnye praktiki, tekhnologii, normativnoe obespechenie: materialy mezhtsemykh nauchno-prakticheskoi konferentsii. 22–23 iyunya, g. Smolensk [Post-Orphanage Support of Orphans: Best Practices, Technology, Regulatory Support. Materials of the Interregional Scientific-Practical Conference. Part 1. June 22–23, Smolensk] / ed. by I. A. Kuzmina Bobyleva. M., 2010. pp. 164–172.
10. Kompleksnoe soprovozhdenie i korrektsiya razvitiya detei-sirot: sotsial'no-emotsional'nye problemy [Comprehensive Support and Treatment of Orphans: Socio-Emotional Problems]. SPb., 2000. 108 p.

11. Nazarova I.B. Adaptatsiya i vozmozhnye modeli mobil'nosti sirot [Orphans' Adaptation and Possible Models of Mobility]. М., 2000. 239 p.
12. Naidenova A.V., Zavodilkina O.V. Karta otsenki zhiznennoi situatsii vypusknika kak instrument organizatsii pomoshchi i podderzhki [Map evaluation of the living situation of the graduate as a tool to assist and support] Soprovozhdenie sirot: sovremennye vyzovy. Materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 5–6 dekabrya 2013 g., Kaluga / Sost. I.A. Bobyleva [Support orphans: contemporary challenges: materials of the interregional scientific-practical conference (December 5–6, 2013, Kaluga) / Comp. I.A. Bobylev]. 2014. pp. 220–225.
13. Osnitskii A.K. Problemy issledovaniya sub"ektnoi aktivnosti [Elektronnyi resurs]. [Problems of Research of Subject Activity [Electronic Source]]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1996/961/961005.htm> (request date: 21.10.2016).
14. Osnitskii A.K. Psikhologicheskie mekhanizmy samostoyatel'nosti [Psychological Mechanisms of Independence]. М.; Obninsk, 2010. 232 p.
15. Rean A.A. Psikhologiya lichnosti. Sotsializatsiya, povedenie, obshchenie [Psychology of Personality. Socialization, Behavior, Communication]. SPb., 2004. 416 p.
16. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii. V 2 t. Tom II [Fundamentals of General Psychology. In 2 Vols Vol II]. М., 1989. 328 p.
17. Samostoyatel'nost' v prinyatii reshenii [Elektronnyi resurs] // Sait [http](http://psihologia.biz/) [Autonomy in Decision-Making [Electronic Source] // Website [http](http://psihologia.biz/) psihologia.biz/ [psihologia.biz/]. URL: http://psihologia.biz/psihofiziologiya_801/samostoyatelnost-prinyatii-resheniy-38117.html
18. Sem'ya G.V. Rezul'taty Federal'nogo monitoringa sotsial'noi adaptatsii vypusknikov obrazovatel'nykh organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [Results of Federal Monitoring of Social Adaptation of Graduates of Educational Institutions for Children-Orphans and Children Left without Parental Care] Regional'nye programmy sotsial'noi adaptatsii vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei: materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 30 iyunya – 1 iyulya 2011 g., Smolensk; sost. I.A. Bobyleva. [Regional Programmes of Social Adaptation of Graduates of Institutions for Orphans and Children Left without Parental Care. Materials of the Interregional scientific-Practical Conference. June 30 – July 1, 2011, Smolensk; Comp. A. I. Bobylev.]. М., 2011. pp. 34–63.
19. Rezul'taty provedeniya statisticheskogo i psikhologicheskogo issledovaniya polozheniya vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei, v gorode Moskve [The Results of the Statistical and Psychological Studies of the Situation of Graduates of Institutions for Orphans and Children Left without Parental Care in Moscow]. Sem'ya G.V., Golovan' A.I., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G. М., 2014. 140 p.
20. Shipitsyna L.M. Psikhologiya detei-sirot : uchebnoe posobie [Psychology of Orphans: Tutorial]. SPb., 2005. 628 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобылева Ирина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», главный специалист-эксперт Благотворительного фонда социальной помощи детям «Расправь крылья!»;

e-mail: bobyleva_ia@rambler.ru

Заводилкина Ольга Владимировна – старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», специалист-эксперт Благотворительного фонда социальной помощи детям «Расправь крылья!»;
e-mail: dlyavas28@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bobyleva Irina – PhD, Associate Professor, leading researcher at «Institute for the Study of Childhood, Family and Education», the Main Specialist-Expert of the Charity Fund of Social Assistance to Children «Spread your Wings!»;
e-mail: bobyleva_ia@rambler.ru

Zavodilkina Olga – Senior Researcher at «Institute for the Study of Childhood, Family and Education», Specialist-Expert of the Charity Fund of Social Assistance to Children «Spread your Wings!»;
e-mail: dlyavas28@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Бобылева И.А., Заводилкина О.В. Проявления самостоятельности у выпускника детского дома: взгляд специалиста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 123–137.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-123-137

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Bobyleva, O. Zavodilkina. Manifestations of Orphanage Graduates' Self-Dependence: a View of a Specialist // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 4. pp. 123–137.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-4-123-137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет

ПРИГЛАШЕНИЯ НА XII ЛЕВИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XII ЛЕВИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Факультет психологии Московского государственного областного университета приглашает Вас 19–20 апреля 2017 г. принять участие в работе Международной научно-практической конференции:

«Прикладная психология: современное состояние, эффективность исследований, перспективы развития»

Председатель оргкомитета: **Мельников Тимур Николаевич**, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета психологии Московского государственного областного университета.

Зам. председателя оргкомитета: **Колесник Наталья Тарасовна**, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии труда и организационной психологии, заместитель декана факультета психологии по учебной работе, член редакционной коллегии серии «Психологические науки».

Члены оргкомитета:

Носс Игорь Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, член редакционной коллегии серии «Психологические науки».

Климова Елена Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии.

Кишиков Роман Валентинович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии.

Путивцев Павел Викторович, кандидат психологических наук, доцент кафе-

дры психологии труда и организационной психологии.

Работа конференции предполагается в следующих секциях:

1. Психологическое сопровождение становления профессиональной идентичности специалистов государственных, коммерческих и общественных организаций.

2. Консультативная практика: современное состояние, исследования эффективности, перспективы развития.

3. Современные проблемы прикладной социальной психологии.

4. Теоретические и прикладные проблемы психолого-педагогических исследований субъектов образовательного процесса.

5. Современное состояние и перспективы развития психологии личности в современном транзитивном обществе: теория и практика.

6. Актуальные проблемы психологии и педагогики дошкольного образования.

7. Методологические и технологические принципы развития приклад-

ного бакалавриата.

8. Особенности обучения иностранному языку на разных возрастных этапах: дошкольники, школьники, студенты.

По итогам конференции планируется издание сборника материалов в электронном варианте, который будет размещен в открытом доступе на сайте университета. Рассылка электронной версии бесплатная. Минимальный объем публикуемых тезисов – 5 страниц. Взнос за соавтора отсутствует.

Как принять участие в конференции

1. Вы отправляете нам статью и сведения об авторе на адрес kaf-psirpd@mgou.ru (**тема письма – «XII Левитовские чтения»**). **Статьи принимаются только по электронной почте.**

2. Оргкомитет рецензирует Вашу статью (в течение 3–5 дней).

3. После выхода сборника материалов конференции мы отправляем Вам на Вашу электронную почту электронную версию сборника.

Контрольные даты проведения конференции

Прием заявок и текстов статей	до 02 апреля 2017 г. включительно
Проведение конференции	19 - 20 апреля 2017 г.
Извещение автора о принятии статьи к публикации	в течение 3–5 дней после получения материалов
Рассылка электронной версии сборника	1-я половина июня 2017 г.

К тексту статьи необходимо прислать заявку на участие в конференции:

Фамилия, имя, отчество автора (полностью)	
Название конференции	XII Левитовские чтения «Прикладная психология: современное состояние, эффективность исследований, перспективы развития»
Название статьи	
Номер секции	

Место работы или учебы, должность	
Ученая степень, ученое звание	
Контактный телефон и <u>адрес электронной почты</u>	
Как Вы узнали о проведении этой конференции? (например, поиск в Интернете, коллеги, сайты конференций и т. п.)	

Общие требования к оформлению статей и заявок

Название файла с <u>заявкой</u>	Отдельный файл с названием «Заявка_ Фамилия и инициалы автора» (например, Заявка_Петров АВ)
Название файла со <u>статьей</u>	Отдельный файл с названием «Номер секции_Фамилия автора» (например, «5_Петров АВ»)
Тип файлов	Microsoft Word 97-2003 (doc)
Размер листа	A4
Поля	Левое, правое, верхнее и нижнее – 2 см
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	12
Выравнивание текста	по ширине
Абзац (отступ)	1,25 см.
Нумерация страниц	не ведется
Оформление <u>внутритекстовых библиографических ссылок.</u>	Внутритекстовые библиографические ссылки приводятся в квадратных скобках, где делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы и страницу – [18, 65]. Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой: [4,15; 5,123]. Пример оформления см. в Приложении 1.
Оформление списка литературы (<u>затекстовые библиографические ссылки</u>)	Затекстовые библиографические ссылки помещаются после текста статьи под общим подзаголовком «Литература». Представляют собой ссылки на работы, использованные автором статьи. Работы в списке литературы должны быть размещены в алфавитном порядке. Пример оформления см. в Приложении 2.
Рисунки / диаграммы	черно-белые, внедрены в текст
Объем статьи	от 5 страниц, но не более 10 (1 страница = 1800 знаков без пробелов, количество страниц округляется в большую сторону до целого числа)

Оформление титульной страницы статьи:

- первая и вторая строка – Ф.И.О. автора, место учебы/работы и должность (курсивный шрифт, выравнивание по правому краю),
- третья строка – пустая;
- четвертая строка – заглавие (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- пятая строка – пустая;
- шестая строка – текст статьи.

Пример оформления см. в **Приложении 1**.

Контакты оргкомитета:

Адрес оргкомитета и проведения конференции: 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, ГОУ ВО МО «МГОУ»

E-mail: kaf-psirpd@mgoul.ru

Телефон: (8-499) 261-29-45,

Контактные лица: Колесник Наталья Тарасовна, Климова Елена Михайловна.

Приложение 1.**Оформление титульного листа статьи и ссылок на литературу**

*Иванов Иван Иванович,
Московский государственный областной университет,
доцент кафедры общей и педагогической психологии*

Психологические критерии оценки организационной структуры

Системный подход к организации как социальной системе предполагает выделение и анализ основных компонентов, ее образующих, а также взаимосвязей между ними.

Система управления любой организацией состоит из нескольких взаимосвязанных подсистем, управляющих различными видами ресурсов для достижения коммерческих или некоммерческих целей. Такими подсистемами могут быть:

- подсистема управления финансовыми ресурсами;
- подсистема управления материально-техническими ресурсами;
- подсистема управления маркетингом и продажами;
- подсистема управления человеческими ресурсами (персоналом);
- подсистема управления информационными ресурсами.

Эффективность, рациональность построения каждой подсистемы влияют на конечный результат. Максимальный эффект от системы управления может быть достигнут при сбалансированности подсистем и качества их построения.

Одной из подсистем, определяющих взаимосвязь выполняемых функций, бизнес-процессов, их объемов и реализующих их человеческих ресурсов является **организационная структура** (ОС).

Под **структурой** организации понимается ее архитектоника, структурные компоненты, их соотношение, типы связей между ними, степень жесткости организационной конфигурации [2, с. 72–79].

Основными элементами организационной структуры являются:

- уровни управления;
- элементы и звенья управления;
- управленческие связи.

Приложение 2.

Оформление списка литературы

Литература

3. Парахина, В. Н. Теория организации [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Парахина, Т.М. Федоренко. – 3-е изд., стереотип. – М.: КНОРУС, 2007. – 296с.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
2016. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор Т.С. Павлова
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор А.С. Барминова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,5 усл. п.л. 9.

Подписано в печать: 30.12.2016. Выход в свет: 31.01.2017. Заказ № 2016/12-06.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а